

2 81-13
2 29-2

М. РАХМАТОВ

**НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ
ПОСТУ**

ДУШАНБЕ
«ИРФОН»
1991

ББК 63.3(2Т)
Р 27

Литературная обработка Л. Кандинова

Р 27 Рахматов М.

На дипломатическом посту.— Душанбе: Ирфон, 1991. 128 с.

Эта книга — воспоминания бывшего партийного и государственного деятеля Мирзо Рахматова, является продолжением вышедшей в издательстве «Ирфон» в 1988 г. его книги «По страницам памяти». В предлагаемом читателям издании автор рассказывает о своей работе послом СССР в Йеменской Арабской Республике и Мавритании.

0802000000 — 68
Р _____ без объявл.
501(12)—91

ББК 63.3(2Т)

ISBN 5—667—00—474—7

© Издательство «Ирфон», 1991.

Эту книгу я посвящаю работе на дипломатическом посту. Мне выпала высокая честь представлять нашу Советскую Родину за рубежом и участвовать в проведении внешней политики нашей партии в странах, сбросивших иго колониализма. Поэтому хочется на фактическом материале рассказать, главным образом молодому поколению, как советские дипломаты претворяют в жизнь основополагающие внешнеполитические принципы нашего государства, сформулированные еще на заре советской власти В. И. Лениным, и какие используют для этого средства, методы и формы.

Скажу сразу: сила советской дипломатии в том, что она вооружена марксистско-ленинской теорией, из которой черпает и знание общих законов исторического развития, и умение, опираясь на них, глубоко учитывать конкретные факты действительности, правильно разбираться в самых сложных международных ситуациях. Выражая чаяния и интересы всего прогрессивного человечества, она отличается искренностью и честностью, ее основное оружие — это правда, она говорит всегда прямо и открыто, чем нередко приводит в растерянность буржуазных политиков и дипломатов, оппортунистов и ревизионистов всех мастей, все еще рассматривающих свою деятельность как «искусство» интриги, обмана и хитрости и прикрывающих истинные цели сил империализма и реакции лицемерным красноречием.

Выдающийся советский дипломат, работавший под непосредственным руководством В. И. Ленина, Георгий Васильевич Чичерин писал, что методы советской дипломатии самым резким образом отличаются ее от старой дипломатии и поэтому от дипломатии других стран. Она действует при помощи марксистского анализа исторических процессов и ищет поэтому основные, глубо-

чайшие течения в ходе развития политических и экономических отношений современности, за конкретными отношениями сегодняшнего дня она старается постигнуть основные двигательные силы современных событий, чтобы приоровить свою деятельность к их поступательному движению.

Это писалось в 1923 году, но звучит актуально и теперь, в наши дни, ибо точно определяет «секреты» непреодолимой силы советской дипломатии. Она свято выполняет ленинские заветы и волю советского народа, активно выступающего против захватнических войн, за мирное сосуществование государств с различным строем, за единство и сплоченность социалистических стран и всестороннее сотрудничество с молодыми развивающимися государствами, сбросившими колониальное иго.

Наша эпоха — эпоха торжества ленинских идей, и показать это на примерах из своей жизни и деятельности — главная цель моих воспоминаний.

Я не вел дневников, записи в моих блокнотах кратки и отрывочны, но есть документы в архивах, есть у меня многочисленные фотографии, которые помогают воссоздать прожитое и пережитое. Кроме того, опыт многолетней партийно-советской работы и дипломатической службы чрезвычайно развивает память, позволяющую удерживать в голове многие события и содержание наиболее значительных встреч и бесед, хотя целиком полагаться на нее, разумеется, нельзя, и, сознавая это, я часто обращался за помощью к работникам Института истории партии при ЦК КП Таджикистана и республиканской государственной библиотеки имени Фирдоуси, научной библиотеки Министерства иностранных дел СССР, которым выражаю сердечную благодарность.

Также выражаю свою искреннюю благодарность руководству отделов МИД СССР — Ближнего Востока и первого Африканского, в частности тт. Пересыпкину О. Г. и Дружинину И. Ф. за их ценные замечания и пожелания в ходе работы над этой книгой.

Автор.

«СЧАСТЛИВАЯ АРАВИЯ»

Так называли юго-западную часть Аравийского полуострова древние римляне. Да и сами йеменцы, во всяком случае многие из тех, с кем доводилось беседовать на темы истории Аравийской земли, считают, что название их страны произошло от слова «йамуна» — «стать счастливым, быть благословенным». Если это соответствует истине, то тогда, думаю, мне, название отразило не столько господствовавшие в разные времена представления о счастье, сколько извечное народное стремление к нему, тем более, что Йемен — страна трудной судьбы.

Перед тем как приступить к обязанностям советского посла в Йеменской Аравийской Республике, еще находясь в Москве, я детально ознакомился с всевозможной информацией о ней, в том числе касающейся истории и этнографии. Затем многое довелось увидеть, как говорится, своими глазами, испытывая такие противоположные чувства, как восхищение и сострадание. Может быть, здесь следует изложить хотя бы вкратце то, что изучил, познал и прочувствовал, ибо, полагаю, что советский дипломат в своей повседневной практике руководствуется ленинским учением о внешней политике, одно из важнейших научно-теоретических положений которого сводится к требованию — исторического анализа внутренних и внешних проблем в органическом единстве, учета конкретных исторических условий и реальных факторов действительности.

Короче говоря, без знания истории страны, в которой находится дипломат, ему никак нельзя, и поэтому он старается узнать и увидеть как можно больше. А история Йемена весьма богатая, это одна из самых древних в арабском мире стран, и многие арабы в соседних ближневосточных государствах считают себя потомками йеменцев. Я не мог не восхищаться много-

численными историческими памятниками в долине Сервах и в городах Мирабе и Дамаре, остатками химьяритских дворцов и замков вблизи городов Ярима йибба и другими свидетельствами высокой цивилизации древнего Йемена. На йеменской денежной купюре достоинством 10 риалов изображена Марибская плотина, длина которой один километр, а высота более 15 метров. Как же можно не изумляться и не восторгаться, когда узнаешь, что она была возведена свыше 2700 лет тому назад и является чуть ли не первым в мире гидротехническим сооружением для искусственного орошения земель?

Химьяритское государство возникло в юго-западной части Аравийского полуострова, на территории современного Йемена, еще в конце II века до нашей эры и процветало несколько столетий. Столица его находилась близ нынешнего города Ярима; судя по сохранившимся развалинам, была крупным экономическим, торговым и культурным центром на всем Ближнем Востоке. Тогда еще, в период существования этого государства, в стране начали складываться феодальные производственно-общественные отношения — как известно, прогрессивные по сравнению с рабовладельческими, но, подобно всем, основанным на эксплуатации людей труда, принесшие человечеству немало бед и страданий.

Горячее сочувствие вызывает тот факт, что йеменский народ до сих пор вынужден испытывать муки, связанные с господством этих феодальных, а в ряде мест даже феодально-патриархальных производственно-общественных отношений, сохранившихся с незапамятных времен. Причин тому много, и самая главная из них — это то, что Йемен на протяжении многих веков подвергался чужеземным нашествиям и грабился колонизаторами, которые действовали по принципу «разделяй и властвуй», то есть искусственно поддерживали родоплеменную структуру и всячески разжигали межплеменную рознь.

В начале VI века Йемен попал под власть Хабашистана (Эфиопии), затем его захватили персы (иранцы), последний хаким¹, Барзан, принял мусульманство. До этого в стране получили некоторое распространение христианство и иудаизм, теперь же господствующей

¹ Хаким — правитель.

религией все больше становится ислам. С утверждением ислама связано и возникновение на территории страны ряда государств, в том числе зияидов со столицей в Забиде и яфуридов со столицей в Сане. Несколько позже, примерно в 90-х годах VIII века, в городе Сааде укрепились шиитская секта, имам которой аль-Хади Яхья бен аль Хусейн стал основоположником династии зейдитских йеменских правителей, впервые совместивших в своем лице функции главы мусульманской секты и светского правителя.

Знакомясь с историей Йемена, я порой вспоминал стихи Саади:

Не то что люди,— пыль земли,
Погибнуть горы могут.
На горы горе навали —
И горы изнемогут.

Отдельный человек, взятый сам по себе, думал я, может быть и вправду «пыль земли», но народ могущественнее самых могучих гор, он способен выдержать любые испытания, сохранить свою самобытность и пронести свою веру в лучшее будущее через тьму столетий. Я знал это на примере родного народа и находил факты, подтверждающие это, в истории и реальной действительности йеменского и других народов Азии и Африки, веками отстаивавшими национальную независимость и в конечном счете завоевавшим ее.

Йемен топтали полчища египетских пашей, он был объектом ожесточенной борьбы между чужеземными захватчиками, в том числе между королевской Португалией и османской Турцией, на него зарились монархи Нидерландов и Франция, его делили английские и турецкие колонизаторы. Но йеменский народ не желал покоряться завоевателям, он вновь и вновь восставал против иностранного ига. В первой половине XVII века ему удалось изгнать из страны османских угнетателей и создать независимое государство, в состав которого вошли обширные территории на севере и в центральной части — Тихама, Джебель, Асир, а также Аден и значительная часть Хадрамауты на юге. В стране установилось относительное спокойствие, появились определенные возможности для развития экономики и культуры, завязались активные международные торговые связи, в том числе с Западной Европой. В Мохе открылись фактории голландских, французских и анг-

лийских купцов. Особое значение для развития внешней торговли приобрел экспорт знаменитого йеменского кофе.

Однако этот период независимого существования и подъема хозяйственной и культурной жизни, наметившийся в годы правления имамов Касема, Мухаммада и аль-Мутавакиля Исмаила (1644—1676), продолжался недолго. Имамат, увы, оставался непрочным объединением племен и разобщенных экономических районов. Попытки укрепить централизованную власть, в частности, наладить систему регулярного налогообложения, вызывали недовольство племенных царьков и вождей. Феодалными междоусобицами, как всегда, воспользовались чужеземные захватчики. Сначала Йемен стал объектом опустошительных набегов отрядов центрально-аравийского ваххабитского султаната, а затем — колонизаторской экспансии Великобритании и османской Турции.

Как известно, в настоящее время существует два йеменских государства: Народная Демократическая Республика Йемен и Йеменская Арабская Республика. Забегая несколько вперед, скажу, что правительства обеих республик рассматривают находящиеся под их юрисдикцией территории как часть единого Йемена, полагают, что в будущем они воссоединятся, и поэтому считают разграничительные линии временными. Объединение, несомненно, было бы прогрессивным явлением, но это внутреннее дело народа. Мне хочется лишь подчеркнуть, что такое разделение произошло в результате империалистической политики приобретения колоний и драки за ближневосточные владения между крупнейшими колониальными хищниками.

Представляется целесообразным именно здесь подчеркнуть, что империалисты и сегодня остаются верными своей привычке разделять и властвовать. Пытаясь вернуть Йемен под свой контроль, они не гнушаются никакими методами, в том числе и грязными провокациями, направленными на то, чтобы столкнуть два йеменских государства в братоубийственной войне. Об этом свидетельствуют, скажем, обстоятельства убийства в июне 1978 года президента ЙАР Аль-Гашими, или факты совсем недавнего времени, очевидно, еще свежие в памяти читателя, когда после победы революции в Афганистане и крушения реакционного шахского ре-

жима в Иране американские политики стали предпринимать лихорадочные шаги по удержанию своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке. В числе этих шагов, как известно, была и переброска по воздуху оружия и американских инструкторов в Северный Йемен. Вот выдержка из информации ТАСС, опубликованной в газете «Правда» 11 марта 1979 года:

«Представитель госдепартамента сообщил, что президент США подписал указ о поставках американского оружия в северный Йемен. Предполагается, в частности, поставить 12 самолетов «Ф-5», 64 танка, 50 бронетранспортеров и другие виды вооружения».

Газета «Нью-Йорк таймс» в этой связи цитирует пожелавшего остаться неизвестным американского представителя, который заявил, что оружие направлено в Северный Йемен для использования против НДРЙ. В сборке и подготовке военной техники к бою, добавил этот представитель, примут участие американские специалисты».

Информация названа очень точно и метко: «Подливают масло в огонь», ибо президент США подписал свой указ без санкции конгресса, используя право, предусмотренное для чрезвычайных ситуаций, в то самое время, когда правителей НДРЙ и ЙАР заключили соглашение о прекращении вооруженных столкновений, мирном урегулировании конфликта и разрешении разногласий путем переговоров. Подоплеку подобных действий раскрыла и сама буржуазная печать. Вот что писала, например, газета «Интернэшнл геральд трибюн»:

«По словам осведомленных лиц, официальные представители правительства США, сообщая о решении тогдашнего президента США Картера конгрессу, не дали ясного объяснения, к чему такая спешка с отправкой оружия в ЙАР. Когда представителя Белого дома попросили сказать, как правительство объясняет такое решение, он ответил: «Мы имеем дело с локальной войной в такой момент и в таком месте, когда на карту поставлено многое», то есть в национальных интересах Америки, что особо жаждет в этом военно-промышленный комплекс американского империализма.

Таким образом, империалистические методы ничуть не изменились, это та же самая «дипломатия канонерок», то есть демонстрация военной мощи, а то и пря-

мой агрессии, лишившей в свое время народ древнего Йемена, как и многие другие народы Азии и Африки, национальной независимости и суверенитета.

«Дипломатия канонерок», о которой я упоминал несколько выше, была рождена именно колониальной политикой британских правителей. В 1839 г. под предлогом наказания местных племен, ограбивших индийское судно, они высадили в Адене морской десант, который оккупировал город. Аден был превращен в крупную военную базу, откуда началось завоевание Южного Йемена и всей южной части Аравийского полуострова, причем не только силой оружия, но и путем подкупа шейхов и других удельных царьков и вождей племен.

Йеменский народ никогда не сдавался, он упорно сражался с иностранными колонизаторами. В мае 1909 года йеменским имамом стал аль-Мутаваккиль Яхья, сразу же призвавший народ к восстанию против турецких поработителей, в 1872 году вторгся в северный Йемен и объявив его Турецким вилайетом. Зейдидские племена вынудили турок «даровать» им автономию в рамках империи, после чего Яхья, используя ситуации, сложившиеся в результате вспыхнувшей первой мировой войны, развернул борьбу с английскими колонизаторами на юге. Когда в результате разгрома Османской империи турецкая экспедиционная армия в 1918 году капитулировала, англичане подвергли жестокой бомбардировке с моря Ходейду, высадили в городе свои войска и потребовали, чтобы имам тоже сдался. Но Яхья не пошел на капитуляцию, отказался признать «право» колонизаторов на Аден и весь Южный Йемен. Борьба, таким образом, продолжалась. Лишь в 1934 году был достигнут вынужденный компромисс: в соответствии с заключенным договором Англия признала независимость Йеменского королевства (Северного Йемена), однако оставляла за собой Аденский протекторат и остров Ярим, расположенный напротив города Ходейда, и король обязывался воздерживаться от поддержки освободительного движения на названных территориях.

В тот период, чтобы заставить Яхью быть поговорчивее, британцы вкупе с другими империалистическими державами спровоцировали войну между Северным Йеменом и Саудовской Аравией. Йемен потерпел поражение и потерял часть своей территории. Это по-

казало, насколько страна была отсталой во всех отношениях, даже по сравнению с таким однотипным средневековым государством, как Саудовское королевство в то время.

Надо отметить, что Яхья жестко придерживался мусульманских догм, нравов и обычаев, был ярким противником всяких реформ, считая их результатом чужого западного влияния, подрывом основ ислама. Вместе с тем он понимал, что интересы страны требуют развития международных связей и поддерживал торговые отношения с Италией и нашей страной. Первый советско-северо-йеменский договор о дружбе и торговле был подписан 1 ноября 1928 года, т. е. более полувека тому назад, как сказал об этом событии нынешний президент страны Салех, «открыв одну из первых страниц в истории советско-арабских отношений, они являются наиболее прочными среди них»¹. В период второй мировой войны йеменское королевство сохранило нейтралитет и, в частности, не позволило фашистской Италии создать на своей территории военную базу. Когда же Муссолини и Гитлер попытались оказать нажим, король Яхья разорвал с ними дипломатические отношения и в 1943 году выслал из страны всех итальянских и германских подданных.

Йемен твердо стоял на позициях нейтралитета и в годы «холодной войны», отказавшись войти в сколоченный США Багдадский пакт и отвергнув «доктрину Эйзенхауэра», предусматривающую организацию т. н. «Средневосточного командования», то есть еще одного военного блока, направленного против стран социалистического содружества. В середине 50-х годов Йемен установил с этими странами дружественные отношения. 31 октября 1955 года было возобновлено советско-йеменское соглашение о торговле и платежах, 11 июня того же года советско-йеменское соглашение о техническом и экономическом сотрудничестве, в соответствии с которым наша страна взялась оказать помощь в строительстве ряда объектов.

В Северном Йемене проживает немногим более 7—7,5 миллионов человек, а общая площадь составляет 195—200 тысяч квадратных километров. Цифры эти, впрочем, относительные, так как в стране прежде не

¹ «Правда», 29 октября 1981 г.

проводилась перепись населения, не велся никакой учет. На севере Йеменская Аравская Республика граничит с Саудовской Аравией, на юге — с Народной Демократической Республикой Йемен, на востоке и юго-востоке упирается в песчаные пустыни Руб-Эль-Хали и Бейхан, на западе омывается Красным морем. Столица ее — город Сана, один из старинных городов страны, с населением свыше 150 тысяч человек.

Когда я впервые увидел панораму Саны, я подумал о родных местах и вспомнил наш Душанбе, вспомнил Гиссарскую долину — до чего же похоже!.. Город тоже расположен как бы в середине гор, посреди обширной и тоже холмистой зеленой долины, которую называют Восточной равниной — Машрик или Шарки. Это самое настоящее плоскогорье — Сана находится на высоте 2350 метров над уровнем моря, и климат здесь благоприятствует развитию орошаемого земледелия, однако орошение зависит в основном от накопления дождевых вод.

С точки зрения рельефа страну можно разделить на четыре части. Помимо Машрика, это высокогорный район Джембл — высота гор до 4 тыс. метров, простирающийся от города Саада до города Дамара, с зимней температурой до 0 и летней до 35—38°; равнина от Хадджа до Таизза, где осадки выпадают только весной, и равнина Тихама, занимающая около 1/8 части всей территории страны, пустынная, жаркая и влажная: в районе Ходейда, например, среднегодовая температура составляет свыше +30°, в летние месяцы превышает 40°, без дневных и вечерних перепадов, при влажности воздуха более 90 процентов. Следует, однако, сказать, что Ходейда является крупным, первым по своему значению городом, так и равнина Тихама имеет большие перспективы для сельскохозяйственного освоения и в конечном счете — для общего подъема экономики ЙАР.

Мне довелось побывать во всех природно-климатических зонах страны и во всех ее крупных городах. Общее впечатление можно сформулировать коротко: смесь средневековья с современностью. Это относится не только к нынешней столице — городу Сана, или к городу Таиззу, который считается второй столицей Северного Йемена, но и к таким городам, как Ибб, Забид, Саада, Хадджа, Манаха, Бейт-эль Факих, Моха,

Зз Зухра, Дамар... Исключение составляет, пожалуй, Ходейда, где влияние современности ощущается более сильно; об этом скажу ниже.

Сана по существу делится на три части: собственно Сану — средневековую — и районы более поздней застройки Бир-аль-Азаб и Ка-эль-Яхуд. Старая Сана совсем не обновилась, она сохраняет свой древний облик. Это район скученных, прилепившихся друг к другу пяти-шестиэтажных домов из тесанного камня и необожженного кирпича, выходящих на узкие улочки глухими фасадами; если и есть окна, то в основном только на верхних этажах, узкие, небольшие, почти не пропускающие солнечного света. У входа в дома — небольшие дворики. Нижние этажи используются под хозяйственные нужды, верхние — под жилье. Канализация выведена прямо на улицу, нечистоты стекают на проезжую часть, чуть ли не в каждом квартале имеется мечеть, а главная высится примерно посередине района, и неподалеку от нее расположен центральный городской рынок. Характерно, что все торговые помещения занимают особые кварталы, ряды их пестрят всевозможными тканями, одеждой, обувью, бусами, серьгами и другими различными украшениями, тут же продаются зерно, фрукты, овощи, зелень, дрова, кизяки, скот и т. д. Вперемежку с торговыми рядами — ряды ремесленников; сапожников и портных, кузнецов, паяльщиков и лудильщиков, гончаров и столяров, даже очкарей и зубодеров.

Район Бир-аль-Азаб застроен в конце XIX—начале XX века. Здесь сохранились виллы бывших турецких правителей и чиновников, стоят дворцы местной знати, в том числе свергнутого монарха и членов его обширной семьи. Королевская резиденция и другие монаршьи замки были огорожены высокими каменными стенами. Построенные в стиле традиционной национальной архитектуры, многие виллы и дворцы отделаны с пышным великолепием, имеют все необходимые удобства и окружены садами, цветниками и огородами. В этом районе находятся правительственные учреждения, в том числе здание Республиканского совета, а также Сахат ат-Тахир — площадь Освобождения, на которой проходят официальные торжества и парады.

Наконец, третий район Ка аль-Яхуд, как видно уже из названия, был обиталищем санских евреев и как

бы вобрал в себя все особенности двух предыдущих районов, их нищету и пышность, резко подчеркнутых тем, что кварталы бедняков не только соседствуют, но и перемежаются с кварталами богатеев. В настоящее время этот район переименован, официально называется Бир аль-Яза, по одноименной аллее. И здесь, и в старой Санае, и в Бир аль-Азабе можно увидеть самые разнообразные транспортные средства — от навьюченных ослов и арб до легковых автомобилей самых новейших моделей.

В прошлом столица была обнесена глинобитной крепостной стеной, теперь частично снесенной. Город разрастается, вдоль шоссе дорог, связывающих его с Таиззом и Ходейдой, сооружаются многоэтажные современные дома, общественные и торговые здания. Как подобает столице, он становится промышленным и культурным центром страны. Здесь уже имеются крупные ремонтные мастерские, электростанция, несколько механических мельниц, деревообрабатывающие предприятия, ряд больниц, в том числе большой госпиталь с поликлиникой, построенный Советским Союзом, а также политехнические школы и училища. В 13 километрах от города расположен главный международный аэропорт страны Эр-Рахаба.

Но по экономическому значению Сана уступает Ходейде, который, как уже сказано, в этом отношении является первым городом страны. Это обусловлено прежде всего тем, что Ходейда — единственный современный морской порт, через который осуществляется значительная часть внешнеторговых операций. Здесь имеются несколько электростанций, довольно крупный холодильник, завод по производству металлических цистерн и бидонов для нефтепродуктов, ремонтно-механический, кислородный и хлопкоочистительный заводы, ряд предприятий легкой и пищевой промышленности, значительная часть которых построена с помощью Советского Союза. В Ходейде находятся правления большинства северо-йеменских акционерных компаний и экспортно-импортных фирм. Аэродром способен принимать мощные современные самолеты. Все это, вместе взятое, определило и внешний облик города — пожалуй, одного из самых красивых и самого благоустроенного города в ЙАР.

Своеобразным городом, быстро растущим в качест-

ве одного из торговых и культурных центров страны является также Таизз. Население его, как и в Ходейде, перевалило за 100 тысяч человек. В Таиззе климат намного умереннее и благоприятнее, чем в Сане, поэтому до революции 26 сентября 1962 года монархи большую часть времени проводили там. Там же находились и большинство дипломатических представительств иностранных государств.

Следует отметить, что многие города республики, в том числе и ее столица, страдают от маловодья. Питьевой воды не хватает, она добывается из-под земли с помощью колодцев. Водопровод в доме воспринимается как роскошь, он доступен очень немногим.

Несмотря на то, что население страны состоит из многочисленных племен, точное количество которых не могут назвать и сами йеменцы, все же подавляющее большинство его (95%) ведут оседлый образ жизни. У каждого племени есть своя территория, свой исторически сложившийся внутренний рынок, свои союзники и враги. Наиболее крупными являются племена Хашед, Бакиль, Бениматры, Бени Харис, Хаулян и Джузелян, живущие на юго-востоке и в Тихаме. Все племена делятся на роды, каждый род сконцентрирован в нескольких деревнях и возглавляется избранным шейхом. В свою очередь, шейхи родов избирают шейха племени. Некоторые буржуазные политики, историки и социологи называют подобные выборы демократическими, хотя ясно, что в шейхи попадают конечно же не представители трудового люда, а владельцы поместий и больших капиталов.

Йеменцы исповедуют мусульманскую религию, но часть племен — большая — придерживается шиитского направления (зейдиты), другая — суннитского (шафииты). Государственная власть сосредоточена в руках зейдитов. В период освободительной борьбы против турок шейхи зейдитских племен признавали не только духовную, но и административную власть имама, что способствовало консолидации народных сил. Нельзя, однако, забывать и о наличии межплеменной розни, в особенности религиозного характера, которую имамы искусно использовали в своих корыстных целях. В городе Таиззе мы видели мрачную цитадель. Нам рассказывали, что до сентябрьской революции в ней содержались в качестве заложников сыновья и близкие

родственники шейхов ведущих племен, не платившие дани и допускавшие другие проявления неповиновения центральной власти. Заключенные освобождались лишь после того, как шейхи приходили на поклон к имаму и выплачивали отступные и откупные, составляющие значительные суммы.

Шейхи племен и теперь играют немаловажную роль в общественно-политической жизни страны. Можно даже сказать, что деятельность республиканского правительства в известной мере определяется и направляется ими, поскольку подавляющее большинство министров и государственных служащих относятся к тем или иным племенным объединениям. Интеллигенция, свободная от родоплеменных и религиозных предрассудков, фактически только зарождается, ибо примерно 90 процентов населения состоит все еще из неграмотных. В горных районах можно даже встретить небольшие кланы, прозябающие в первобытном состоянии.

Древние быт и нравы, жестокие обычаи старины сохраняются, повсеместно в иных сферах, можно даже сказать, господствуют. Все внутрплеменные ссоры, как и распри между племенами, и все гражданские и уголовные дела рассматриваются по шариату¹, решаются на основе его догм. Наказания порой варварские, иначе не определить: за провинности человека могут заковать в кандалы, продержать в колодках, отрубить ему пальцы и даже руки, а за более тяжкие преступления, к которым относятся и выступления против власти,— отрубают голову или перерезают горло, а затем цепляют труп на длинной веревке к лошади и таскают по всему городу в назидание другим, для устрашения инакомыслящих. Так в 1968 году расправились с одним из сыновей известного шейха — сторонника республиканского строя Коуси, осмелившегося выразить недовольство изменчивой политикой властей.

Шариатом определяется и положение женщины в обществе и в семье. Если в Народной Демократической Республике Йемен женщина ныне обладает всеми правами, одинаковыми с мужчинами, то здесь, в ЙАР, участь ее по-прежнему остается тяжелой. Реакционные силы и духовенство, особенно «братья-мусульмане», противятся всяким переменам в этой области. Женщи-

¹ *Шариат* — традиционное мусульманское право, свод религиозных и бытовых правил, основанных в Коране.

ну по существу не выпускают из дома, даже на рынок или в лавки-дуканы ходит муж или слуга. Если она все-таки выходит за ворота, то только в обществе других женщин и только в бурке — так йеменцы называют паранджу.

Почти всюду еще сохраняется многоженство, допускаются купля и продажа, выдача замуж несовершеннолетних девочек. Мне не раз приходилось беседовать с молодыми людьми, которые горестно сетовали на уплату калыма. В то же время шейхи племен, крупные землевладельцы и торговцы, представители других имущих слоев населения, их сыновья широко пользуются правом, предоставленным Кораном, иметь до четырех жен и даже переступают его, имеют по пять и по шесть, да еще содержат наложниц.

В семье, как правило многодетной, царит патриархальный уклад, авторитет и власть главы семьи непререкаемы. Сыновья редко отделяются, живут в родительском доме со всеми своими женами и детьми. Так, например, бывший первый вице-премьер-министр ЙАР Абдель Салем Сабри имел двухэтажный дом. В отличие от других у него одна жена, но тоже много детей, и когда сыновья стали обзаводиться своими семьями, он был вынужден надстроить третий этаж. Однажды у него спросили, сколько человек проживает в доме, — он ответил:

— Только шестьдесят.

На примере этой семьи можно увидеть и другое: как революция расшатывает старинные традиции и обычаи, как под влиянием социально-экономических процессов и культурных сдвигов происходит размежевание сил, и пусть не всегда так быстро, как хотелось бы, пусть часто крутыми зигзагами, с невероятными переплетениями, трудностями, отступлениями и поражениями, но в общем-то неуклонно утверждается новое, прогрессивное. Отнюдь не претендуя на обобщения, скажу, что управляет всеми домохозяевами, то есть по существу является главой семьи, вопреки традициям, жена Абдель Салем Сабра. Сыновья его, некоторые зятья и он сам являются сторонниками прогрессивного независимого развития республики, укрепления и расширения ее дружественных связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Но некоторые другие члены семьи яростно выступают про-

тив всего этого, находятся в стане реакции. Один из зятей Сабра — главный настоятель санских мечетей.

Можно привести и другие примеры подобного рода, своеобразно подчеркивающие многие серьезные внутренние проблемы и сложности развития ИАР, да и ряда других государств Азии и Африки. Не учитывать отличительные особенности каждой страны, в том числе и такие факты ни в коем случае нельзя. Это важно еще и потому, что международная реакция, в особенности американский империализм, стремясь оторвать освободительные движения от социалистических стран, пытаются внести в позитивные отношения неприязнь, замешанную на религиозных мотивах, к тому, кто протянул дружественную руку.

Здесь вспоминается, как некоторые политические и государственные деятели ИАР напирали в беседах именно на национальные и религиозные мотивы и чувства и ясно с чужого голоса искажали наши позиции в этих вопросах. Я подчеркиваю — с чужого голоса, ибо они имели смутные представления о советском образе жизни. В Советском Союзе некоторые из них видели лишь великую державу, стремящуюся распространить свое влияние на весь мир и якобы поэтому конфронтующую с Соединенными Штатами Америки.

Подобные разговоры вызывали у нас в душе улыбку. Мы, естественно, опровергали всяческие домыслы, оперируя конкретными, что называется, живыми фактами и примерами. Хочу особо отметить: при этом даже в тональности речи, в интонациях и модуляциях голоса мы избегали резкости и категоричности, ибо видели свою задачу в том, чтобы убедить собеседника, а не дискредитировать его как оппонента. До сих пор, стоит только вспомнить, встает перед глазами, словно наяву, изумленное лицо одного из таких собеседников, которому я сказал, что одним из первых документов Великого Октября было подписанное В. И. Лениным Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», которые призывались сбрасывать «с плеч вековых захватчиков» и «строить свою жизнь по образцу своему и подобию».

— Русские призывали мусульман изгнать русских? — округлил глаза мой собеседник.

— Всех колонизаторов, — подчеркивал я, — то есть тех, кто пришел к мусульманам не другом и помощ-

ником, а использовал их земли и богатства в своих корыстных интересах, мешал их социальному и культурному развитию, глумился над верой, обычаями и традициями, относился к людям только как к дешевой рабочей силе.

— А строить жизнь, как вы сказали?... Да, по образцу своему и подобию — это значит, что можно было жить так, как предписано аллахом?

— Если бы захотели, — и по шариату. То есть в полном соответствии со своими культурными традициями, экономическими, духовными и социальными потребностями. Но прогресс ведь разрушает замкнутость, даже чисто экономические мотивы требуют развития широких взаимосвязей различных наций и народностей, а это, согласитесь, многое меняет в представлениях и привычках, в психологии...

— Да, это видно и по нашему опыту, — кивнул головой собеседник и, задумчиво повторив: «Строить жизнь по образцу своему и подобию», сказал: — Я впервые услышал о таком революционном документе. Ваш Ленин был действительно гениальным человеком, мудрым вождем!..

В каких бы чужеземных даях советский человек не находился, он всюду обретает друзей, ибо выступает носителем высших гуманистических идеалов, проявляет подлинное бескорыстие и самопожертвование, душевную чуткость и отзывчивость, искреннее уважение к людям, стремление познать и не нарушать местные правила, обычаи и традиции. Не будет преувеличением, если скажу, что мы, советские работники в Северном Йемене, с горячим интересом изучали все стороны жизни этой страны, включая быт и даже национальные костюмы и национальную кухню.

Одеваются йеменцы соответственно природно-климатическим условиям той или иной зоны. В Тихаме мужская одежда состоит в основном из белотканной футы — ниспадающей до колен повязки вокруг бедер, — белой жилетки без застежек и рубахи, а женский костюм — из длинной узкой юбки и темной кофты с цветным ярким орнаментом. Мужчины повязывают голову чалмой или надевают соломенную шапочку, иногда с полями. Кстати сказать, там же, в районе Тихама, можно увидеть людей с серебряным обручем на голове. Об-

руч называется акава, он — отличительный знак принадлежности к племени, зараник.

В горных районах мужчины тоже носят футу, но здесь она не только белого цвета, бывает и черной, серой, голубой и синей. Синий цвет преобладает в другом виде одежды — длинной, почти до пят, рубаше (ценега), поверх которой надевается жилет (сандрия). Головным убором служит чалма, а у бедняков в основном куфия — небольшая шапочка. Здесь, как, впрочем, и в значительной части страны, зимой надевают жилеты из овчины, мехом наружу.

На юге цвета одежды более пестрые, яркие, а в долине Шарки (Машрика) фута и цанега темные. Обязательной принадлежностью совершеннолетнего — по тамошним формулировкам, достигшего возраста воина — йеменца является джамбия — кинжал, который прикрепляется к ярко украшенному поясу. Родовитые йеменцы носят поверх одежды перекинутые через плечо шерстяные шарфы.

Арабы, как известно, гурманы, арабская кухня разнообразна и аппетитна. В прежние времена каждый образованный араб, особенно из придворных, должен был знать Вусла или Иъхабид — рукопись, относящуюся к 703 году и являющуюся старейшей поваренной книгой арабского мира. Многие рецепты из нее популярны еще и сегодня на Ближнем Востоке и в странах Магриба, от Багдада до Касабланки. В книге говорилось: «Так как большая часть земных и небесных радостей заключена в удовольствиях, которые человек получает от кушаний и напитков, а также от применения благоволий, то воздадим им должное».

Но в обществе, разделенном на классы, кухня ведь тоже социальна, есть пища бедняков и есть пища богатей. Основная масса йеменцев питается главным образом блюдами из проса и других зерновых культур, бобами, молоком и кисломолочными продуктами, фруктами и овощами, пресным хлебом. Пища сдабривается острыми или пряными приправами, наиболее популярна хулба — соус из мяты. Мясные блюда относятся к числу изысканных и дорогих, кебаб — молодой барашек, жаренный на вертеле, — самое дорогое. Местный плов напоминает азербайджанский пилав, только значительно острее; йеменцы называют его зурбатия. Очень редко готовятся супы, в основном когда принимают гостей, и

подают их в конце трапезы. Зато очень популярен в стране такой напиток, как отвар кофейной шелухи, а в городах пьют еще и чай и кофе, с молоком или без него, крепко заваренным.

Йеменцы добры, общительны и гостеприимны, выставят на дастархан все, чем богаты. Я не раз ловил себя на мысли, что в этом отношении они под стать моим землякам. Говорят же у нас в Таджикистане: «Принимай гостя своего с почетом», «Гостю почет — хозяину честь» или «Гость на гость — хозяину радость». Вспоминал и Носира Хисроу:

Радуйся, коль гость пришел к тебе,
Позабудь все горести, обиды и тревоги.

Но при этом нельзя было не думать и о том, что, как опять-таки гласит таджикская поговорка, «каждый получает по своим поступкам». Добрый и щедрый к тем, кто приходит с открытой душой, йеменец не выносит коварства, беспощаден к тому, в ком увидел врага. Он ревниво оберегает свое достоинство. Столетия борьбы с силами природы воспитали в нем стойкость, а сражения за независимость — воинскую отвагу и доблесть. Характерно, что взрослые йеменцы, кроме джамбии, имеют и стрелковое оружие, а шейхи некоторых племен обладают целыми арсеналами, в которых не только винтовки или автоматы, но и пулеметы, базуки и пушки.

В силу суровых условий существования средняя продолжительность жизни в Йемене равна примерно 40—45 годам; до революции 1962 г. была намного ниже. Как рассказывал известный йеменский ученый-экономист и политический деятель Мухаммад аль-Аттар, рождаемость весьма высокая — по 45—55 человек на каждую тысячу жителей, однако прирост населения составляет не более 2,5 процента в год. Главная причина — в ужасающей детской смертности: от 70-ти до 80-ти с лишком процентов рождающихся умирают, не достигнув 14—15 лет.

Иногда говорят, что темпы роста населения ЙАР снижаются за счет значительной эмиграции, но не объясняют, чем эта эмиграция вызвана. Она действительно велика. Множество северойеменцев находится в Саудовской Аравии, Эфиопии, Сомали, Кении, Пакистане,

Индонезии и даже в странах Западной Европы и Америки. Основную массу гонит с родины нужда, так как ЙАР — одна из самых бедных стран мира: по данным Комитета международного фонда ООН в начале 70-х годов среднегодовой доход на душу населения в стране составлял всего лишь 40 долларов или 200 риалов. За рубежом эмигрантов не ждут райские кущи, они исполняют там самую черную и низкооплачиваемую работу, с трудом сводят концы с концами и собирают буквально по грошам какую-то толику денег для того, чтобы хотя бы немного поддержать оставшуюся на родине семью. Так как таких эмигрантов много, то их денежные переводы стали одним из источников поступления в ЙАР твердой валюты, в чем правительство конечно же заинтересовано.

Есть и другая группа эмигрантов, крайне малочисленная, — из имущих классов, ищущих за рубежом новые сферы обогащения. Они связаны в основном с торговлей, имеют свои фирмы в Париже, Каире, Найробе (Кения), Джибути, Эфиопии и во многих других столицах и странах мира. При этом многие из них контролируют и рынок в самом Йемене. Сотрудничество с международными компаниями и монополиями, связи с западным капиталом обеспечивает формирующейся йеменской торговой буржуазии определенные выгоды, во имя которых она эксплуатирует не только йеменских трудящихся, но и европейских рабочих. Так, семья Хабаша из Таиза контролирует на внутреннем рынке сбыт средств производства и товаров обихода, поставляемых в ЙАР из всех высокоразвитых капиталистических стран, и имеет свои фирмы в Найробе и Джибути и свое представительство в Лондоне.

Рабочий класс в ЙАР еще только зарождается, численность фабрично-заводских и строительных рабочих составляла в то время примерно 15—16 тысяч человек. Те, кто трудится на сооружении объектов, возводимых с помощью других государств, после завершения строительства, в большинстве своем остаются не у дел, поэтому среди рабочих высок уровень безработицы, он не уменьшается, а постоянно растет. Большая часть рабочих еще не сбросили путы родо-племенных традиций и обычаев, находятся в зависимости от шейхов племен. Когда, например, рабочие, занятые на строительстве шоссе на дороге Ходейда—Таизз, получали зарплату,

то они прежде всего отправлялись к своему шейху, который мог взять часть денег в качестве, так сказать, «дара».

Но рабочий есть рабочий, сознательность его неуклонно растет. Можно не сомневаться, что с развитием промышленности он будет выступать как все более активная революционная сила. Скажутся, несомненно, и события, происходящие в соседнем демократическом Йемене, где, как известно, 11—13 октября 1978 года состоялся Первый съезд Йеменской социалистической партии (ЙСП) — «партии научного социализма, национального рабочего класса и его союзников, партии нового типа, впервые возглавившей одну из арабских стран»¹.

Пока же, как видно из рассказанного, подавляющее большинство населения ЙАР занимается сельским хозяйством. На долю аграрного сектора экономики приходится 70 процентов валового национального продукта. По оценочным данным, для обработки пригодны около 19 миллионов гектаров земель, но трудно сказать, сколько обрабатывается фактически — нет никакого учета. Земли делятся на государственные, вакуфные (церковные) и мульковые, то есть частновладельческие, принадлежащие в основном помещикам, шейхам племен, крупным чиновникам и купцам. Нам говорили, что до революции 1962 года крестьяне, то есть основная масса населения, владели не более чем 20 процентами пашен и угодий, а с государственными землями отождествлялись поместья королевской семьи. Только в Вади-Сурдуде имаму и наследному принцу принадлежало свыше двух тысяч гектаров плодороднейших земель.

Крупное землевладение преобладало главным образом в Тихаме. Положение почти не изменилось и после революции. Я говорю «почти», так как по существу ускорился процесс разорения мелких крестьянских хозяйств и появился слой зажиточного крестьянства, кулаков, которые эксплуатируют деревенскую бедноту не менее жестоко, чем владельцы крупных поместий. В конце 60-х годов семья Ходи-Хиджа, шейха племени Аль-Вайзат, владела примерно 15 тысячами гектаров.

¹ Абдель Азиз ад-Дали. Социалистическая цель Йеменской революции. Журнал «Проблемы мира и социализма», № 3, 1979 г.

земель в Вади-Муре. Шейху Таджу принадлежит более 1500 гектаров пашен. В районах Ходейды, Забиды, Муха находятся угодья, принадлежащие таким крупным купцам, как аль-Ваджих, аль-Асбахи, аль-Саид. Они сдают свои земли крестьянам, получая в качестве арендной платы по трети, а то и по половине выращенного урожая.

Земля обрабатывается все еще примитивными, тысячелетней давности способами. Пашут на ослах, мулах, даже на коровах и верблюдах. Основными орудиями труда являются деревянная соха, похожая на наш среднеазиатский омач, и мотыга. Мне не раз приходилось видеть, как худые, изможденные, словно бы высушенные солнцем феллахи работали на пологих горных склонах, взрыхляли землю мотыгами и разбивали крупные комья палками или растирали их руками.

Об уровне агротехники возделывания сельскохозяйственных культур свидетельствует и тот факт, что основная масса крестьян применяет в качестве удобрений только золу, ибо большую часть навоза используют как топливо. Есть, конечно, в стране и современная сельскохозяйственная техника, завозятся и минеральные удобрения, но все это, в общем-то в мизерных количествах и не для феллахов, а для крупных землевладельцев. Поэтому средняя урожайность зерновых культур, да и фруктов, винограда и овощей крайне низкая.

На таком же примитивном уровне существует и животноводство. Местный скот малопродуктивный. Как нам говорили, лет тридцать тому назад завезли несколько десятков крупного рогатого скота знаменитых швейцарских пород, но тем и ограничились. Сельскому хозяйству, подчеркивали наши собеседники, не хватает квалифицированных кадров. Только в последнее время появились первые агрономы, ветеринарные врачи и зоотехники, подготовленные большей частью в Советском Союзе.

— Мы крайне слабо изучаем и по существу не знаем потенциальных возможностей нашего сельского хозяйства, — откровенно признавались собеседники. — Они, несомненно, огромны, это видно даже по богатому и разнообразному растительному миру, но сельскохозяйственное производство, увы, развивается стихийно, под-

чиняясь анархическим законам рынка. Так было с кофе...

Йеменцы с незапамятных времен занимались производством кофе, который славится своими высокими качествами. Знаменитый, пользующийся мировой известностью сорт «мокко» получил свое название от портового города Моха, через который кофе вывозился. Но с конца XIX века по настоящее время, как подсчитал уже упоминавшийся видный ученый и политический деятель Мухаммад аль-Аттар, площади, занятые кофейными плантациями, сократились более чем в пять раз. С одной стороны, это было вызвано внутренними политическими потрясениями и непрерывно обострявшейся конкуренцией на мировом рынке, а с другой — неудержимым стремлением местных феодалов к все большему обогащению. Кофейные плантации стали вытесняться плантациями ката — растения с наркотическими свойствами.

— Кат — это бедствие страны, — говорили в беседах с нами многие государственные и общественные деятели. — Но бороться с ним в настоящих условиях не представляется возможным.

Этот наркотик употребляется повсеместно, он стал чуть ли не десертом, листья ката жуют после еды, в особенности после обеда, мужчины и женщины, даже подростки. Он завоевал не только внутренний рынок, но и внешний, его экспортируют в Саудовскую Аравию, в Сомали и Судан, в эмираты Персидского залива и в некоторые западно-европейские страны. Барыши он приносит немалые, потому-то и трудно решиться на борьбу с ним. Не говоря уже о том, что феодалы и клерикалы во все века удерживали массы в повиновении не только террором, но и одурманиванием...

Я назвал эту главу «Счастливая Аравия» без всякой иронии. Назвал так, как называли современный Йемен древние римляне, как он назывался на картах, составленных в эпоху европейского Возрождения и великих географических открытий, и в бессмертных поэтических творениях. Вспомните: в «Аравии счастливой» царствовал «вознесенный Ростеван», отец красавицы Тинатин, воспетой гениальным грузинским поэтом Шотой Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре». И семь веков спустя наш современник Араклий Абашидзе создал яркую, насыщенную поэтическим пафо-

сом книгу стихов «По следам Руставели», в которой есть такие строки:

Там прохожу,
где он
ловил
неумолимый
пророческий напев,
как в верности клялись
друг другу
побратимы,
увидел, как **встает**
в Арабском море шквал...¹

«Неумолимый пророческий напев» — вот что слышится мне в древнем названии Йемена, страны, счастье которой непременно восторжествует.

ШКВАЛЫ ИСТОРИИ

Открытая Великим Октябрем цель исторических событий преобразила не только политическую карту мира, но и выдвинула многообразные общие и специфические проблемы экономики, политики и просто человеческих отношений, когда нужно уметь так, как умел, по словам Ф. Энгельса, Карл Маркс: «...верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились»¹.

Я размышлял над этим, изучая, а потом в течение шести с лишним лет непосредственно наблюдая историю освободительного движения йеменского народа во всех его сложностях, противоречиях и тенденциях, связанных с влиянием различных внутренних (национальных, этнических, религиозных) и внешних международных факторов.

Монархический режим, установленный в Северном Йемене в результате свержения турецкого ига, был тормозом прогресса, он не решал ни одной из назревших социально-экономических задач. В одном из правительственных документов, с которым мне довелось познакомиться, прямо говорилось, что причины отсталости

¹ Перевод с грузинского А. Межирова.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, С. 189.

страны в монархическом деспотизме, административном развале, в подогреваемых королевским кланом по примеру чужеземцев межплеменных распрях и в исключительной бедности народа. Поражение имамовской армии в войне с Саудовской Аравией в 1934 году и заключение договора с Великобританией показало всю несостоятельность и гнилость монархии. После этих событий мысль о необходимости более глубоких реформ обрела значительное количество сторонников. Оценивая результаты войны с Саудовской Аравией, шейх Абдувахаб Нуман, один из видных йеменских сановников, заявил королю Яхье: «Если бы народ был свободен, его не победили бы».

В 1935 году оппозиционно настроенные деятели создали в Таиззе «Общенациональную Йеменскую ассоциацию» («Аль-Джамийя аль-Йеменийя»), которую возглавили выпускники Аль-Азхара¹ Ахмад Мухаммад Нуман и Ахмад бен Ахмад аль-Мата. Кроме Таизза, эта организация действовала в Сане, Иббе, Турба аз-Забхане (Худжарии) и в некоторых других городах и районах страны. Несколько позже, в конце 30-х годов, возникло «Молодежное общество свершения добрых дел» (Шаба аль-амр-би-аль Мааруф), во главе которого стоял поэт Мухаммад Махмуд аз-Зубейри. Деятели оппозиции проповедовали свои взгляды через первый в то время йеменский журнал «Аль-Хикма аль-Йеменийя». Вначале они не выходили за пределы идеологии просвещенного абсолютизма, верили, что смогут убедить короля и его окружение осуществить необходимые реформы. Ахмад Нуман, например, возлагал большие надежды на наследного принца эмира Ахмада и его сына Мухаммада аль-Бадра, учителем которого являлся.

Но Яхья разгромил оппозиционные организации и группы. Часть сторонников реформ были арестованы, другие, спасаясь от репрессий, бежали из страны, главным образом в Аден, где в 1944 году развернули пропаганду, которой фактически разрушали созданную ими же утопическую картину просвещенного абсолютизма. Ахмад Мухаммад Нуман и Мухаммад Махмуд аз-Зубейри стали виднейшими деятелями созданной в Адене

¹ Аль-Азхар — крупнейшая на Востоке высшая мусульманская богословская школа, основанная в Каире около тысячи лет тому назад, в 972 г.

оппозиционной деспотическому режиму организации «Ассоциация Великого Йемена» («Джамийят аль-Йемен аль-Кубра»). В ноябре 1946 года к ней примкнул бежавший в Аден эмир Ибрахим, один из сыновей короля Яхьи. Он демонстративно отказался от титула «Сейф аль Ислам» — «Меч Ислама», присваиваемого сыновьям имама, и принял титул «Сейф аль Хакк» — «Меч Справедливости». Вскоре его избрали председателем единой эмигрантской организации, сплотившей все оппозиционные силы.

В 1947 году была принята т. н. Священная национальная хартия, утверждавшая, что дальнейшее сохранение режима Яхьи равносильно национальной катастрофе. Но речь шла еще и о введении конституционной монархии — выборах нового короля-имама, власть которого была бы ограничена. Кроме того, хартия подчеркивала, что все законодательные акты, и деятельность нового конституционного правительства и короля должны исходить из буквы и духа Корана и шариата. Тем не менее, если исходить из конкретных условий и обстановки, царившей в Северном Йемене, хартию можно признать некоторым шагом вперед к переустройству страны.

Дальнейшие события не заставили ждать себя. В январе 1948 года было предпринято покушение на короля. Яхья спасся чудом. Но несколько недель спустя, 17 февраля, заговорщики во главе с шейхом аль-Гадемом все-таки убили его. Имамом немедленно был провозглашен один из крупных феодалов Абдалла аль-Вазир, которого в последующем намеревались сделать королем. Власть однако, удалось захватить только в столице, а в провинциях, в том числе в Таиззе и Ходейде, она оставалась в руках приверженцев старого режима. Повстанцы были поддержаны лишь средними слоями населения, да и то на первых порах, ибо аль-Вазир повел себя непоследовательно и нерешительно. Выражая интересы той же феодально-клерикальной верхушки, он по существу проводил крайне консервативный курс своего предшественника и даже ни разу не упомянул Священную хартию.

При таких обстоятельствах силы реакции, разумеется, быстро пришли в себя и, объединившись вокруг наследного принца эмира Ахмада, ринулись в наступление. Столица оказалась в окружении, была плотно

блокирована ополченцами эмира. 11 марта они ворвались в Сану, а через четыре дня эмир Ахмад был объявлен законным имамом и королем Йемена. В память о своем отце, носившем титул «Мутавакиль аля-аллах» — «Уповающий на аллаха», — он официально провозгласил страну Йеменским Мутавакилийским королевством.

Расправа с повстанцами была жестокой. Многих, в том числе Абдаллаха аль-Аазира и его ближайших родственников, эмира Ибрахима, Джемалю Джамилю и других, казнили, еще больше бросили в средневековые тюрьмы-замки. Среди арестованных оказались Ахмад Мухаммад Нуман и такие видные впоследствии деятели освободительного движения, как Абдарр-ахман аль-Арьяни, Ахмад аль-Мирани и Абдаллах ас Салаяль.

По словам аль-Арьяни, в стране реставрировался автократический режим династии Хамид ад Динов, опирающихся на военно-полицейские племена северного Джебиля.

Однако, несмотря на неудачу, восстание 1948 года нанесло ощутимый удар монархическому режиму. Страна словно пробудилась, оглянулась во мраке и потянулась к свету, стала готовиться к новым схваткам. В 1952 году в Адене была создана новая политическая организация «Йеменский Союз», объединившая всех противников существующего строя. Многие ее деятели уже отчетливо понимали, что интересы страны требуют коренных социально-политических и экономических преобразований, и постепенно пришли к мысли о необходимости покончить с самодержавием, установить республиканский строй.

Большое влияние на этих деятелей оказали революционные события в Египте, где в ночь с 22 на 23 июля 1952 года молодые, патриотически настроенные офицеры во главе с тогда еще безвестным подполковником Гамаль Абдель Насером свергли короля Фарука и взяли власть. Руководители йеменской эмиграции учли этот опыт и в 1953 году установили контакты с рядом армейских офицеров, недовольных режимом. Среди них был командующий Таизским гарнизоном Ахмад Яхья ас-Суляя, вокруг которого сформировалась группа молодых офицеров и унтер-офицеров, разработавших план свершения переворота и выжидавших удобный момент.

Случай, как им показалось, представился в конце

марта 1955 года, когда в местечке Эль-Хаубан, пригороде Таизза, вспыхнуло волнение крестьян, отказавшихся платить чрезмерно высокие налоги. Крестьяне напали на воинский отряд, сопровождавший сборщиков налогов, и вынудили его отступить. Получив фирман¹ наказать непокорных, ас-Суляя поднял гарнизон по тревоге, но направил его не в Эль-Хаубан, а осадил королевский дворец Аль-Урди. Король Ахмад был обвинен в пренебрежении к интересам армии и народа. Стража его долго сопротивляться не могла, сдалась на милость повстанцев. Ахмад заперся в своих апартаментах. Из Саны пришла весть, что к восставшим примкнул его брат эмир Аббас. Собранные и заседавшие в Таиззе под охраной солдат местные улемы² и шейхи приняли решение посадить на трон другого королевского брата — эмира Абдаллаха, и Ахмад был вынужден подписать документ об отречении от престола.

Увы, история, говорят, повторяется. Руководители восстания не сумели закрепить успех, между ними вспыхнули разногласия. Не заручились они и поддержкой провинции. Всем этим воспользовался сын Ахмада эмир Мухаммад аль-Бадр, действовавший быстро и решительно, как в свое время при подавлении восстания аль-Вазира действовал его отец. Оправился от испуга и сам Ахмад. Он заявил, что слухи о его отречении лживы, и приказал не щадить мятежников. Восставшие войска были блокированы в казармах и подвергнуты артиллерийскому обстрелу. Их командира Ахмада ас-Суляя и других схваченных руководителей публично обезглавили на площади перед королевским дворцом, а мятежных королевских братьев, эмиров Абдаллаха и Аббаса, тайно задушили в казематах крепости Хадджа.

Торжествуя победу, король Ахмад официально провозгласил своего сына Мухаммада аль-Бадра престолонаследником и назначил его заместителем премьер-министра и заместителем главнокомандующего вооруженными силами королевства. Но правящие круги понимали, что сохранить в неприкосновенности режим им вряд ли удастся и что, следовательно, нужно идти на какие-то уступки оппозиции. Чтобы привлечь на свою сторону, были освобождены политические заключенные,

¹ Фирман — приказ, указ.

² Улемы — высшие сановники мусульманского духовенства.

в их числе полковник Абдаллах ас-Саляль, активный участник восстания 1948 года.

Об этом человеке будет сказано еще немало, поэтому здесь только отмечу, что ас-Саляль приговаривался к смертной казни, которую заменили пожизненным тюремным заключением. Вспомнив о его популярности в армейской среде, дворцовые круги полагали, что сумеют воздействовать через него на недовольных офицеров. Однако они просчитались. Семилетнее заключение не сломило ас-Саляля, как, впрочем, и некоторых других освобожденных, тут же включившихся в политическую антимонархическую деятельность. Вместе со своими единомышленниками ас-Саляль создал подпольную организацию «Свободные офицеры», которая в конце концов взяла власть в свои руки.

26 марта 1961 года члены этой организации совершили покушение на короля Ахмада, находившегося в Ходейдской больнице. Ахмад был тяжело ранен. Он так и не поправился, проболел почти восемнадцать месяцев и умер в Таиззе 19 сентября 1962 года. К тому времени режим его трещал по всем швам.

В августе в Санае состоялась демонстрация учащихся школы, требовавших модернизировать программы обучения, расширить и улучшить преподавание светских наук. Учащиеся несли портреты лидера египетской революции Гамаль Абдель Насера и сорвали со стен в здании министерства образования портреты имама. Таким образом, эта демонстрация носила недвусмысленный политический характер. Она была поддержана учащимися всей страны. В Таиззе, Иббе и других городах они забаррикадировались в школах и отказались кого-либо впускать, пока не будут удовлетворены их требования. Власти ввели в действие военно-полицейские силы, пустившие в ход оружие. Сотни учащихся были арестованы, некоторых казнили. Эта кровавая расправа вызвала яростное возмущение всего народа и, вопреки ожиданиям правителей, лишь укрепила его революционный дух.

На следующий день после смерти короля Ахмада совет улемов, собравшийся в главной мечети столицы, избрал Мухаммада аль-Бадра 66-м по счету имамом Йемена. Клерикалы не скрывали своего страха перед нараставшим шквалом народных выступлений. Они сознавали, что никаким террором его не остановить, и

поэтому в своей тронной проповеди аль-Бадр пообещал разработать и осуществить новую программу экономического развития страны и даже заявил, что он «полон решимости достичь того, чтобы все граждане были равны в правах». Он провозгласил себя главой государства и правительства и на первом заседании Совета Министров объявил амнистию политическим заключенным и эмигрантам, отменил систему заложников и сообщил о создании т. н. консультативной ассамблеи — совещательного органа в составе 40 человек, половина из которых будет избираться и половина назначаться.

В одной из бесед со мной, советским послом, вспоминая те дни, Абдаллах ас-Саляль сказал, что это была хитрая уловка Бадра, пытавшегося усыпить бдительность народа. Аль-Бадр вел двойную игру. Одновременно он заявлял, что будет продолжать политику своего отца, и обратился к королям Саудовской Аравии и Иордании с просьбой о помощи. Кроме того, он направил своему дяде принцу аль-Хасану, находившемуся в Нью-Йорке на учебе, телеграмму с предложением разделить с ним власть. Дело заключалось в том, что аль-Хасан имел прочные связи с кастовыми старыми офицерами, губернаторами провинции, шейхами некоторых племен и другими высокопоставленными лицами.

По случаю смерти имама Ахмада в стране был объявлен семидневный траур, но политическая активность обеих сторон не стихала, ни готовились к решающей схватке. «Свободные офицеры» и другие патриотические силы понимали, что монархисты выгадывают время, поэтому любое промедление может обернуться новым разгромом, будет смерти подобно, и решили выступить 26 сентября.

Восстание началось поздно вечером, около двадцати трех часов по местному времени. Курсанты королевской военной школы, поднятые молодыми офицерами и поддержанные танковыми и артиллерийскими частями, вышли на улицы Саны, окружили и обстреляли королевский дворец Дар аль-Башаир и дворцы членов королевской семьи, захватили радиостанцию, почту, телеграф и другие важные правительственные учреждения. Аль-Бадру, однако, удалось под покровом темноты скрыться. Он бежал на северо-запад страны, нашел убежище у верных шейхов, а затем объявился в Сау-

довской Аравии. Туда, кстати сказать, спустя некоторое время прибыл из Нью-Йорка Хасан; племянник и дядя не оставили мысли вернуть себе трон и договорились о последующем разделе власти. Их зловейший альянс, как это будет видно ниже, принес йеменскому народу немало горя и страданий.

Утром 27 сентября радио Саны сообщило, что монархический режим в стране свергнут, и призвало йеменский народ поддержать революцию. «Мы не хотим больше иметь ни имама, ни короля», — говорилось в передаче. На этот призыв тут же откликнулись военные гарнизоны, дислоцированные в Таиззе, Ходейде, Иббе и Салифе. В тот же день о своей поддержке революции заявил шейх крупнейшего племени хашед Абдалла аль-Ахмар, отец которого был казнен в 1955 году. Как сказал тогда в своем выступлении один из государственных и общественных деятелей страны Мухсин аль-Айни, данный переворот не является военным переворотом. Мы подготавливали его в течение четырнадцати лет и у себя в стране и за границей. На этот раз мы имеем на своей стороне не только образованных людей, но и племена, шейхи которых были казнены после 1955 года по приказу имама.

Аль-Айни явно имел ввиду отца Абдаллы аль-Ахмара и одного из членов семьи Синан Абу-Лухама родственника своей жены. Об аль-Ахмаре хочется сказать несколько слов отдельно. Это ярый противник монархического режима, не только по личным мотивам, а прежде всего по убеждениям, как безусловный патриот своей страны. Какие бы испытания на долю республики не выпали, он всегда находился в рядах национально-патриотических сил и активно выступал против иностранного вмешательства, за суверенитет Йемена и развитие дружественных отношений с Советским Союзом. Он говорил мне, что убедился на деле: Советский Союз — искренний друг йеменского народа, и хорошо помню, как в один из трудных для страны моментов, вызванных бестактными действиями некоторых руководителей Египта, впоследствии предавших и собственный народ, обратился с письмом о содействии именно к Советскому правительству.

Здесь как раз место подчеркнуть, что наша страна была первой великой державой мира, признавшей республиканский строй, установленный в маленьком Йеме-

не, и тем самым еще раз подтвердившей право народов «строить жизнь свою по своему образу и подобию». Вспоминая тот период, нынешний президент ЙАР А. А. Салех высоко отозвался об этом благородном шаге Советского Союза. В речи на приеме в Кремле в честь Йеменской правительственной делегации, которую он возглавлял, 27 октября 1981 года А. А. Салех отметил сложившиеся хорошие отношения между СССР и ЙАР и подчеркнул, что «революция 26 октября 1962 года скрепила и укрепила эти отношения, расширила перспективы для их развития и выявила общие направления совместной борьбы во имя благородных целей».

Президент прямо сказал: «Мы... отмечаем принципиальную позицию поддержки, которую Советский Союз занял в отношении нашей революции (т. е. Йеменской антиимпериалистической революции 1962 года — М. Р.). Эта позиция навечно останется в памяти Йеменского народа, она способствовала укреплению основ дружбы СССР и ЙАР, подтвердила тот факт, что наши народы, стремящиеся к утверждению добра и мира, могут успешно продвигаться по пути развития двухсторонних отношений на благо обоих народов и всего человечества»¹.

Ниже я еще расскажу, как резко отрицательно отнеслись к событиям в Йемене США, Англия и другие крупнейшие империалистические державы, хотя революционный переворот и не выходил за рамки антифеодальной, буржуазного типа революции, направленной лишь на преодоление отживших социально-производственных отношений и достижение политической независимости, или, как говорилось в программном заявлении, на «восстановление истинно исламских принципов».

Руководители революции — в основном военные, выходцы из средних слоев населения объявили, что до проведения всеобщих выборов вся полнота власти будет сосредоточена в их руках. 28 сентября Верховное командование опубликовало постановление о создании Революционного командования, Совета Министров и Президентства Республики. РК и Совет Министров возглавил главнокомандующий войсками Абдаллах ас-Салаль, президентский Совет — гражданское лицо Мухам-

¹ «Правда», 29 октября 1981 г.

мад аль-Осман. В изданном РК манифесте говорилось, что революция уничтожила абсолютную монархию и приступает к созданию демократического исламского государства, основанного на социальной справедливости. Правительство ЙАР, подчеркивалось далее, готово соблюдать Устав ООН, поддерживает принципы неприсоединения и установит дружественные отношения со всеми странами, которые признают суверенитет республики.

31 октября того же 1962 года была опубликована Конституционная декларация, которая комментировалась в йеменской и египетской прессе как прообраз конституции освобожденного от тиранической диктатуры народа, а спустя некоторое время, в апреле 1963 года, была провозглашена и первая временная конституция ЙАР. Она состояла из небольшого введения и шести глав, определявших цели йеменского общества, права и обязанности граждан, прерогативы законодательных, исполнительных и судебных органов. Верховная власть, подчеркивалось в конституции, будет основываться на коллективном руководстве. Высшим законодательным органом объявлялся Совет президентства во главе с председателем, которым стал Абдаллах ас-Саляль, а высшим исполнительным и административным органом — исполнительный совет. В состав обоих советов (в первом, кроме президента, было 18 членов, во втором — 21) вошли представители армии, интеллигенции и купечества, то есть — я опять подчеркиваю это — в основном выходцы из имущих классов, либо сами крупные собственники, либо связанные родственными и другими тесными узами с землевладельцами — феодалами и зарождавшейся компрадорской буржуазией.

На это приходится обращать внимание, ибо именно это во многом объясняет многочисленные противоречия и борьбу кланов, которая происходила в правительстве и приводила (до сих пор приводит) к известным событиям, отнюдь не способствовавшим как упрочению политической независимости и суверенитета, так и преодолению экономической отсталости. Это, кроме того, объясняет и тот факт, что все программные документы республиканского правительства, как правило, ограничены общедемократическими лозунгами. Можно даже сказать, что они в определенной степени перепевают

многие буржуазные программы, изобилующие словами «свобода» и «прогресс».

Тем не менее капиталистические страны, в первую очередь, империалистов США и Англии, йеменская революция переполошила. Для них Аравийский полуостров, как и весь Ближний и Средний Восток, является крупнейшим нефтяным резервуаром. По имеющимся данным, в 1962 году США контролировали 57 процентов добываемой в регионе нефти, Великобритания — 35. Именно поэтому английская газета «Обсервер» 21 октября 1962 года отмечала: «Йеменская революция ставила сложную проблему для британской и американской политики в отношении всего Среднего Востока».

Империалисты привыкли рассматривать этот район как свою вотчину. Он является важным звеном в цепи глобальной антикоммунистической и неокOLONиальной стратегии международной реакции. Монархические режимы, подобно расистским или откровенно террористическим режимам фашистского толка, служат бастионами борьбы с национально-освободительным движением, и правящие круги империалистических держав и крупнейшие монополии оказывают им всемерную финансовую и политическую поддержку. Но когда рушится один бастион, возникает угроза соседним. Вот почему французская газета «Ля Круа» в номере за первое октября 1962 года прямо писала, что «уничтожение монархии в Йемене вызовет тревогу на всем Аравийском полуострове и прежде всего в Британских протекторатах и Саудовской Аравии».

Так оно и было. Король Саудовской Аравии воспринял создание ЙАР угрозой своему феодально-теократическому режиму и с первых же дней Йеменской революции стал выступать против нее. «Вашингтон пост» 30 сентября 1962 года, то есть буквально на четвертый день после свержения монархии в Йемене, писала, что «королевская фамилия (йеменская — М. Р.) может рассчитывать на помощь Сауда, которому выгоднее прежний режим». Американская буржуазная газета умолчала, что за спиной Сауда стояли монополии США и Англии, ни на минуту не упускавшие из виду свои собственные интересы. На словах правящие круги этих стран были за невмешательство во внутренние дела йеменского народа, а фактически широко поддерживали роялистов оружием и деньгами.

Король Сауд рассчитывал реставрировать йеменскую монархию с помощью шейхов зейдитских племен. Республиканское правительство стремилось привлечь этих шейхов к участию в государственных делах, однако большинство из них, финансируемые из-за рубежа, оказались в стане врагов. Вместе с тем Сауд, аль-Бадр и принц Хасан понимали, что добиться успеха одними лишь силами вставших на их сторону обманутых племен невозможно, и поэтому решили осуществить прямую интервенцию. В ответ правительство ЙАР заявило о своей решимости защитить революцию. Если Саудовская Аравия, говорилось в заявлении, начнет военные действия, то она встретит отпор: для отражения агрессии сформированы специальные «ударные единицы».

Кстати сказать, после своего отречения от престола и передачи власти Фейсалу, оставшись, как говорится не у дел, Сауд раскрыл ряд существенных деталей заговора против молодой республики. В начале 1967 года он приезжал в ЙАР вместе с египетским маршалом Амером из Каира и в одной из бесед Сауд сказал, что, участвуя в заговоре, допустил большую ошибку и что лично он признает республиканский строй в Йемене. Это заявление бывшего короля, хотя и запоздалое, имело определенное значение не только для разоблачения происков международной реакции, но и для прозрения многих роялистски настроенных, обманутых врагами йеменцев.

Сложная, накаленная внутривнутриполитическая обстановка и реальная угроза иностранной интервенции вынудила правительство страны обратиться с просьбой о помощи к правительству ОАР. В ответной телеграмме Г. А. Насера от 30 сентября 1962 года говорилось, что ОАР «встанет рядом с народом Йемена, чтобы защитить его права и жизнь». По взаимной договоренности в Йемен стали прибывать контингенты египетских войск, готовые вместе с частями йеменской армии отразить наступление роялистов.

Большинство арабских стран, вышедших в тот период на арену активной борьбы против империализма и израильской экспансии, признали и поддержали ЙАР. С первых же дней революции особенно теплые, можно сказать, братские отношения установились между руководством республики и общественно-политическими

организациями Адена. Конгресс Аденских профсоюзов и Народно-социалистическая партия — организаторы борьбы за освобождение юга страны от британского владычества — восприняли революцию 26 сентября как свою собственную. Когда монархисты развернули наступление на Сану, аденцы направили защищать столицу республики своих лучших сынов, объединенных в отряды национальной гвардии.

Я приехал в страну четыре года спустя после свершения революции, в сентябре 1966 года, и обстановка была все еще накалена, опасность приобретала порой угрожающие размеры, в иные дни и часы республика, казалось, висит на волоске. Не будет преувеличением утверждать, что мне и всем советским товарищам, работавшим тогда в ЙАР, пришлось увидеть самый разгар борьбы, пережить вместе с йеменцами немало смертельных опасностей. Читатель сам увидит это из последующих описаний всех драматических событий, в горниле которых мы оказались.

Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Йеменской Арабской Республике меня утвердили в мае месяце 1966 года, и до конца августа я проходил стажировку, то есть подробно ознакомился с обширной информацией о Йемене в центральном аппарате Министерства иностранных дел СССР. Мне помогали опытные, высококвалифицированные работники дипломатической службы. Большую помощь оказали также сотрудники Международного отдела ЦК КПСС.

В Таизз я прибыл 20 сентября. Тогда все иностранные представительства — дипломатические, торговые и т. д. — находились в этом городе; не составляли исключения и наши, кроме военного атташе, посольства. Первые три дня ушли на знакомство с работниками посольства и коллективами советских тружеников, затем мы поехали в Сану, где предстояла церемония вручения верительных грамот. Обычно она состоится через несколько дней после соответствующего уведомления главы государства, но президент ЙАР ас-Саляль назначил ее на утро следующего дня, то есть на 24 сентября. Тем самым было подчеркнута то значение, которое правительство республики придает отношениям с Советским Союзом.

После вручения верительных грамот состоялась беседа, в ходе которой ас-Саляль рассказал о многочис-

ленных трудностях, стоящих перед ЙАР, и о том, как они преодолеваются с помощью друзей, в числе которых первой была названа наша страна. Это можно было бы посчитать данью вежливости, дипломатическому этикету, если бы я не знал от наших товарищей, работавших в Йемене не один год, что Абдаллах ас-Саляль являлся человеком твердых убеждений и большой искренности. Он симпатизировал советским людям, считал их естественными союзниками борьбы арабских народов с империализмом и неокOLONиализмом и высоко ценил моральную и материальную помощь, которую Советский Союз оказывал Йемену. После своего освобождения из тюрьмы ас-Саляль работал некоторое время начальником строительства морского порта в Ходейде. Порт сооружался с помощью нашей страны, в соответствии с соглашением об экономическом сотрудничестве, заключенном в 1956 году, и ас-Саляль установил тесный дружеский контакт с советскими специалистами и моряками, горячо интересовался достижениями и жизнью нашего социалистического общества, русской классической и современной советской литературой.

Присутствуя на приеме, устроенном послом по случаю вручения верительных грамот, в котором приняли участие все члены йеменского правительства, ас-Саляль обратился к своему заместителю Абдаллаху Джузейляну и подчеркнул, что он рассказал о всех трудностях, которые возникли после свержения монархии и что они не устранены до сих пор. Эти трудности связаны не только с интервенцией аль-Бадра, бывшего имама, поддерживаемого Саудовской Аравией, но и с тем тяжелым наследством, которое оставила народу монархия — экономической отсталостью, темнотой и невежеством, родо-племенной разобщенностью.

— Горькое наследство,— вздохнул Джузейлян, поддерживая президента.

За короткий срок у нас сложились добрые, дружественные отношения и с самим ас-Салялем, и с его заместителем Джузейляном, и со многими другими членами правительства и сотрудниками государственного аппарата, что облегчило работу посольства и давало возможность шире и глубже знакомиться с жизнью и обычаями страны и ее народа. Мы всегда находили взаимопонимание, наши беседы с ас-Салялем и Джу-

зейляном отличались полной откровенностью, даже по такому сугубо тонкому вопросу, как их отношения с египтянами. Ас-Саляль тепло отзывался о выдающемся сыне арабского народа Гамаль Абдель Насере, часто вспоминал наряду с ним, характеризуя как подлинных борцов за независимость, Али Сабри, Гомоа и других. Вместе с тем он не скрывал и своего отрицательного отношения к некоторым египетским деятелям, вроде тогдашнего вице-президента Анвара Садата и военного министра Бадрана, которые, по его словам, «в душе реакционеры и сатрапы».

Хорошо помню, как бурно переживал ас-Саляль июньские дни 1967 года — агрессию Израиля против Египта, Сирии и Иордании. Его правительство, как и правительства других арабских стран, объявило войну Израилю. Ставя об этом в известность дипломатический корпус, Саляль сказал, что нападение Израиля продиктовано стремлением международного империализма и сионизма как можно быстрее осуществить свой коварный заговор против всей арабской нации.

— Для того, чтобы воспрепятствовать этому, мы готовы пойти на союз с Саудовской Аравией, отложив наш спор до лучших времен, — подчеркнул он, — так как Саудовская Аравия тоже объявила войну агрессору и даже направила в страны, подвергшиеся нападению, свои войска.

Известие о том, что в результате военного поражения Насер решил уйти в отставку, ошеломило Саляля.

— Это что, капитуляция? — несколько растерянно произнес он.

Нам рассказывали, как во время выступления Насера, в котором он обосновывал свое решение личной ответственностью за случившееся, в Каире вдруг объявили воздушную тревогу, хотя в небе над Египтом в тот момент не было ни одного израильского самолета. Позже выяснилось, что это была провокация с целью запугать население. К счастью, народ, в первую очередь рабочий класс Египта не поддался провокаторам и своим выступлением в те решающие дни сумел поддерживать пошатнувшийся прогрессивный режим, воспрепятствовать капитулянтским тенденциям.

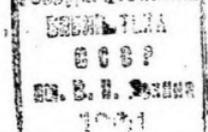
Комментируя в одной из бесед твердую и решительную позицию Советского Союза, благодаря которой были сорваны далеко идущие планы израильских экстре-

мистов и их американских покровителей, ас-Саляль сказал, что «Советский Союз — самый важный и надежный друг арабов». Он планировал визит в нашу страну, хотел побывать в Москве в дни празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Договоренность об этом была достигнута, но — увы! — история переменчива.

Ас-Саляль пользовался популярностью в народе, его поездки по стране вызывали всеобщий энтузиазм, который выливался в демонстрацию поддержки усилий правительства, направленных на укрепление республиканского строя. Повсюду собирались многочисленные толпы и вдохновенно кричали: «Аша аб ас-Саляль!» — «Да здравствует Ас-Саляль!» — или скандировали: — Ас-Саляль! Ас-Саляль! Ас-Саляль!

Казалось, что власти его ничто и никто, кроме монархистов, не угрожает, но, как показали последующие события, в этом отношении он был настроен слишком благодушно. Подробнее скажу несколько ниже, а сейчас хотел бы только отметить, что после того, как ас-Саляль был свергнут, имя его подвергалось остракизму и не без пропагандистских маневров новых руководителей предано забвению, совершенно, на мой взгляд, незаслуженному. Сказалась, конечно, отсталость йеменских трудящихся масс, их низкая классовая сознательность, являющаяся, как уже отмечал, результатом жизни в условиях чудовищной нищеты и бесправия, непреодоленных феодальных и дофеодальных отношений.

Нуждаясь в международной поддержке, стремясь установить более тесные связи с другими государствами, а также желая продемонстрировать всем колеблющимся и сомневающимся внутри страны растущий авторитет республики, правительство ЙАР обращалось к иностранным послам с просьбой перевести посольства из Таизза в Сану. В беседе после вручения верительных грамот ас-Саляль затронул этот вопрос, и мы ответили положительно. Вскоре нам предложили взять в собственность Советского государства земельный участок площадью более 3,5 гектара с внушительным каменным домом и другими строениями, принадлежавшими прежде одному из членов королевской семьи принцу Косиму. Участок так и назывался: «Бейт Касим» — «Дом Косима». После революции его экспроприровали, там размещались многие советские специалисты, ра-

ботавшие в ЙАР. Когда посол приезжал в Сану, он и сопровождавшие его сотрудники тоже останавливались в этом доме.

Небезынтересна личность бывшего владельца дома принца Касима. Он вел паразитический образ жизни, вопреки запрету Корана, который его предки возводили в догмат, питал страсть к спиртным напиткам и жевал кат — наркотик, о котором я уже говорил. В каменном доме, на третьем этаже, жила одна из его жен, считавшаяся любимой, на остальных этажах — слуги. Над входом в дом, на уровне третьего этажа, по обеим сторонам были нарисованы огромные змеи, да так искусно, что с улицы представлялись живыми.

— Сделано для того, чтобы посетители боялись смотреть наверх, где вдруг в окне могли бы увидеть жену принца, — объясняли нам сведущие люди.

Другой дом, значительно меньший по размерам, с плоской крышей — фок по-йеменски, — находился в глубине участка, в нем, как говорили, жили наложницы принца. За домом была ореховая роща, перед ней — красивый бассейн. Фасадная и тыльная стены здания имели навесы. Касим частенько посещал гарем, взбирался на фок, услаждал свой слух музыкой, под которую шли по его приказанию купаться в бассейн наложницы. На ту, которая больше всех нравилась, он указывал пальцем, и ее приводили к нему. По рассказам очевидцев, в гареме Касима было не меньше 30—35 красивых молодых, даже совсем юных женщин.

Йеменцы предлагали нам «Бейт Касим» бесплатно, говорили — в знак дружбы, но мы возражали, чтобы избежать ненужных враждебных толков, и оформили купчую на участок со всеми строениями за счет советского кредита, предоставленного Йемену в соответствии с соглашениями о техническом и экономическом сотрудничестве и о торговле и платежах. Позаботились мы и о том, чтобы проживающие на территории местные люди были переселены в условия отнюдь не худшие. В этом нам помог заместитель президента ЙАР, генерал Абдаллах Джузейлян, давший соответствующие указания.

Когда территория освободилась, мы привели ее в порядок с помощью советских специалистов из группы, которую возглавлял товарищ Чурин. Пустили два бульдозера, выровняли весь участок, сделали удобную нам

планировку, оставив лишь дома да бассейн и колодец. На участке оказалось много змей, особенно под по-мостами у бассейна. Колодезная вода была с гнилост-ным запахом, люди заболели от нее, заболел и мой младший сын. Без другого источника водообеспечения не приходилось и думать о переводе посольства, поэ-тому бурение новой скважины стало задачей номер один. Её пробурили наши гидромелиораторы, трудившиеся в Вади-Сурдуде. Одновременно мы приводили в порядок и приспособляли для работы основное здание, быст-ро построили летний кинотеатр с площадкой, которая использовалась для приемов. Кроме того, мы приобрели несколько домов для размещения дипломатическо-оперативного состава и технических служащих, в том числе под резиденцию посла — дом одного из близких друзей ас-Саляля, тогдашнего губернатора Ходейды Абдаллы Добби.

В дальнейшем было решено построить на участке комплекс зданий посольства. Наше правительство одоб-рило эту инициативу и выделило на 1967 год средства, необходимые для развертывания подготовительных ра-бот. Многие из названных выше мероприятий осуществ-лялись под знаком подготовки к 50-летию Великой Ок-тябрьской революции. Все советские люди, находившие-ся в Йемене, стремились ознаменовать замечательный праздник новыми трудовыми успехами.

Обстановка в стране между тем ухудшалась. Граж-данская война разгоралась, на стороне республикан-цев были, как уже упоминалось, египетские войска, на стороне роялистов — войска Саудовской Аравии. На первых порах египтяне оказали йеменскому народу в целом полезную и действенную помощь. Однако, за-тем их командование повело себя, откровенно говоря, как сатрап, то есть стало вмешиваться во внутренние дела народа, противопоставлять одних деятелей дру-гим, смещать неугодных им людей с занимаемых пос-тов, иных изгоняли из страны, некоторых арестовыва-ли, отправляли в Каир и держали там в тюрьмах.

Северойеменцы и некоторые египтяне утверждали, что шефом египетских экспедиционных войск являлся Анвар Садат. Ряд крупных йеменских государственных деятелей, фамилии которых, думается, по понятным чи-тателю соображениям не назову, говорили мне, что это опасный человек, способный погубить дело Насера, и,

кстати сказать, упоминали, что в годы второй мировой войны Сагат оказывал услуги гитлеровской разведке.

Мне приходилось несколько раз встречаться и беседовать с Гамалем Абделем Насером. Когда он впервые посетил Советский Союз, я был в числе официальных советских лиц, наряду с А. Н. Косыгиным и Н. А. Мухитдиновым, сопровождавших его в поездке по нашей стране. Он вызывал симпатии, был обаятельным человеком, верным сыном своего народа, осознавшим, что правое дело арабских народов может восторжествовать лишь на путях социалистической ориентации и благодаря всемерному укреплению дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, с лагерем социализма.

Работая в Йемене, я приобрел немало хороших друзей-египтян, с которыми мы делили радости и тревоги, часто по-товарищески помогали друг другу в делах и в быту. В беседах, проходивших как в Сане и Таизе, так и в Каире, они, вспоминая трагические дни суэцкого кризиса в 1956 году, говорили:

— Прекрасно иметь такого друга, как Советский Союз, рожденный Великой Октябрьской социалистической революцией! Без него египетскую революцию удушили бы в колыбели.

После израильской агрессии 1967 года эти чувства стали еще более горячими, более глубокими и прочными. Тяжело переживая военное поражение, мои египетские друзья подчеркивали, что если бы не Советский Союз, то их страна оказалась бы в настоящей беде, вновь попала бы в руки империалистических воротил. Они высоко оценивали предпринятые нашим правительством шаги по немедленному прекращению разбойничьего наступления израильских войск, в том числе решительное требование создать Чрезвычайную специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН с участием руководящих деятелей государств. Выступление Председателя Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина на этой сессии, открывшейся уже 17 июня 1967 года, обсуждалось египетскими и йеменскими друзьями в восторженных тонах, с чувством искренней благодарности.

Египет Насера был общепризнанным лидером освободительной борьбы арабского мира. Но иной раз его правительство не без воздействия деятелей, подобных Сагату, допускало отклонения от стратегической линии

в угоду определенным тактическим соображениям. Садат, как видно, умел ловко, по-хамельонски, маскироваться, и это качество помогло ему придти к власти после безвременной скоропостижной кончины Насера; а потом, устранив противников, круто повернуть вправо, открыто предать патриотический курс своего великого предшественника, перейти в лагерь контрреволюции и заключить под эгидой США позорное капитулянтское Кэмп-Дэвидское соглашение с Израилем. Думается, и тогда, в 1967 году, именно он немало способствовал тому, что командование египетских войск в Йемене своими действиями давало врагам республики возможность прикрываться демагогическими лозунгами борьбы с иностранным засилием.

Повторю еще раз: я неплохо знал Гамала Абдела Насера и знаю немало египтян, хороших друзей нашей страны и верных сынов своего народа. Я не могу быть безразличным к судьбе этой страны, славной своей историей и достойной лучшей участи. Ее успехи вызывали искреннюю радость, ее беды — столь же искреннее огорчение.

Как известно, в течение длительного периода и империалистической стратегии Соединенных Штатов на Ближнем Востоке были две точки опоры: сионистский Израиль и шахский Иран. Революционная волна смела шахский строй в Иране, коренным образом изменила политическую обстановку в зоне Персидского залива. Вашингтон потерял своего верного союзника. Но тут ему предложил свои услуги Садат, предательство которого дало возможность США опираться в своей агрессивной ближневосточной стратегии вместо Ирана на Египет. Кэмп-Дэвид стал основой сотрудничества США, Египта и Израиля. Американская администрация получила согласие на использование египетской территории для военных баз и т. н. «сил быстрого развертывания», призванных поддержать режим Садата, старался добросовестно служить американскому империализму.

Вспомним хотя бы, как постоянно поддерживалась накаленная атмосфера на границе с Ливией, как в августе 1981 года американский флот совершил явную провокацию против этой республики, как вооружалось правительство Нимейри в Судане или были проданы Египту самолеты с системой АВАКС, чтобы они патрулировали ливийскую границу, как в ноябре того же

года проводились провокационные американо-египетские учения в Египте... Режим Садата предпринимал попытку расколоть Палестинское движение сопротивления, стремился навязать палестинцам пресловутый режим «автономии» в секторе Газа и на западном берегу Иордана.

Политика режима Садата, его сговор с американским империализмом и израильскими сионистами создавали прямую опасность для всех стран Ближнего и Среднего Востока и Африки. Это была антинародная политика и, естественно, что в народных массах постепенно накапливалось возмущение подобным предательством общеарабского дела. В итоге Анвар Садат был убит.

Четко и справедливо высказал свои соображения один из представителей египетской прогрессивной оппозиции, который дал интервью Южно-Йеменской газете «Ас-Саури»: «Садат сам повинен в своей гибели: он полностью отверг наследие, оставленное Гамалем Абделем Насером. Враги нации, сионисты и империалисты стали его лучшими друзьями. Необходимо отметить и враждебную позицию Садата по отношению к арабским странам, следующим антиимпериалистическим и антиссионистским курсом, его союз с Нимейри под эгидой Соединенных Штатов, направленный против Ливийской Джамахирии. Естественно, все это способствовало росту возмущения и негодования среди широких масс населения».

И далее: «После смерти Насера все арабские страны глубоко скорбили в связи с его кончиной. После гибели же Садата арабский мир радовался»¹.

Вернусь к дням, о которых мой рассказ. Июньское поражение 1967 года требовало мобилизации всех резервов арабских стран для ликвидации последствий израильской агрессии, в связи с чем правительство Насера пошло на вывод египетских войск из северного Йемена. На конференции глав арабских государств, состоявшейся в августе в Хартуме, Насер вел по этому поводу длительные переговоры с королем Саудовской Аравии Фейсалом, который, в свою очередь, обязался прекратить всяческую помощь монархистам. Была создана тройственная комиссия в составе предста-

¹ Еженедельник «За рубежом», 23—29 октября 1981 г., № 43.

вителей Судана, Марокко и Ирака, призванная играть роль посредника. Насер говорил ас-Салялю, что он исходил не только из тактических соображений, продиктованных необходимостью, а еще и из того, что устойчивый республиканский режим в Йемене не стали достаточно прочными. Однако ас-Саляль воспринял Хартумское соглашение как предательство. Он заявил, что его правительство не считает себя связанным данным соглашением, и так и не принял посредническую комиссию, вынужденную в начале октября покинуть Йемен.

Нас, естественно, все это волновало. Мы видели, что обстановка в стране накаляется. С одной стороны, усиливался раскол в стане республиканцев, с другой — активизировались роялисты, расценившие Хартумское соглашение как еще одну возможность добиться реставрации монархического режима. Их отряды, воспользовавшись эвакуацией египетских войск, заняли ряд важных пунктов на севере и востоке страны, откуда могли повести наступление непосредственно на Сану.

Ас-Саляль в те дни готовился к визиту в нашу страну. Я возвращался из отпуска, в Москве мне сказали, что ас-Саляль находится в Каире, собирается ехать к нам оттуда через Багдад, и посоветовали по возможности встретиться с ним, дружески подсказать, что в связи с создавшейся ситуацией, может быть, целесообразно перенести его визит на более поздний и удобный для него срок. Встреча состоялась, однако ас-Саляль был уверен в прочности своих позиций. Нелестно, в резких выражениях охарактеризовав роль египтян в йеменских делах, он сказал:

— Несмотря на их предательство, в стране все в порядке, ничего не случится. Когда вы приедете в Сану, увидите сами.

В ту же ночь, вскоре после беседы с ас-Салялем, я и первый секретарь посольства А. В. Зайцев вылетел из Каира в Йемен. Действительно, обстановка в стране могла показаться обычной, относительно спокойной и нормальной. Но это было, как говорится в народе, затишье перед бурей. Ас-Саляль явно недооценил силы оппозиции, в которую входили не только республиканцы откровенно правого толка, главным образом шейхи племен, или консервативного крыла, склонного к компромиссам с феодально-племенной верхушкой, но и республиканцы левых слоев, в том числе часть офи-

цества. Как правые, так и левые обвиняли президента в неспособности разрешить проблемы — разумеется со своих диаметрально противоположных позиций¹ — и в ночь с 4 на 5-ое ноября совершили бескровный государственный переворот. Ас-Саляль оказался в эмиграции, сторонники его были репрессированы; однако многих из них впоследствии выпустили из тюрем, и одни — большая часть приняли активное участие в борьбе с монархистами, другие — покинули страну.

К власти пришли новые люди, функции президента принял на себя Республиканский совет, в состав которого вошли лидеры консервативного крыла Абдаррахман аль-Арьяни, Мухамад Али Осман и Ахмад Мухаммад Нуман, а после отставки последнего — Хасан аль-Амри. Во главе Совета Министров стал видный политический деятель Йемена, бывший до революции 1962 года активным лидером профсоюзного движения в Адене, Мухсин аль-Айни. Министром иностранных дел был назначен Хасан Меки, министром экономики — Мухаммад аль-Аттар.

Мы восприняли переворот как внутреннее дело йеменцев, хотя и были обеспокоены тем, что он произошел накануне 7 ноября, когда посольство и другие советские учреждения готовились провести ряд мероприятий, связанных с празднованием 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Было решено не отступать от намеченного плана. 5 ноября мы открыли в Санае Советский культурный центр, а 7 ноября устроили большой праздничный прием, на котором присутствовали все члены нового северийеменского правительства во главе с Абдаррахманом аль-Арьяни и Мухсином аль-Айни. Арьяни выступил с теплой приветственной речью и подчеркнул, что стремящийся к прогрессу республиканский Йемен будет развивать дружбу и сотрудничество с великим Советским Союзом.

— Ваша страна проявляет глубокое понимание наших серьезных внутренних проблем, — сказал он в беседе со мной.

Отношения у нас со многими новыми лидерами государства сложились более чем благоприятные, беседы

¹ Подробнее обо всем этом см. в книге Л. Н. Котлова «Йеменская Арабская Республика». Изд-во «Наука», 1971 г. и в книге О. Г. Герасимова «Йеменская революция», 1962—1975 гг., изд. «Наука», 1979 г.

всегда носили откровенный, деловой и конструктивный характер, способствовали укреплению взаимопонимания. Они говорили, что стремятся к прекращению гражданской войны и урегулированию внутрийеменских противоречий мирными путями, но, конечно же, при условии признания всеми антагонистическими силами республиканского строя. Вопрос о государственном устройстве, подчеркивали все без исключения наши собеседники, не может быть предметом обсуждения, он решен раз и навсегда. Обвиняя ас-Саляля в узурпировании власти, в том, что при нем главную роль играли не представительные и гражданские органы, а военные прежде всего чужеземные,— египетские, наши собеседники утверждали, что ас-Саляль тем самым сдерживал развитие страны по пути прогресса и демократии.

Это не совсем соответствовало истине, и было несправедливо по отношению к бывшему президенту, ибо многие его действия вызывались острой необходимостью и диктовались конкретными обстоятельствами. Заслуги его в создании и упрочении республики, безусловно, огромны. Но многострадальный йеменский народ больше всего нуждался в мире, и поэтому, мы, естественно, приветствовали желание новых лидеров добиваться умиротворения в стране и сплотить йеменский народ под знаменем республики. Вместе с тем мы видели, что курс на компромиссы с шейхами племен объективно ведет к повышению роли феодальных группировок в определении политики правительства в социальной и экономической областях. В одном из разговоров с Аль-Арьяни, когда он сам затронул эту тему, я сказал, что дальнейшее развитие страны, ее прогресс наверняка зависит от того, насколько последовательно будут осуществляться демократические принципы революции 1962 года.

— От них мы не отступим,— ответил президент.— Но мы стоим на принципах исламского шариата и не можем не считаться с привилегиями вождей племен, за которыми идет большинство феллахов, то есть подавляющая часть населения страны. Наша ближайшая задача — отколоть от роялистов, перетянуть на сторону республики все племена и добиться сотрудничества политических сил всех направлений.

— Это благородная задача,— сказал я,— и мы понимаем условия, в которых находится ваша страна, и

трудности, с которыми вы сталкиваетесь. В борьбе с реакцией, за социальный прогресс йеменский народ может всегда надеяться на сочувствие и поддержку советского народа. Мы по собственному опыту знаем, как коварны империалистические силы и что уступки политическим противникам, даже тактические, могут, если поступиться при этом главными принципами, обернуться поражением.

В конце беседы аль-Арьяни поблагодарил за откровенность, которая, как он сказал, вызывает уважение и признание, и заверил, что лично он и все члены йеменского правительства будут прилагать усилия для укрепления и упрочения дружбы между нашими двумя странами.

Таким образом, внешнеполитический курс ЙАР по существу оставался неизменным. Занимая нейтралистическую позицию, новое правительство было готово расширять дружественные отношения с СССР и другими социалистическими странами. В этом вопросе члены кабинета были единодушны, хотя среди них имелись люди различных идейных воззрений и политических убеждений, в том числе прозападной ориентации. Но тон задавали сторонники социально-экономического прогресса, главным образом молодые деятели, как Мухаммад аль-Аттар, Хасан Мекии, умный и энергичный генерал Хусейн Дефаи, его друг, начальник генерального штаба полковник Абдель Ракиб и другие. Они хорошо понимали, что за монархистами стоят силы международного империализма во главе с Соединенными Штатами Америки.

Что касается внутривосточной области, то здесь правительство отдавало все силы борьбе против яростных, кровопролитных попыток реставрировать монархию и не всегда оказывалось стойким и последовательным в развитии демократических тенденций революции. Со временем это привело к резкой поляризации сил в лагере республиканцев и в конечном счете — к победе правого, консервативного крыла.

Но в дни, о которых рассказ, республиканцы были вынуждены позабыть все свои внутренние противоречия и выступали единым, сплоченным фронтом. Над республикой нависла смертельная опасность: монархисты развернули наступление на Сану. Это был очередной шквал истории.

В ТРУДНЫЕ ДНИ ЙАР

Как уже говорилось, монархисты восприняли падение ас-Саляля новой возможностью для достижения своих целей. Они наотрез отказались вести какие-либо переговоры с республиканцами и, собравшись на совещании, приняли резолюции, в которых прямо заявляли о стремлении добиться восстановления имамата. Многие из них не допускали даже мысли о признании изменений, происшедших в стране за пять послереволюционных лет. Заняв важные опорные пункты на севере и востоке страны, роялистические отряды уже к концу ноября по существу блокировали Сану. Были захвачены почти все горы, окружающие столицу, за исключением некоторых возвышенностей на юго-западе, через которые проходила дорога, связывающая Сану с Ходейдой и тоже подвергавшаяся интенсивному обстрелу. Свергнутый король аль-Бадр заявил на весь мир, что дни ненавистной ему республики сочтены.

Однако дальнейшие события опрокинули надежды феодально-монархической реакции и показали прочность республиканского строя, на защиту которого выступили широкие массы как городского, так и сельского населения. Повсеместно создавались отряды народного сопротивления, бойцы которых проявляли чудеса героизма и самопожертвования. Немаловажное значение сыграло и то обстоятельство, что реальная угроза возвращения к власти аль-Бадра заставила пересмотреть свои позиции многих племенных шейхов, ранее придерживавшихся нейтралитета. Позже, в ходе боев, на сторону республики перешло и значительное количество шейхов племен, которые прежде активно поддерживали роялистов.

В первые же дни наступления монархических отрядов на Сану руководители ЙАР обратились к нашей стране с просьбой о срочной материальной помощи и политической поддержке. Аль-Арьяни и аль-Айни решили направить в Москву правительственную делегацию. В беседах с советским послом они, как и другие государственные деятели, в том числе Мухаммад Аттар и Хасан Мекки, подчеркивали, что в сложившейся ситуации единственное спасение республики—это быстрая помощь Советского Союза. При этом Мухаммад Аттар неоднократно ссылался на ленинские положения

о всемерной поддержке национально-освободительного движения народов и даже цитировал В. И. Ленина — о том, что «в современной международной обстановке кроме Союза Советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям»¹.

Делегация ЙАР во главе с министром иностранных дел Хасаном Мекки была принята в Москве 12—13 ноября, и Советское правительство решило оказать всестороннюю помощь молодой республике, защищавшей свой суверенитет и независимость. Впоследствии Абдаррахман аль-Арьяни неоднократно подчеркивал, что материальная и моральная поддержка, оказанная нашей страной, имела большое значение для осознания йеменским народом своей способности к сопротивлению планам мирового империализма во главе с Америкой сокрушить республики. Эта помощь, сказал он в одной из бесед, дала возможность одержать большие победы и нанести поражения всем врагам йеменского народа из числа реакционеров и империалистов.

В связи с напряженной обстановкой на Ближнем Востоке и в самом Йемене в течение 1967 года мы не смогли полностью перевести посольство в Сану. Работать было трудно, из-за этого обстоятельства все чаще толкали на риск. Когда потребовалось срочно перевезти из Таизза некоторое оборудование и важную документацию, первый секретарь посольства А. В. Зайцев не смог вылететь в Сану из-за сильного обстрела. Тогда Александр Васильевич решил добираться кружным путем. Ему пришлось преодолеть около пятисот километров, а опасным был каждый шаг: любой встречный мог оказаться врагом.

Монархисты рвались в столицу, бои шли уже и в предместьях. С первого декабря Сана стала подвергаться массированному артиллерийскому обстрелу. Тяжелые снаряды рвались на многих улицах, сносили дома, под развалинами которых гибли люди. Часть местных деятелей и некоторые иностранные представители ударились в панику, бежали тайком из города.

Мы, естественно, не могли рисковать жизнями советских специалистов, работавших как в столице, так и в ее окрестностях. В основном это были врачи и учителя, инженеры и техники, фельдшеры и медицинские

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41. С. 167.

сестры, то есть люди самых мирных профессий, оказывавшие йеменским друзьям бескорыстную помощь. Они приехали вместе с семьями — более 350 человек, и нам коллективно, т. е. мне, советнику посольства В. А. Перышкину, Г. В. Назаренко, А. В. Зайцеву, А. Д. Короткову, нужно было предпринять решительные шаги для того, чтобы обезопасить их жизни. Несмотря на трудности, я связывался с Москвой и сообщил о решении эвакуировать советских граждан из Саны. Центр подтвердил это решение, посоветовал использовать для этой цели все возможные транспортные средства, и, в свою очередь, оказал необходимую помощь. В течение двух дней, 3 и 4 декабря, почти все советские специалисты и их семьи были перевезены в Ходейду.

Обстрел города велся все интенсивнее, положение ухудшалось с каждым часом. Вслед за специалистами решили эвакуировать членов семей дипломатических работников и оперативного состава. Я распорядился собрать всех оставшихся гражданских специалистов и семьи дипработников в посольстве. Позвонил жене, сказал, что послал машину, пусть немедленно забирает сына и покидает резиденцию. Если бы они задержались минут на 10—15, я навряд ли увидел бы их живыми: снаряды и мины ложились в том районе особенно густо, дом, в котором проживали наши дипломаты, был сильно поврежден.

Для организации размещения эвакуированных советских граждан в Ходейде вместе с семьями дипломатических и других наших работников вылетел советник посольства А. Д. Коротков. Аль-Арьяни предоставил в наше распоряжение свой президентский самолет. Когда машина пошла на взлет, монархисты начали обстрел аэродрома, самолет был поврежден. Тем не менее он благополучно дотянул до Ходейды. В Сане остались только мужчины. Дипломатический оперативный состав во главе с послом поддерживал непосредственный контакт с руководителями республики и ее вооруженных сил, стойко удерживавших оборонительные рубежи.

Председатель Республиканского совета Абдаррахман аль-Арьяни в те дни был прикован к постели. Он лежал в самом здании Республиканского совета, возле него постоянно дежурил врач — наш, советский специалист Горохов, работавший в местном госпитале. От

Ближких разрывов здание сотрясилось, вылетели стекла, но Горохов мужественно нес свою трудную вахту.

С вечера 5-го декабря в ночь на пятое, артиллерийская канонада усилилась. В грохот взрывов влетался пулеметный треск. Город был озарен пожарами. Казалось, монархисты вот-вот ворвутся на его улицы. Во время обстрела распространился слух о том, что прямыми попаданиями снарядов уничтожено здание, в котором размещался аппарат военного атташе советского посольства. Но это была провокация, направленная на разжигание паники, ибо пустившие слух, как видно, предполагали, что советский посол в те часы находился именно в том здании и совещался с военным атташе Г. В. Назаренко.

Поздно вечером меня пригласил к себе верховный главнокомандующий вооруженными силами ЙАР Хасан аль-Амри. Он был глубоко озабочен создавшимся положением, сказал, что падение Саны равносильно падению республики, и привел бытующую в народе поговорку: «Кто владеет Саной, тот владеет страной».

— Эти два-три дня все решат, — добавил он и вздохнул: — Боюсь, что не выстоим.

Словно подтверждая его слова, в кабинет вбежал Абдель Халик, командир подразделения командосов, защищавших одну из важнейших высот на подступах к городу, и сказал, что высота пала. Я знал его хорошо, он был танкистом, окончил советское военное училище и часто бывал у нас в посольстве.

— Как же так, друг, ведь ты прошел такую школу?! — сказал я ему.

Он глянул на меня, крикнул: «До свидания!» — и выбежал из кабинета. Часа через два нам сообщили, что Абдель Халик повел своих командосов в контратаку и выбил монархистов с высоты. Больше она в руки врагов не попадала.

Судя по всему, монархисты намеревались 5 декабря овладеть городом. Характер артобстрела свидетельствовал о том, что идет подготовка к решительному штурму. Несколько снарядов взорвалось на территории посольства, один — у самого рабочего здания, повывивав все стекла. К счастью, обошлось без жертв. Было так сложно, что не передать словами. Обстановку приходилось выяснять визуально, прямо на местах. Когда наши товарищи с целью подготовить эвакуацию

поехали узнать, что происходит в районе аэродрома, они попали в окружение. Их выручил отряд народного сопротивления, направленный министром иностранных дел Хасаном Мекки, к которому я обратился за помощью. Мекки сам поехал с этим отрядом.

Учитывая сложившуюся обстановку, я посоветовался с товарищами и запросил Москву, как нам быть дальше. Центр дал указание срочно эвакуировать посольство в Ходейду либо, если это уже невозможно, — перебраться в одно из посольств, ибо роялисты открыто грозились расправиться с советскими людьми. Но мы предпочли, несмотря на риск из-за систематического массированного обстрела аэродромов, улететь. Мы не хотели искать убежища в других посольствах, в том числе из соображений престижа. Знали мы и о том, что представители ряда стран собирались встречать монархистов с цветами.

Я попросил аудиенцию с аль-Арьяни и аль-Амри, и, прощаясь с ними, сказал, что как только прибудем в Ходейду, сразу же установим контакты. Они поняли нас, пожелали счастливого пути, подчеркнули, что надеются на нашу всестороннюю помощь, которая как полагают, не ослабнет.

— Будем делать все возможное, — ответил я, ибо в своей практической деятельности в этой сложной военно-политической обстановке мы строго исходили из своего интернационального долга, помогая многострадальному народу самому, без вмешательства извне, решать свою судьбу и отстаивать свой суверенитет и независимость.

Примерно около 17-ти часов весь дипломатический оперативный состав посольства вылетел из Саны на двух самолетах. На аэродроме рвались снаряды, однако взлетная полоса, к счастью, оставалась неповрежденной. Мы летели на большой высоте и в обход позиции роялистских войск, в связи с чем полет продолжался около 45 минут вместо 20-ти. Ходейдский аэродром, оставленный египетскими войсками, представлял неприглядное зрелище; по полю и по дорожкам бродили верблюды, ослы, зебу — горбатые быки и козы с козлятами, не было никакого ограждения и оборудования. То, что египтяне не смогли увезти, они побросали в море, даже колючую проволоку. Мягко говоря, это было нетактично по отношению к союзникам и друзьям,

но, как видно, определялось политикой, которую вело командование экспедиционных войск, вдохновляемое своим шефом Анваром Садатом.

Едва мы приземлились в Ходейде, как нам сообщили, что в районе Бени Хушейша сосредоточена огромная колонна роялистов во главе с генералом Касимом Мунасаром, который намеревался сегодня же, несмотря на вечерний час, вступить в Сану. Республиканцы были озабочены и разрабатывали меры, которые следовало принять, чтобы сорвать выступление этой колонны. Они изучали наш боевой опыт времен Великой Отечественной войны с гитлеровскими захватчиками, когда попросили консультации, наши товарищи поделились некоторыми воспоминаниями. В частности, они посоветовали собрать пустые бочки, просверлить в них дырки и сбросить с самолетов над расположением противника. Йеменские друзья так и поступили. Часов в восемь—половине девятого вечера два самолета, груженные бочками с просверленными дырками, взяли курс на Сану и появились над колонной Мунасара, уже находившейся близ аэродрома. Бочки полетели с огромной высоты с таким душераздирающим воем, что монархисты, не понимая в чем дело, кинулись врассыпную и, бросая оружие, беспорядочно бежали в горы. Так и было выиграно сражение, предотвратившее вступление монархистов в Сану.

Но положение оставалось тяжелым. На другой день, 6 декабря, встал вопрос об обеспечении безопасности самого президента ЙАР Абдаррахмана аль-Арьяни, который, как уже отмечалось, был прикован к постели. Мы приняли соответствующие меры, и после полудня аль-Арьяни вместе с генеральным консулом Германской Демократической Республики оказался в Ходейде. Несмотря на болезнь, продолжая лежать, он тут же взялся за дела, наиглавнейшим из которых было дело обеспечения обороны столицы.

Особое внимание уделялось авиации, которая, наряду с отрядами народного сопротивления и командос, сыграла решающую роль в победном исходе ожесточенных боев за Сану, длившихся более двух месяцев. Самолеты республика имела, однако они стояли на приколе. Летчики, в свое время обучившиеся в Советском Союзе, потеряли практические навыки, так как египтяне, находившиеся в ЙАР, лишили их возможнос-

ти летать и совершенствовать свое мастерство. Советским специалистам пришлось немало потрудиться для того, чтобы в самые сжатые сроки восстановить знания йеменских пилотов и подготовить их к самостоятельным боевым действиям. К тому же техника была новая, йеменцам незнакомая. Однако благодаря нашим товарищам они успешно освоили ее. В боевых вылетах принимал непосредственное участие и командующий республиканской авиацией, храбрый человек, хороший пилот, полковник Мухаммад Шаеф.

О роли, сыгранной авиацией, свидетельствует такой эпизод. Если не изменяет память, 11 и 12 декабря республиканское командование получило данные о том, что в районе Бени Хушейша находится штаб монархической армии во главе с Касимом Мунасаром и что туда прибыл Ибрагим бен Хусейн, один из принцев низложенной династии Хамидадинов. Был назван дом, в котором штаб собрался для разработки плана очередного решительного штурма Саны, причем говорилось и о том, что в этом сборище принимает участие представитель одной из западных империалистических стран. Дом, как оказалось, принадлежал отцу Мухаммада Шаефа, родом из тех мест. Шаеф, едва только глянул на карту, усмехнулся: «Знакомые места», — и заявил, что полетит сам. Он сбросил бомбы на родной дом, уничтожив многих находившихся там роялистов и их пособников. Касим Мунасар и принц Ибрагим бен Хусейн спаслись буквально чудом.

В середине декабря бои развернулись по всей республике, в том числе и вокруг Ходейды. Мы были вынуждены вновь заняться проблемой обеспечения безопасности мирных советских граждан, которые работали на различных объектах, призванных развивать экономику и повышать уровень жизни йеменского народа. В разгаре были строительство дороги Ходейда—Таизза и освоение земель в Вади-Сурдуде, началось сооружение цементного завода в Баджиле — одном из районов Тихама. Теперь работы пришлось на время прекратить. В Ходейде скопились сотни советских специалистов со своими детьми, семьями. Всех их нужно было разместить, и мы справились с этой задачей благодаря высокому чувству солидарности и товарищества, присущему советскому человеку. Люди делились кровом, уплотнялись и в без того тесных жилищах. Боль-

шую работу в этом отношении проводили советник посольства А. Д. Коротков и наш консул в Ходейде А. Тер-Меликсетян; много сил и энергии отдавали руководители групп. Именно они, коммунисты, оказались душой дела и были самыми близкими, активными и инициативными, боевыми помощниками посла.

Здесь следует особо отметить, что в эти тяжелые дни все советские работники были окружены подлинно отеческой заботой Центрального Комитета КПСС, его Политбюро. Они постоянно интересовались ходом событий в ЙАР, жизнью и работой наших людей. Много внимания уделяли положению советских граждан в Йемене и Председатель Совета Министров СССР товарищ А. Н. Косыгин и секретари ЦК КПСС. Повседневно интересовался деятельностью посольства, давал ценные советы, крайне нужные нам, министр иностранных дел СССР товарищ А. А. Громыко.

Я постоянно информировал ответственных сотрудников посольства и руководителей групп советских специалистов об этом исключительном внимании ЦК КПСС и Советского правительства, просил довести до каждого работника и каждой семьи. Раз или два в день вырывал по несколько минут и сам беседовал с людьми, их женами и детьми, убеждался, что они сохраняют выдержку и уверенность, проявляют стойкость духа, глубоко сознают свою высокую миссию, свой патристический и интернациональный долг. Забота партии и правительства воспринималась всеми нами с благодарностью и гордостью за нашу великую Родину, воодушевляла на успешное решение стоящих задач.

Добрая память сохранилась и о многих работниках соответствующих отделов ЦК КПСС и Министерства иностранных дел СССР, которые в те трудные дни поддерживали с нами постоянную связь, прекрасно ориентировались в сложной обстановке и помогали выработать конкретные решения. Обобщая материалы о ходе событий в ЙАР, они подготавливали необходимые для руководства документы, характерные точностью анализа и глубокой обоснованностью выводов и предложений. Назову, в частности, таких высококвалифицированных и опытных работников, замечательных товарищей: В. В. Кузнецова, Н. М. Пегова, А. С. Панюшкина, Р. А. Ульяновского, В. Г. Долгина, В. М. Виноградова, В. С. Семенова, Н. П. Фирюбина, Я. А. Ма-

лика, Л. Ф. Ильичева, Д. М. Сытенко, П. В. Шиборина. И здесь, в ЙАР и позже, работая в Мавритании, я постоянно получал добрые советы и ощущал товарищескую помощь А. А. Шведова.

ЦК КПСС и правительство СССР, исходя из сложившейся обстановки, решили на время эвакуировать основную массу советских специалистов и членов их семей. В распоряжение посла было передано большое количество транспортных средств, главным образом самолетов ГВФ. Благодаря этому в кратчайший срок — в течение почти одной недели — нам удалось отправить на Родину всех, кто подлежал эвакуации, в том числе сотни детей. В решении данной проблемы весьма высокую оперативность, сочетавшуюся с подлинно партийной чуткостью, проявили работники Генерального штаба Советской Армии и тогда первый заместитель, а затем министр гражданской авиации СССР Б. П. Бугаев (сейчас на пенсии).

Не могу не упомянуть и о том, как тепло, по-братски встречали эвакуированных и оказывали им всяческое содействие советские представители в Каире и Будапеште. Ведь стояла зима — декабрь, а люди ехали из теплых краев, были легко одеты. По дороге, особенно в Будапеште, наши товарищи обеспечили их всем необходимым, так что в Москве морозы оказались не страшны. Я не слышал ни об одном случае простуды.

А в Йемене бои принимали все более ожесточенный характер, шли с переменным успехом. Монархисты по-прежнему рвались в столицу республики. 16 декабря, около полуночи, устав до предела, я пошел к себе, чтобы хоть немного восстановить силы. Сон от перенапряжения не шел, я принял снотворное, но едва оно начало действовать, как меня подняли, и пришлось выпить две или три чашки крепчайшего кофе. Я сам распорядился ставить меня в известность обо всем важном в любое время дня и ночи. Это был как раз такой случай. Вместе с первым секретарем посольства А. Зайцевым я увидел представителя йеменского командования подполковника Абдалла. Бледный, взволнованный, он сказал, что по поступившим сведениям большая колонна монархистских войск, оснащенная танками, бронетранспортерами и артиллерией, движется во главе с принцем Хасаном бен Хусейном по дорогам внутренней Хаймы ускоренным темпом, с тем,

чтобы на рассвете, не позднее шести часов утра, ворваться в Сану.

— Что намерены предпринять йеменские друзья?

— Как говорил подполковник, опять вся надежда на авиацию, — ответил Александр Васильевич.

— Уже начала действовать?

— Да, да — закивал головой подполковник Абдалла, и, выслушав, А. В. Зайцев перевел его горячую речь. Оказывается, командующий авиацией полковник Мухаммад Шаеф решил провести воздушную разведку, а затем действовать по обстоятельствам. Он уверен, что и на этот раз ему удастся сорвать планы монархистов.

— Что же, будем ждать новых сообщений, — сказал я.

Время тянулось медленно. Лишь в восьмом часу утра мы получили известие об успехе республиканской авиации, а подробности узнали позже. Оказывается, как и говорил полковник Шаеф, примерно в 4 часа утра направили в районы передвижения монархистских войск самолет-разведчик. Уточнив с его помощью координаты противника, командование подняло в воздух группу бомбардировщиков и истребителей, которые обрушили на колонну смертоносный удар. От нее почти ничего не осталось, спаслись лишь немногие. Главарь ее Хасан бен Хусейн, говорят, бежал чуть ли не в подштаниках; позже стало известно, что он был ранен и сперва перебрался на лечение в Саудовскую Аравию, а затем в ФРГ.

Этот удар можно назвать переломным, так как после него монархисты уже не смогли штурмовать Сану — не хватило сил. Но блокада столицы продолжалась, теперь ее хотели взять, как говорится, измором. Правительство ЙАР, опираясь на помощь друзей, принимало все возможные меры, чтобы обеспечить город продовольствием и тем самым как-то облегчить положение осажденных. Наши работники ни на минуту не забывали, что именно от них во многом зависит эффективность помощи, которую Советское правительство оказывает терзаемой врагами стране и с которой йеменцы связали все свои надежды на сохранение и упрочение республиканского строя.

Я всегда говорил об этом с гордостью и теперь вновь подчеркну, что советские люди неизменно ока-

зывались на высоте положения, проявляя глубокую эрудицию, деловитость и трудолюбие, самоотверженность подлинных патриотов и интернационалистов. С чувством огромной благодарности думаю я о своих замечательных товарищах по работе в ИАР — уже не раз упомянутых В. А. Перышкине, опытном работнике, в последнее время, до выхода на пенсию, работал послом СССР в Дишбуге, А. В. Зайцеве, А. Д. Короткове и военном атташе Г. В. Назаренко, первом секретаре заведующим консульским отделом М. С. Грекове, втором секретаре В. Г. Тырса, торгпреде С. Г. Николаеве, молодых дипломатах Р. Ш. Турдиеве, В. Г. Иващенко, А. Н. Кузьмине, В. К. Посавалюке, А. И. Смирнове, корреспонденте ТАСС В. Н. Борисове и о советниках С. Б. Аракеляне и Н. Ф. Тяпкине, Ю. П. Максимова, В. П. Брюхове, А. В. Горшкове (первый секретарь), А. Самаркине, А. Лаврове, А. Смирнове (торгпред), советниках по экономическим вопросам В. В. Егорове, И. Е. Водопьянове Н. Н. Терещенко, Бурцове И. В. — генконсуле в Таиззе, Х. Р. Рахимове — консуле в Ходейде, о руководителях групп С. П. Маслове, Петрове-Семечеве, А. С. Чередниченко, большинство из которых на заслуженном отдыхе. Всех, увы, не назвать, пусть товарищи извинят меня и будут уверены, что они навсегда в моем сердце, ибо не забыть вместе пережитое. Утверждал же кто-то из великих поэтов (кажется, Гейне), что воспоминания — вот подлинная родина души человека. Каждый из нас, несомненно, помнит те годы и своих товарищей, и каждый — я знаю по себе — склоняет головы перед светлой памятью молодых дипломатов, верных сынов Родины, трагически погибших при исполнении служебного долга, вторых секретарей посольства Владимира Аркадьевича Яковлева и Самада Сундукбаева; их имена занесены на Доску Почета Министерства иностранных дел СССР.

Да, случалось, что и гибли...

После завершения временной эвакуации советских граждан и разгрома йеменской авиацией группы войск принца Хасана мне пришлось вылететь для консультаций в Москву, где я получил исчерпывающие консультации по всем аспектам сложных йеменских проблем. Главное, сказали мне, вникать как можно глубже во множество особенностей общественного развития Йемена и, уважая священные права народа и страны,

всеми действиями поддерживать силы прогресса, демократии и национальной независимости. Мы не должны скрывать своих взглядов, симпатий и антипатий. Выступая за прекращение братоубийственной войны, желая скорейшего прекращения кровопролития, мы в то же время будем выполнять свои обязанности по соответствующим соглашениям и способствовать дальнейшему укреплению вооруженных сил ЙАР, призванных защищать республику от посягательств враждебных ей сил. Уже тогда было замечено, что в Йемене, не исключена и возможность так называемой «тихой контрреволюции», когда враги, не сумев сломить национально-патриотические силы оружием, станут подрывать их изнутри, широко используя политические провокации, идеологические диверсии, экономический шантаж и социальную демагогию.

Предупреждение это было весьма актуальным. Вернувшись в Йемен в начале января 1968 года вместе с женой, я сразу же подключился к делам. Сана находилась еще в окружении, посольство и другие советские учреждения по-прежнему располагались в Ходейде. Первое, что бросилось в глаза,— аэродром наконец-то приведен в порядок, по нему уже не бродили животные. Встречавшие товарищи сказали, что аль-Арьяни поправился и что в Ходейде пребывает и его заместитель Мухаммад аль-Осман. Я созвонился с ними и с другими государственными и военными деятелями, вечером того же дня мы встретились. Весь наш диалог был посвящен одному вопросу: как спасти и укрепить республику? В откровенной беседе с обеих сторон было выражено мнение, что нужно прежде всего добиться единства всех республиканских сил.

Честно говоря, я сочувствовал аль-Арьяни, ему приходилось постоянно лавировать, так как, несмотря на тяжесть военного положения, противоречия между различными группировками не затихали, а, наоборот, обострялись и привели к отставке Мухсина аль-Айни с поста премьер-министра. Совет Министров возглавил верховный главнокомандующий генерал Хасан аль-Амри — человек, который выражал интересы буржуазно-купеческих слоев населения и значительной части феодально-племенной верхушки, выступавшей против монархии. Правда, справедливости ради следует отметить, что в той чрезвычайно опасной обстановке каби-

нет Амри сыграл свою положительную роль и в целом обеспечивал достижение военных успехов.

Смена премьер-министров происходила часто. Вот по сколько и кто пребывал на этом посту после свержения, ас-Саляля:

- 5. XI.— 18. XII. 1967 года — Мухсин аль-Айни;
- 18. XII. 1967 г.— 9. VII. 1969 г.— Хасан аль-Амри;
- 2. IX. 1969 г.— 1. II. 1970 г.— Абдаллах аль-Куршуми;
- 5. II. 1970 г.— 26. II. 1971 г.— Мухсин аль-Айни;
- 5. V. 1971 г.— Ахмад Мухаммад Нуман;
- 24. VII.— 5. IX. 1971 г.— Хасан аль-Амри...

Это являлось — повторяю следствием обострившихся противоречий в республиканском лагере, особенно между левым крылом, последовательно выступавшим за демократизацию общественной жизни страны, ослабление роли шейхов племен, ликвидацию феодальных отношений, и правым крылом, целью которого было сохранение привилегий имущих классов, прежде всего шейхов. В условиях блокады Саны, да и во все последующие периоды, как доказывает жизнь, любые разногласия были лишь на руку врагам национально-освободительного движения. Если бы в декабре 1967 года — январе 1968 года не восторжествовал здравый смысл, то есть если бы не было достигнуто временное объединение всех антимонархических сил, республика, безусловно, погибла бы.

В беседах, да и всей своей практической деятельностью, мы активно поддерживали идею единства сторонников республиканского режима. Для нашей многогранной работы хорошим помощником оказались личные отношения, которые, как известно, имеют немало важное значение во всех областях человеческой деятельности и играют особую и весьма значительную роль в дипломатической практике. Именно благодаря хорошим личным отношениям, доверительным и деловым, с руководителями ИАР — президентами ас-Салялем и аль-Арьяни, премьер-министрами аль-Айни, аль-Амри, аль-Куршуми и Нуманом, а также с их заместителями и ближайшим окружением, как и со многими другими государственными, политическими, общественными и военными деятелями, нам удавалось успешно осуществлять свою миссию. Йеменцы видели, что мы проявляем глубокое понимание стоящих перед ними проблем, всегда уважаем их суверенитет, национальные традиции и

обычай, солидарны с их справедливой борьбой за независимость и чистосердечны и бескорыстны; действуем лишь в интересах мира и прогресса, во имя укрепления дружбы и сотрудничества между нашими народами и поэтому часто советовались с нами.

Курс на единство республиканских сил и укрепление вооруженных сил, о чем мы постоянно говорили в откровенных беседах с йеменскими друзьями, принес свои плоды. Блокада Саны, продолжавшаяся 71 день, была прорвана, монархистов стали постепенно вытеснять из Тихамы, Вади-Сурдуда и других долинных и горных районов. В конце января 1968 года появилась возможность летать в Сану гражданской авиации, и мы тут же использовали её, полетели втроем — я, атташе посольства Р. Ш. Турдыев и повар Анатолий Зайцев, однофамилец уже упомянутого первого секретаря посольства.

На всем пути от южного аэродрома, на который мы приземлились, до самого посольства, всюду были следы ожесточенных боев и варварских обстрелов. Многие улицы представляли собой груды развалин. Территория посольства была изрыта воронками, ворота — изрешечены пулями, но стояли.

Мы подъехали на такси, отодрали доски, которыми был заколочен вход, и поднялись на второй этаж в мой кабинет, пустой, с осколками стекол на полу. Оконная рама висела на одной петле, углы стен затянуло паутиной. Кроме одного письменного стола и нескольких кресел да телефонного аппарата, в здании ничего не оставалось — все было вывезено или надежно спрятано. Я стал принимать людей, как-то узнавших о нашем приезде и поспешивших с визитами вежливости. Уже чуть ли не через 15—20 минут после того, как мы вошли в кабинет, появился Абдель Салем Сабра, первый заместитель премьер-министра ЙАР, живший рядом с посольством. Он приветствовал нас тепло и сердечно, как настоящих друзей, и поинтересовался, не свидетельствует ли наш приезд о нашем стремлении поскорее вернуться из Ходейды в Сану.

— Хотелось бы, — ответил я.

— Как скоро? — спросил он прямо.

— Вы знаете, это зависит от многих обстоятельств, в том числе от ваших военных успехов, — сказал я так же откровенно и добавил, что в настоящих условиях

посол и его сотрудники намерены часто бывать в Санае и с этой целью будем приводить здание в порядок.

— Стоило бы подобрать сторожа,— вставил Р. Ш. Турдиев.

Абдель Салем Сабра выразил готовность помочь и сдержал слово. Человека, которого мы взяли по его рекомендации, звали Али, он служил честно и добросовестно, был смелым и сильным. Как-то в феврале он не побоялся вступить в схватку с двумя вооруженными злоумышленниками, проникшими в посольство, как потом выяснилось, с целью ограбления. В тот вечер Али уже направлялся домой, но, услышав яростный лай собак, быстро вернулся. Едва он открыл ворота, как собаки бросились к нему и затем — назад, к зданию, словно бы призвав следовать за ними. Грабители в этот момент перелазили с дерева, примыкающего к дому, на крышу. Увидев Али, они выхватили револьверы и велели ему убираться подобру-поздорову и увести с собой собак.

— Нет,— ответил Али.— Если вы даже убьете меня, все равно вам не спастись от возмездия аллаха и его слуг.

Бандиты спрыгнули на землю, пытались расправиться с Али и убить собак без шума, кинжалами, но собаки опередили, набросились на них и в конце концов они были вынуждены сдаться. Али отвел их в соседний дом, к Абдель Салему Сабра, по указанию которого они были строго наказаны. Когда мы узнали об этом происшествии, я поблагодарил Сабра за то, что он рекомендовал нам такого хорошего человека, а самому Али вручил денежную награду.

Наши работники и я сам действительно стали бывать в Санае довольно-таки часто, особенно после того, как в начале февраля ополченцы одного из племен во главе с молодым прогрессивно настроенным шейхом Али аль-Матери взяли под свой контроль дорогу Сана—Ходейда. Правда, монархисты все еще таились по ущельям и часто обстреливали машины, однако мы с военным атташе Г. В. Назаренко и атташе посольства Виктором Иващенко, как говорится, положились на счастье. Не помню, по какой причине не могли воспользоваться самолетом, дело же было неотложным, предстояла встреча с премьер-министром и верховным

главнокомандующим вооруженных сил генералом Хасаном аль-Амри и другими членами правительства.

В дороге нас обстреляли дважды, в первый раз — едва машина въехала в горы и пошла на подъем, а во второй, более сильно, — на перевале, после которого начинался спуск. Вся надежда была на скорость, да разве разгонишься на крутых серпантинах? Шофер Григорий Домбровский, что называется, вцепился в баранку и только успевал вертеть ее то влево, то вправо. Но за очередным поворотом пуля взвизгнула у самого его уха, и он вдруг схватил газету и прикрыл ею левую половину лица. Как не натянуты были наши нервы, мы расхохотались. Засмеялся и сам Григорий. Смех как бы облегчил душу, исчезла напряженность, возникло ощущение, я бы сказал, бесшабашности. Посыпались шутки, вспомнились анекдоты — словом, смеялись до самых ворот посольства, и, лишь когда выходили из машины, Г. В. Назаренко сказал:

— А проскочили-то чудом, а?

— Чудом! — подтвердил шофер Г. Домбровский и показал следы пуль на машине.

Наутро мы встретились с аль-Амри и другими членами его кабинета, обговорили все вопросы. Вечером я пригласил премьер-министра к себе на ужин, во время которого сказал ему, что завтра же вернусь в Ходейду.

— Опять машиной? — спросил аль-Амри.

— Придется. Ждать, когда полетят самолеты, не могу.

— Но ехать без охраны опасно, — покачал головой аль-Амри и сказал, что выделит для сопровождения два бронетранспортера с группой автоматчиков.

Я счел неудобным воспользоваться этой любезностью и, поблагодарив за нее, вежливо отклонил.

— Но вы рискуете, господин посол, — продолжал настаивать аль-Амри.

— На войне как на войне, — улыбнулся я и спросил: — Когда монархисты обычно выходят к дороге?

В ответ услышал:

— Часов в шесть утра.

— Вот и хорошо, мы постараемся разминуться с ними, — сказал я.

Проводив аль-Амри, я тут же позвал товарищей и дал указание собираться в дорогу. Мы выехали в два часа ночи и до рассвета проскочили все опасные места.

Когда миновали последний перевал и пошли на спуск в долину, часы показывали 6.30 — время завтрака.

— Не будем, товарищи, изменять привычке, позавтракаем? — спросил я.

— Конечно! — в один голос ответили мои спутники.

Но только расположились — смотрим, по склону горы спускается, направляется к нам группа вооруженных людей. Кто они, республиканцы или роялисты? Не раздумывая некогда, я дал указание В. Иващенко пойти к ним навстречу и, кто бы они ни были, пригласить разделить с нами завтрак. Люди, оказалось, со вчерашнего утра ничего не ели, поэтому приняли приглашение с радостью. В. Иващенко дал понять взглядом, что они монархисты, — значит, надо было быть сто крат спокойнее и как можно щедрее.

Только насытившись, они спросили, кто я такой и, узнав, что советский посол, поначалу растерялись, а потом возбужденно, перебивая друг друга, заговорили. Их изумило наше радушие. Как же так, спрашивали они, ведь вы вооружены ракетами и пулеметами, убиваете всех истинных мусульман, хотите насадить безбожие, почему же не стреляли в нас?

Мы разъяснили им, что все плохое, что слышали про нас, — это ложь, они обмануты действительными врагами их родины, которые разжигают братоубийственную войну ради своей корысти, а мы выступаем против этой войны, хотим, чтобы йеменский народ поскорее покончил с нею и был сам хозяином своей судьбы, чтобы люди вернулись к своим домашним очагам и занимались мирным трудом, пахали землю, пасли скот, строили жизнь так, как они хотят, — по образу своему и подобию, то есть верили бы, в кого верят, и не знали бы ни голода, ни нужды.

Слушали нас с огромным вниманием, задали массу вопросов, ни один из которых не остался без ответа, и, горячо поблагодарив за все, проводили до самой долины. Через два дня нам сообщили, что эта группа перешла на сторону республиканцев, которые одерживали все новые победы.

С февраля 1968 года республиканцы уже не оборонялись, а постоянно наступали, неуклонно укрепляя свое положение на всей территории страны. Примерно через полтора года, в сентябре 1969-го, когда выбили монархистов из их важнейшего опорного пункта — по-

граничного города Саада, одного из древнейших в Йемене, — война была по существу завершена. Отряды монархистов сохранили свои позиции только в немногих труднодоступных горных районах на границе с Саудовской Аравией.

В ходе боев на сторону республиканцев переходили не только массы обманутых, но и значительное количество лидеров и активных участников роялистского движения. Среди них был и генерал Касим Мунасар, один из самых способных и энергичных военачальников мятежного стана, командующий ударной монархической армией, блокировавшей Сану. Его переход на сторону республики явился крупным событием в Йемене, он вызвал шок у бывшего короля — имама аль-Бадра и его хозяев в Саудовской Аравии. Не менее удивились и американцы, как и саудовцы, финансирующие Мунасару и снабжавшие его самым современным оружием. Деятели из ЦРУ возлагали на генерала большие надежды.

Спустя некоторое время, в мой очередной приезд в Сану, вице-премьер-министра Абдель Салем Сабра сказал, что Касим Мунасар изъявил желание встретиться с советским послом. Я ответил согласием, и на следующий день Сабра и Мунасар стали моими гостями. В беседе, которая состоялась между нами, Мунасар подробно рассказал, почему он оказался в монархическом стане и каким образом выдвинулся в его лидеры, как мучительно переживал крах своих прежних идеалов и приходил к нынешним убеждениям в том, что только республика принесет его многострадальному народу счастье и процветание. Запомнилось, как он произнес, — с силой и гневом:

— Это гнездо змей, жалящих друг друга! Торговцы родиной! Не о народе они думают, — о своих карманах!

Так он охарактеризовал аль-Бадра и его окружение. Он сказал, что саудовцы и американцы платили ему долларами и фунтами стерлингов, причем золотыми монетами, и показал несколько таких монет. Его обхаживал сам американский посол в Саудовской Аравии, с которым он имел несколько встреч и который от имени правительства США каждый раз преподносил ему ценные подарки, в том числе легковой автомобиль, полностью автоматизированный «Мерседес-300». В то время эта была редкая дорогостоящая машина; думаю,

такой она осталась и теперь. Касим Мунасар передал ее правительству ЙАР.

Тактика империалистических разведок общеизвестна: они действуют и подкупом и террором. Враги не могли простить Мунасару его прозрения и решили расправиться с ним руками наемных убийц. Предателями оказались некоторые из сотрудников его штаб-квартиры в Бени Хушейше. Убийство произошло вскоре после нашей встречи.

Следует особо подчеркнуть, что йеменскому народу пришлось столь долго отстаивать республику именно потому, что война, начавшись как гражданская, превратилась в фактическую интервенцию Саудовской Аравии, за спиной которой стояли страны НАТО во главе с США. Прямое вмешательство в дела Йемена усилилось после ноября 1967 года, когда на юге вместо созданной англичанами марионеточной Федерации Южной Аравии, в результате победоносной национальной революции, возникла независимая Народная Республика Южного Йемена, нынешняя НДРЙ — Народная Демократическая Республика Йемен. Это стало новым ударом по империалистическим интересам на Ближнем Востоке. Поэтому гражданская война на севере воспринималась монополистами США и Западной Европы, как говорится, даром небес. Они понимали, что свержение республиканского строя в Северном Йемене может существенно подорвать все арабское национально-освободительное движение, и не останавливались ни перед чем, лишь бы добиться своих целей.

Империализм и саудовская реакция, — говорил аль-Арьяни, — несмотря на те удары, которые получили от рук нашего народа и наших вооруженных сил, не прекращают вмешательства в дела нашей страны, продолжают вербовать иностранных наемников и подкупать слабовольных в целях ликвидации республиканского строя. Последние данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что эти силы пытаются послать огромное количество оружия, боеприпасов, денежных средств и привлечь наемников для проведения новых попыток покушения на нашу революцию. Империализм не отказывается от мысли превратить нашу страну в зону своего влияния, а следовательно, покорить и подчинить её, лишить ее свободы.

Могу подтвердить: аль-Арьяни не преувеличивал.

Мы своими глазами видели брошенное разбитое монархистами новейшее оружие американского, английского и французского производства. Среди пленных, взятых в ожесточенном сражении в районе Беяд Арус, наряду с обманутыми йеменцами и саудовцами, было немало белых наемников, в том числе из ФРГ и Бельгии, часть из них участвовала еще в грязной интервенции против Республики Конго, во главе которой стоял один из выдающихся деятелей национально-освободительного движения народов Африки Патрис Лумумба. Там же, под Беяд Арусом, мы видели и иранских солдат. Если наемники из западных стран воевали за большие деньги, которые им платили, то иранцы были направлены сражаться за чуждые им интересы своим монархом — шахом Резой Пехлеви, который стремился играть роль жандарма на Ближнем и Среднем Востоке, чем в конечном счете вызвал справедливый гнев народа и был, как известно, сметен.

Следует отметить позитивные сдвиги во внешней политике Саудовской Аравии, которые наблюдаются в последнее время, особенно после сепаратного сговора Египта с Израилем. Новые люди, сменившие умершего короля Феусала и его окружение, оказались более чуткими к происходящим в мире переменам и, после определенных колебаний заняв в деле урегулирования ближневосточного кризиса реалистические позиции, как видно, постепенно познают коварную стратегию империализма.

«Саудовская Аравия,— заявил в то время наследный принц, в настоящее время король Фахд ибн Абдулазиз ас-Сауд в интервью французской газете «Монд»,— искренне стремится к восстановлению мира на Ближнем Востоке, но не любой ценой. Она хочет установления справедливого и всеобъемлющего мира, который положит раз и навсегда конец ближневосточному кризису... Наше противодействие кэмп-дэвидским соглашениям связано с убежденностью, что авторы этих соглашений не приняли в расчет даже коренных принципов подлинного мира в регионе. Действительно, эти соглашения нельзя называть ни реалистическими, ни приемлемыми»¹.

Позднее, как известно, Фахд выдвинул Саудовский

¹ Еженедельник «За рубежом», № 22, за 25—31 мая 1979 г.

план ближневосточного урегулирования из пяти пунктов, в числе которых пункт, предусматривающий признание прав Пакистанского народа на самоопределение и создание своего собственного государства.

Выступив вместе с подавляющим большинством арабских стран за вывод израильских оккупантов с захваченных территорий и за право палестинского арабского народа на самоопределение и создание своего самостоятельного государства, Саудовская Аравия предприняла ряд конкретных шагов, направленных на изоляцию капитулянтского режима Садата. В частности, как сообщала английская газета «Файнетил Таймс», власти Эр-Рияда (то есть правительство Саудовской Аравии — М. Р.) заявили, что будет ликвидирована Арабская организация военной промышленности (АОВП) — предприятие с капиталом во много сот миллионов долларов, насчитывающее 15 тыс. служащих в Египте; его субсидировали Саудовская Аравия, Катар и Объединение Арабских эмиратов.

Недавно прибывший в Советский Союз министр иностранных дел Саудовской Аравии С. Фейсал высоко отозвался о принципиальной позиции Советского Союза в палестинском вопросе, являющимся ключевым фактором ближневосточного урегулирования. Саудовская Аравия приветствует международную конференцию по ближневосточному урегулированию.

Когда знакомишься с подобными фактами, невольно думаешь, что жизнь действительно лучший учитель и торжество истины и правды и впрямь ничем не сдержать.

Поражения на поле боя вынуждали империалистов и арабскую реакцию менять тактику. Они стали все более активно подрывать республику изнутри, разжигая внутренние противоречия. Этому в немалой степени способствовало усиление влияния на политическую жизнь ЙАР консервативного крыла республиканцев, представляющего интересы зарождавшейся компрадорской буржуазии, шейхов племен и мусульманских улемов. Позиции шейхов, имевших неоспоримое влияние на сельское население, — основное в стране — постоянно укреплялись, так как все больше племен порывали с монархистами и переходили на сторону республики. Стремясь еще более упрочить свое положение, они потребовали разоружить отряды народного сопротивления.

ния, сократить регулярную армию и возложить дело защиты республики на племенные ополчения.

Лидеры левого, демократического крыла республиканцев сразу же разгадали суть этих требований. Однако они оказались в меньшинстве. В мае 1968 года ополчения племен разоружили отряды народного сопротивления в Сане и в некоторых других городах, а в августе правые утвердили свои прерогативы силой. В столице произошли вооруженные столкновения, в результате которых погибли многие истинные патриоты, как, например, начальник генерального штаба Абдель Ракиб, Хасан Мекки, министр иностранных дел был тяжело ранен. Под давлением вождей племен Мекки, Мухаммад Аттар и другие ведущие лидеры левого крыла были смещены со своих постов в правительстве. Их хотели арестовать, как арестовали сотни активистов движения народного сопротивления, рабочих профсоюзов и молодежных организаций, но аль-Арьяни уговорил ограничиться высылкой из страны. Мне он сказал, что настоял направить Хасана Мекки и Мухаммада Аттара на загранработу, пока, как он выразился, не улягутся страсти. Он добавил:

— Я высоко ценю их большие способности, их преданность идеалам революции и интересам народа.

Однако правые все больше нажимали на него самого, вырывая одну уступку за другой. Шейхи племени и мусульманские улемы составили большинство в новом органе, — Национальном Совете, председателем которого на первой сессии, открывавшейся 16 марта 1969 года, был избран вождь крупнейшего объединения племен — конфедерации хашед — шейх Абдалла аль-Ахмар. Тогда же они объявили Национальный совет высшим органом законодательной власти, в прерогативы которого стали входить и выборы коллективного Республиканского совета, и назначение премьер-министра, и утверждение состава правительства. Под их давлением активизировались поиски путей для соглашения с монархистами и примирения с Саудовской Аравией.

Монархические лидеры и тогдашние саудовские правители на этот раз оказались более покладистыми, ибо увидели реальную возможность сохранить свое влияние на страну, не дать ей встать на путь некапиталистического развития, а, наоборот, вовлечь в орбиту империалистических держав и сделать еще одним форпостом

борьбы с национально-революционным движением народов Ближнего Востока.

Правда, в марте 1970 года монархисты и части иностранных наемников, словно бы оправившись от поражения, возобновили активные военные действия и после массированных атак вновь заняли город Саада. Судя по всему, для руководителей республики это явилось неожиданностью. В беседах они не раз произносили слова «вероломство» и «вероломное нападение», расценивали случившееся как крупную неудачу и, подчеркивая решимость дать отпор, просили (цитирую аль-Арьяни) «поддержать всеми имеющимися возможностями». Я хорошо запомнил эту его фразу.

Вместе с тем, и тем более нам, было ясно, что роялисты предприняли свои акции с целью обеспечить себе более прочные позиции в намечавшихся переговорах. Даже их вождь аль-Бадр стал выступать с призывами о примирении. На конференции министров иностранных дел мусульманских государств, состоявшейся в конце марта в Джидде, йеменская правительственная делегация вступила в переговоры с лидерами эмигрантского монархистского правительства, в результате которых в конце концов остановили многолетнюю разрушительную войну.

Безусловным успехом являлось то, что мир был достигнут на базе признания неоспоримости существования республиканского строя. Это следует расценивать как победу. Но значительными оказались и уступки, которые определили многие негативные явления в последующем развитии ЙАР. Достаточно сказать, что в состав правительства республики вошли пять министров из числа возвратившихся в Сану эмигрантов-монархистов. Некоторых представителей этих кругов назначали губернаторами провинций, 12 человек ввели в Национальный совет, а одного, причем, видного роялиста, бывшего министра эмигрантского правительства, сделали членом Республиканского совета, т. е. коллективного президентского органа ЙАР, несущего, как говорится в Конституции 1970 года «ответственность за выработку общей политики государства и контроль за ее осуществлением».

Наша реакция на все эти события исходила из принципиальных установок ленинской внешней политики, всегда миролюбивой и конструктивной. Мы неизменно

говорили йеменским друзьям, что не вмешиваемся в их дела, которые они знают лучше, но солидарны с их борьбой за национальное освобождение и социальный прогресс, которую рассматриваем как часть антиимпериалистической борьбы народов. Какой бы путь не использовали—вооруженный или невооруженный,—могут положиться на нашу решительную поддержку. Мы будем помогать им защищать политическую независимость и суверенитет, помогать преодолевать экономическую отсталость, создавать независимую национальную экономику и повышать жизненный уровень народа. Прекращение войны, подчеркивали мы, открыло перед страной хорошие перспективы восстановления разстроенного народного хозяйства и осуществления социально-экономических преобразований, возрождения древней национальной культуры и развития ее прогрессивных рождений.

— С монархией покончено,—говорил аль-Арьяни в одном интервью,—благодаря стойкости йеменского народа и его веры в революцию и республику, героической борьбе за республиканский режим, замены которого он не хочет. Стойкость и вера народа явилась главным фактором поражения сторонников монархии.

Одновременно он, как и другие руководители страны, не раз отмечал, что ни один честный йеменец-рабочий, крестьянин, интеллигент, какими бы не были его убеждения, не может забыть ту роль, которую сыграл Советский Союз в обуздании саудовско-монархической агрессии, поддержанной мировым империализмом во главе с США.

В сентябре 1969 года премьер-министром был назначен Абдаллах аль-Куршумы. В программном заявлении он не упомянул об антиимпериалистической направленности внешней политики ЙАР и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, что вызвало недоумение трудящихся и многих политических и общественных деятелей страны. Аль-Арьяни выступил тогда специально и во всеуслышание объявил, что йеменский народ, его политические руководители считают укрепление дружбы и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, равно как и борьбу с империализмом и неокOLONIZаторами, основным курсом своей внешней политики.

Аль-Арьяни был, безусловно, крупным государствен-

ным и политическим деятелем, честным и искренним во всех своих делах, помыслах и убеждениях, пускай даже часто и ошибочных. По социальному происхождению он относился к духовенству, его отец был кадды, то есть казий — мусульманский судья, — и он сам тоже носил титул — кадды. Получив традиционное религиозное образование, он тем не менее отличался широтой кругозора, особенно любил литературу, дружил с одним из зачинателей новой йеменской поэзии Мухаммадом Махмудом аз-Зубейри (погиб в 1965 г.) и, разделяя его умеренные реформистские взгляды, вместе с ним возглавлял консервативное крыло республиканцев, которое выступило против президента ас-Саляля. Увы, и в проведении реформ ему не хватало решимости и последовательности. Он как бы находился на перепутье где-то посередине между прогрессивными силами и внутренней реакцией, жаждал примирения, как говорил сам, «политических сил всех направлений», не понимая, что обострение борьбы между ними — это результат абсолютно непримиримых социальных, классовых противоречий.

В семье аль-Арьяни есть несколько людей, исповедующих, по его собственным словам, марксистское мировоззрение и связанных с марксистским движением, он знал об этом и не препятствовал. Наверное во всех отношениях — как политика и человека — его смело можно назвать либералом. После августовских событий 1968 года — я уже отмечал это — давление на него со стороны внутренней реакции шло по возрастающей. Однажды в доверительной беседе он признался, что устал от постоянных интриг, видит, как страну тянут в орбиту империализма, но все меньше вокруг него людей, на которых мог бы положиться, и поэтому вынужден идти на уступки. Он с грустью произнес:

— Мир достался нам дорогой ценой...

Было ясно, что аль-Арьяни долго не выдержит натиска реакции. Так оно и произошло. Уже после моего отъезда из страны на новую работу — послом в Мавританию — аль-Арьяни, придя к выводу, что в сложившихся условиях он не может оставаться у власти, подал в отставку и покинул страну. Сил и решимости для борьбы у него не хватило, а быть марионеткой он не пожелал.

Другим видным деятелем ЙАР был Мухсин аль-

Айни — один из ярких представителей демократической интеллигенции. До свержения монархии он большую часть жизни провел в эмиграции и долгие годы работал в Адене, где принимал участие в борьбе с британскими колонизаторами, выдвинувшись как активный лидер профсоюзного движения. Он неизменно выступал за демократизацию общественной и политической жизни и государственного аппарата, однако зачастую не учитывал объективных условий, забывал о классовой сущности проблем и явлений, с которыми ему приходилось сталкиваться, стоял на позициях реформизма и плюрализма. Именно поэтому аль-Айни выражал несогласие с политикой ас-Саляля, требовал замены президентской формы правления парламентской, участвовал в перевороте. И именно поэтому же он не смог достаточно стойко противостоять реакционным и правым силам, которые умело приспособивали проводимые преобразования к собственным интересам и представлениям с целью укрепления своей власти.

Здесь, очевидно, уместно сказать о том, что опыт развивающихся стран за истекшие годы со всей определенностью подтверждает, что политическая демократия как система правления, как наличие прав и свобод для трудящихся масс является обязательным условием дальнейшего развития и углубления национально-демократической революции. Подчеркнем: для трудящихся масс! Оппортунизм — иначе не назвать — республиканских лидеров, сменивших ас-Саляля, мешал им усвоить эту истину, чем незамедлительно воспользовались правые силы и империалистические круги. Анализируя события в ЙАР, невольно приходишь к выводу, что курс на установление и упрочение революционной антифеодальной диктатуры офицерства и сплотившихся вокруг него социальных слоев, который проводился до ноября 1967 года, более полно отвечал объективным условиям, нежели прагматический курс аль-Арьяни и аль-Айни.

Говоря о Мухсине аль-Айни, хотел бы отметить, что, несмотря на все заблуждения и ошибки в осуществлении внутренней политики, он прекрасно видел неуклонно растущую популярность социалистических идей и тенденций и хорошо понимал, что общий кризис империализма углубляется, что мир переходит к социализму и что построить действительно свободный процве-

тающий Йемен можно лишь на путях союза и сотрудничества с социалистическими странами. В этом вопросе аль-Айни был неизменно последовательным. Он всегда подчеркивал, что йеменский народ высоко ценит бескорыстную помощь Советского Союза, без которой республика не выжила бы. Когда в феврале 1970 года аль-Айни вновь возглавлял правительство, он принял шаги для дальнейшего укрепления сотрудничества с нашей страной и в одной из бесед прямо спросил: может ли он рассчитывать на приглашение в ближайшее время Йеменской правительственной делегации во главе с аль-Арьяни, с дружеским визитом в Москву.

— Думаю, да,— ответил я, а через несколько дней, после того как решил вопрос с центром, сказал, что Советское правительство готово приветствовать йеменских руководителей в удобное для них время.

Аль-Айни обрадовался.

Визит состоялся в декабре того же года, он прошел на высоком уровне, Аль-Арьяни, аль-Айни, командующий ВВС Мухаммад Шаеф и многие другие члены делегации, а особенно сопровождающие ее молодые офицеры были довольны своим пребыванием в Советском Союзе. Офицеры в свое время обучались в советских учебных заведениях и, едва прибыв в Москву, связались со своими преподавателями и бывшими сокурсниками. Некоторые учились в союзных республиках, аль-Арьяни разрешил им кратковременную поездку, и это тоже способствовало развитию советско-йеменской дружбы.

К сожалению, в составе делегации были и люди враждебно настроенные к нашей стране, стоящие на позициях капитулянтства, близкие к империалистическим кругам и арабской реакции, в том числе к правящей верхушке Египта. Они расточали советским людям улыбки, подлаживались под общую атмосферу теплоты и сердечности, в которой проходил визит, однако в душе копили злобу и ненависть, рядились в одежды единомышленников своих действительно честных и искренних коллег, однако под этими одеждами прятали увесистые камни.

К концу визита аль-Арьяни испытывал недомогание, у него обострились старые болезни. Во время пребывания в Крыму он слег, и из Москвы был срочно вызван опытный врач, благодаря которому аль-Арьяни сумел

встать на ноги и вместе со всей делегацией благополучно вернулся на родину: врач сопровождал его до самой Саны.

Но болезнь требовала длительного лечения, об этом аль-Арьяни предупреждали, однако он ответил, что чувствует себя хорошо, и благодарил за внимание и готовность помочь. Спустя некоторое время ему все-таки пришлось заняться своим здоровьем, и определенные лица из государственного аппарата вкупе с западными представителями уговорили ехать в Париж. Я не хочу бросить тень на французских врачей, дело не в них, а в том, что вопрос упирался в политику, правые силы использовали его в своих корыстных интересах, для грязных политических махинаций.

Аль-Арьяни отсутствовал долго, аль-Айни по существу остался один на один с реакционными или подкупленными империалистами элементами, которые не могли простить ему визит в Москву. Молодых офицеров, сопровождавших делегацию, объявили коммунистами и стали преследовать. Командующего авиацией Мухаммада Шаефа, того самого, который во время блокады Саны разбомбил монархистов, засевших в доме его отца, сместили. Шаеф был одним из немногих патриотов-демократов, оставшихся на ключевом посту в армии после августовских событий 1968 года и убийства начальника генерального штаба Абдуль Ракиба. Теперь добрались и до него, и верховное командование, можно сказать, полностью перешло в руки ставленников правых, выходцев из родо-племенной верхушки, таких, как Синан Абдул Лухум, аль-Ахмар и другие. К ним примкнул и генерал аль-Амри.

В сложившейся обстановке Мухсин аль-Айни был вынужден уйти в отставку. Это случилось в феврале 1971 года. Возглавивший кабинет Ахмад Мухаммад Нуман тоже продержался недолго, до конца июля, и уступил пост генералу аль-Амри, который находился на нем меньше двух недель, с 24 августа по 5 сентября, и был с позором снят и изгнан из страны.

Об этом человеке тоже хочется сказать несколько подробнее, ибо его судьба — яркая иллюстрация коварных действий реакции, которая сеет рознь среди патриотов, разжигая антикоммунистические предрассудки, используя подкупы, шантаж и лесть, играя на слабостях человеческой натуры. Ярый антимонархист, Хасан

аль-Амри, как читатель уже знает, возглавлял правительство и армию ЙАР в самый напряженный период вооруженной борьбы с саудовско-монархической интервенцией. Для победы он сделал немало, отличался и личной храбростью, готовностью к самопожертвованию. В тот период он выступал за развитие йеменско-советских отношений. В одной из бесед он сказал, что йеменский народ смог утвердить на своей земле демократический республиканский строй благодаря своей сплоченности, а также поддержке дружественных правительств и народов, в авангарде которых находятся правительство и народ дружественного Советского Союза. Эта мысль нашла отражение, неоднократно подчеркивалась и в ряде официальных документов, подписанных аль-Амри.

Но военные успехи, как видно, вскружили голову аль-Амри, он потерял чувство реальности, в его характере стали все больше проявляться негативные черты: храбрость оборачивалась склонностью к авантюрам, горячность и вспыльчивость — нетерпимостью к иным воззрениям и мнениям, а потом и стремлением утвердить свои буржуазно-националистические позиции грубой силой. Реакция все это умело использовала. Она превозносила его действительные и мнимые заслуги, называла «сильным человеком, спасителем нации», и это льстило, он возомнил себя таковым, думал, что ему все позволено. Развязка, однако, была неожиданной для тех, кто делал на него ставку и радовался его возвращению на пост премьер-министра.

Никто не знает подробностей, все приписывают его горячему нраву, и доля истины в этом, очевидно, есть. Но согласитесь, что потерять себя до такой степени, чтобы в упор застрелить человека, который чем-то не угодил, — для этого нужно быть уверенным в своей безнаказанности. Некоторые лица так и говорили:

— Подобное в Йемене случается, никто не придает значения. Тем более, когда речь идет о такой личности, как генерал аль-Амри.

Одни утверждали, что убитый человек был слугой генерала, его брাদобреем, другие добавляли, что этот человек шпионил за аль-Амри якобы по поручению аль-Арияни, который боялся честолюбивого генерала. Как бы то там ни было, поступок на сей раз не остался безнаказанным, он вызвал глубокое возмущение. Разра-

зился скандал, в результате которого аль-Амри был смещен со всех занимаемых им постов. Боясь кровной мести, обычной в йеменских условиях, и под давлением других руководителей ЙАР, которые должны были предать его суду за преднамеренное убийство, аль-Амри покинул страну, и, как говорится, канул в неизвестность.

Поворот страны вправо в значительной степени обусловлен тем, что многие руководители революционного переворота 1962 года и значительная часть рядовых его участников, составляющих боевой авангард сторонников революции и радикальных социально-экономических преобразований, погибли в то время; кроме того, национально-патриотические силы оказались разобщенными, не имели своей политической организации. Шаги по ее созданию были предприняты уже в обстановке, когда правые значительно укрепили свои позиции.

Руководители партии называли ее Революционно-демократической партией Йемена (РДПЙ) и неоднократно подчеркивали, что она создана под влиянием идей марксизма-ленинизма, будет руководствоваться ими, добиваясь перерастания национально-освободительной революции в социалистическую путем осуществления прогрессивных социальных преобразований. Реакция, естественно, не могла мириться с подобной программой, она прибегла к террору и репрессиям. После августовских событий 1968 года партия ушла в глубокое подполье. Мне помнятся многие ее замечательные руководители и активисты, которые в тяжелые для республики дни, когда монархисты блокировали Сану, совершали поистине героические подвиги и сегодня тоже находятся на передовых линиях борьбы йеменского народа за социальный прогресс. Думаю, читатель понимает, что назвать их имена в силу нынешних условий не представляется возможным. Но можно быть уверенным: Йемен еще будет гордиться этими людьми.

Из йеменских событий народы развивающихся стран тоже могут извлечь немало полезных уроков. В частности они наглядно показывают, как империалисты стараются приспособлять свою политику к создавшимся условиям как в проведении пропаганды, так и в дипломатической и другой деятельности, поддерживая любые антидемократические тенденции. Здесь могу сказать, что нет разницы между капиталистическими

монополиями американского, английского, западногерманского, французского и других империалистических держав, они могут ради своих интересов подходить в отдельных случаях с разных сторон, а политически — властвовать и грабить другие народы.

Война подорвала и без того слабую и отсталую экономику страны, особенно в северных и восточных районах. Положение усугублялось и длительной жестокой засухой, охватившей всю страну. Высыхали даже колодцы. В районе Саны вышли из строя более половины всех источников водоснабжения. Люди шли по воду за 30—35 километров, несли ее в кувшинах на головах или везли на осликах. Вдоль дороги Ходейда — Таизз мне самому приходилось видеть трупы умерших от голода и жажды.

Однако помощь йеменскому народу в те трагические дни оказывали в основном социалистические страны. Мы помогали как по государственной линии, так и через общество Красного Креста и Полумесяца. А США и другие капиталистические страны не торопились, они предложили свои услуги лишь тогда, когда убедились, что реакционные элементы заняли относительно прочные позиции в государственном аппарате и вооруженных силах республики. Иначе говоря, они ринулись помогать реакционерам укреплять свои позиции.

В июле 1969 года были восстановлены дипломатические отношения с ФРГ, прерванные в 1964 году после того, как Западная Германия признала Израиль. Федеративная Республика Германия немедленно учредила свое посольство, назначила посла и с целью упрочить свое положение пошла на заключение ряда соглашений об экономическом сотрудничестве, впрочем, выгодных ее монополиям.

Как известно, в 1967 году в связи с непрекращавшейся поддержкой США израильской агрессии против арабских стран, президент ас-Саляль изгнал персонал американской комиссии, в свое время помогавшей строить ряд объектов, в том числе автодорогу Моха — Таизз — Сана и водопроводы в Таиззе и Санае. Американское имущество было конфисковано. Тем не менее США решили восстановить дипломатические отношения с ЙАР, как объявили, «без всяких условий». Но что скрывается за этой формулой, наглядно продемонстрировали многие последующие события, которые яснее ясного по-

казали, какими средствами и методами Соединенные Штаты пытаются укрепить свое присутствие на Ближнем Востоке.

После примирения с монархистами в июле 1970 года заторопились признать республиканский строй в Северном Йемене и Англия, Франция и даже Саудовская Аравия. Англия, обменявшись послами, обещала оказать Йемену финансовую и иную помощь, а Саудовская Аравия наводнила страну своими эмиссарами, деятельность которых была направлена на сохранение феодальных и дофеодальных отношений под видом проповедей догм ислама. Это вызвало возмущение прогрессивных слоев, особенно молодежи. В Таиззе, например, молодежь выражала свой протест лозунгами: «Убирайся, Саудия!», «Империализм, вон из страны!»

Северный Йемен стал рынком сбыта продукции капиталистических монополий. Для того, чтобы завоевать симпатии населения, империалистические круги наводнили страну товарами по демпинговым ценам. Глобальная же цель этой политики состоит в том, чтобы всячески затормозить создание независимой национальной экономики, в том числе собственной промышленности, и тем самым надолго привязать страну к своей колеснице. Это одно из проявлений неокOLONиализма, хитрый, изощренный метод закабаления народов.

С той же целью предпринимаются усилия, направленные на подрыв советско-арабской дружбы, и всячески разжигается антикоммунизм, плетутся всевозможные интриги и заговоры, поддерживаются сепаратистские тенденции и развязываются братоубийственные войны. Империалистические круги и их пособники уже много лет подряд нагнетают напряженность в отношении между Северным и Южным Йеменом. Я уже коротко говорил об этом в главе «Счастливая Аравия», но в свете последних событий, особенно кэмп-дэвидского сепаративного сговора, вероятно, не лишне напомнить некоторые обстоятельства.

Дело в том, что на юге Йемена после изгнания в ноябре 1967 года британских колонизаторов более твердо, настойчиво и последовательно осуществляются глубокие социально-экономические преобразования. Страна избрала некапиталистический путь развития. Сегодня, когда ее возглавила Йеменская социалистическая партия, можно смело сказать, что происходит перера-

стание национально-демократической революции в революцию социалистическую, а власть приобретает характер народной демократии. Чем значительнее были и будут в дальнейшем успехи Народной Демократической Республики Йемен, тем весомее и убедительнее станут раскрываться преимущества социалистического пути для всего региона.

Вот этой силы примера и страшатся империалисты и местная реакция. Поэтому они всячески тормозят дело объединения йеменского народа, к чему стремятся национально-патриотические силы обоих государств. Вспоминаются беседы на эти темы с некоторыми руководителями Йеменской Арабской Республики. Они сами заводили разговор, радуя трезвостью и объективностью суждений. Так, аль-Айни неоднократно говорил, что единство народа, объединение двух государств — это историческая необходимость.

— Если бы все искренне желали единства, то мы с обеих сторон нашли бы пути для его достижения, — подчеркивал он и приводил пословицу: — В единстве — сила. Но нужна искренность, в противном случае рождаются обиды и усиливаются раздоры.

— Это логично, — отвечал я. — Главное не злоупотреблять доверием и не раздувать разногласия, а терпеливо искать конструктивные решения.

Но в том-то и трагедия, что правые силы и авантюристические оппортунистические группировки, подогреваемые империалистическими кругами и некоторыми гегемонистами, своими действиями срывают подготовку к процессу объединения двух стран. В то время китайские представители в ЙАР своей псевдо-революционной фразеологией и прямой поддержкой левозэкстремистских элементов нанесли громадный ущерб национально-демократическим силам и, можно прямо сказать, способствовали их поражению.

В феврале 1972 года в районе Джофа был убит шейх Гадар. Поначалу руководство ЙАР отнеслось к этому в целом спокойно, так как Гадар был одним из ярых монархистов, махровым реакционером и агентом империализма. Но левозэкстремисты как в Северном, так и в Южном Йемене объявили, что подобная участь ждет всех шейхов племен. В ответ на это правые элементы и ряд шейхов, как Абдаллах аль-Ахмар, Абу Лухум Синан и другие, которые занимали в ЙАР вид-

ные посты, при активном подстрекательстве западных разведок и саудовцев развернули бешеную кампанию против НДРЙ, призывая к «священному походу против неверных южан».

Обстановка сложилась критическая, причем не только для НДРЙ, но и для республиканского режима в самой ЙАР, для всего региона. Это особо подчеркивалось в обращениях Советского правительства к руководителям обеих стран. Призывая их не допускать вооруженного конфликта, мы прямо говорили, что в братоубийственной войне заинтересованы империалистические державы и местная реакция.

В то время, к нашему сожалению, отсутствовал ю состоянию здоровья аль-Арьяни, он лечился в Сирии. Но все же обращение Советского правительства было передано ему через нашего посла в Дамаске. Одновременно по линии ООН Советское правительство обратило внимание короля Саудовской Аравии Фейсала на недопустимость вмешательства во внутренние дела двух дружественных нам государств, ибо это может привести к возникновению нового очага напряженности на Ближнем Востоке, в чем не заинтересованы ни народ Саудовской Аравии, ни народ других арабских стран.

В те дни мне приходилось часто встречаться с видными государственными и военными деятелями республики, многими шейхами племен и в беседах с ними, отвечая на их недвусмысленные вопросы, я разъяснил им принципиальную позицию нашей страны в деле сохранения и упрочения мира и столь же недвусмысленно говорил, как опасно обострять отношения между братьями и как важно добиться мирного урегулирования возникшего конфликта, выгодного только врагам мира и прогресса, тем, кто стремится погреть на нем руки.

Авторитет и влияние Советского Союза сыграла положительную роль, и замыслы международной реакции создать новый очаг напряженности в этом и без того взрывоопасном регионе были сорваны. Но процесс нормализации отношений между двумя йеменскими государствами еще далек от завершения, так как империалистические круги совершают все новые и новые попытки обострять положение, не останавливаются пе-

ред самым бесцеремонным вмешательством в дела арабских стран.

Такой бесцеремонностью явилось и решение тогдашнего президента США Картера начать срочные поставки оружия Северному Йемену. Я уже писал об этом, тем не менее, чтобы глубже подчеркнуть цели и методы империализма, повторяю: американское оружие направляется в тот момент, когда новый конфликт удалось остановить и было достигнуто соглашение о прекращении огня, когда, наконец, на переговорах между руководителями Йеменской Арабской Республики и Народной Демократической Республики Йемен было принято решение о подготовке к процессу объединения двух стран.

Это еще и еще раз показывает, что правящие круги США и других капиталистических стран, нефтяные и прочие монополии сеют семена новых опасных конфликтов, стремятся обеспечить новые точки опоры для своих стратегических планов, в том числе и для того, чтобы сохранить свои бывшие колонии в рамках капиталистической системы — как объекты эксплуатации, хотя и в измененных формах.

Это означает и то, что впереди — острейшие схватки между борцами за подлинную свободу и теми, кто хотел бы опутать молодые национальные государства цепями нового рабства.

Что касается нас, советских людей, то прогрессивные преобразования в странах, освободившихся от колониального и полуклониального гнета, вызывают в наших сердцах чувства солидарности и искренней симпатии. Как подчеркнули руководители ЦК КПСС и Советского правительства, поддержка борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс — это принцип нашей внешней политики, закрепленный в Конституции СССР».

На Ближнем Востоке, как и в других районах мира, — мы не ищем корыстных выгод, не претендуем на природные богатства других стран. Советский Союз за прочный мир и твердо стоит на стороне законных прав арабских народов, их борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, против империалистического диктата, капитулянтских сделок и торговли жизненными интересами арабов.

Этими принципами пронизана вся повседневная деятельность советских людей в арабских странах и за рубежом.

МЫ — СОВЕТСКИЕ

Немало уже рассказывал я о советско-йеменских отношениях, о нашей помощи этой многострадальной стране. Но память подсказывает все новые и новые факты, которые, думается, будут небезынтересны читателю. Среди них такой: наша экономическая помощь в виде кредитов и безвозмездных субсидий равнялась почти 100 миллионам рублей, что составляло в 1972 году более 37 процентов от общей суммы кредитов, займов и субсидий, представленных ИАР другими странами.

Советский Союз принимал активное участие в строительстве 14-ти крупнейших и жизненно важных для экономического развития республики объектов, в том числе — в сооружении современного морского порта в Ходейде. Технически оснащенный и в этом отношении один из лучших на Красном море, порт обеспечивает свыше 80 процентов всего грузооборота страны и перевозки свыше 95 процентов нефти и нефтепродуктов. Он имеет два больших причала, у которых швартуются крупнотоннажные суда, проводимые с внешнего рейда по специально прорытому глубоководному каналу. Благодаря этому Ходейдский порт стал доходным предприятием, приносящим государству значительные прибыли в местной и иностранной валюте. Обслуживают все операции квалифицированные работники, подготовленные как в Советском Союзе, так и с помощью наших специалистов на месте.

Одновременно с морским портом в Ходейде был сооружен рыбопромышленный комплекс, в который входили не только завод по переработке даров моря, но и холодильник и электростанция и некоторые другие предприятия.

Комплексное решение задач являлось характерной особенностью всех экономических и технических проектов, которые мы осуществляли. Так, в ходе строительства автомобильной дороги Ходейда — Таизз были введены в действие кислородный завод, ремонтно-механи-

ческий, асфальтобитумный... Крупным вкладом в создание и увеличение промышленного потенциала ИАР стал цементный завод, построенный в Баджиле при нашей технической помощи. Раньше цемент ввозился из других стран, на его приобретение и транспортировку затрачивались огромные суммы, валютные средства, а теперь Баджилский завод почти полностью обеспечивает потребности республики в этом наиболее важном виде строительных материалов.

Существенный вклад внесли наши специалисты и в развитие сельского хозяйства. Мы помогали осваивать целинные земли Вади-Сурдуда. Орошение осуществлялось подземными водами, в связи с чем было пробурено несколько крупных артезианских скважин, явившихся головными сооружениями разветвленной ирригационной системы. Бывая на буровых, я часто вспоминал просторы Вахшской долины и Голодной степи, Дальверзина и других родных мест, возрожденных и преобразованных благодаря искусственному орошению. Теперь, — с гордостью думал я, — мы передаем свой опыт другим, несем воду, а значит и новую жизнь в доселе бесплодные пустыни Аравии, всем сердцем желая, чтобы и этот край земли стал краем изобилия и истинного счастья.

По договоренности с йеменцами земли Вади-Сурдуда осваивались под хлопчатник. Многие наши идеологические противники, да и не только идеологические — даже крупные буржуазные специалисты, объявили этот план пропагандистским, научно-несостоятельным, называли его химерой и доказывали, что культивировать хлопчатник в условиях Вади-Сурдуда невозможно. Одному западному дипломату, который как-то на приеме, устроенном правительством ИАР, завел разговор со мной на эту тему, я ответил, перефразировав таджикскую поговорку:

— Не справляют панихиды прежде смерти. Когда на моей родине, в Таджикистане, приступили к освоению под хлопчатник Вахшской долины, некоторые ваши соотечественники тоже доказывали нам, что это безумие, прожектерство, химера...

— Я имею в виду практическую сторону дела, — сказал дипломат.

— Я тоже.

— Время покажет, — усмехнулся он.

— Надеюсь, — улыбнулся я.

Признаться, в тот момент на душе было тяжело. так как аргументы моего собеседника и всех, кто пытался доказать бесполезность наших усилий по внедрению и развитию хлопководства могли показаться более вескими: первые результаты оказались тревожными, урожайность составила 90—95 килограммов с гектара, т. е. не перекрывала даже затрат на семена. Посевы были заражены сельхозвредителями, нам неизвестными, особенно т. е. белым муравьем, карадрином и другим.

Есть поговорка: «Что природа дала, то и мылом не вымоешь». Но мы, советские люди, знаем и другую: «Терпение и труд все перетрут». Мы руководствуемся формулой: не ждать милостей от природы — воздействовать на нее. Именно об этом говорилось на совещаниях в посольстве, посвященных проблемам Вади-Сурдуда.

Посольство взяло решение этих проблем под свой непосредственный контроль. Уже на второй год многие из них были сняты с повестки дня. Средняя урожайность хлопка-сырца перевалила за 20 центнеров с гектара, а в последующем выросла до 28-ти. С некоторых участков получили и по 32—36 центнеров, теперь получают по 38—40. Таким образом, советские специалисты развеяли мифы о непригодности йеменской земли для производства такого ценнейшего, играющего огромную роль в мировой экономике сырья, как хлопок, давно названный «белым золотом».

Параллельно в госхозе, организованном в Вади-Сурдуде, стали выращивать дурру — тоже трудоемкую, но достаточно выгодную культуру, окупающую все затраты, как говорится, за один урожай, — а также овощи, бахчевые, папая, бананы и другие плоды. Все достигнутые хозяйством успехи вызвали нервозность реакционных элементов из числа феодалов и шейхов, которым было невыгодно развитие государственного сектора. Их подогревали представители империалистических кругов, усиленно насаждавшие так называемую свободу частного предпринимательства. Не без оснований видя в госхозе серьезную угрозу своим корыстным интересам и страшась будущего, реакция и ее ставленники в правительственных кругах всячески мешали деятельности хозяйства, в связи с чем нашим специалистам

приходилось сталкиваться не только с техническими, но зачастую и с политическими проблемами.

— Трудно приходится? — спросил я как-то одного из них, мастера-бурильщика.

— Как и во всяком деле, — просто ответил он.

— Ну, а всякие провокации, слухи, угрозы — они не мешают?

— Выдюжим, — засмеялся мастер. — Мы же советские, товарищ посол, нам не привыкать. Главное, задача ясна: помогать трудовому народу вырваться из нужды да темноты, а дальше он сам разберется, не так ли?

Я крепко, от души пожал руку мастеру.

Не было по существу такой области жизни, в которой йеменцы не опирались бы на нашу помощь и техническое содействие. Я уже упоминал, что в стране остро стояла проблема с водой, особенно питьевой, и длительная жестокая засуха усугубила эту проблему, приводила к трагедиям, грозила разразиться катастрофой. В те тяжкие знойные дни наше посольство посетил председатель Консультативного совета ЙАР шейх Абдаллах аль-Ахмар. Он просил проинформировать Советское правительство о сложившемся положении и, получив соответствующие заверения, после небольшой паузы спросил, не можем ли мы принять какие-нибудь срочные меры, чтобы в течение ближайших дней помочь хотя бы жителям столицы.

— Можем, — ответил я. — Постараемся к концу дня.

— К концу недели? — сказал аль-Ахмар, думая, что я оговорился.

— Нет, к концу сегодняшнего дня, — повторил я.

Кажется, он не очень-то поверил в то, что мы справимся столь быстро со своим проектом вывести на улицу две водопроводные линии из колодцев на территории посольства. Но решение об этом мы приняли еще до его визита, наши товарищи уже заготовили все необходимое, все посольские работники тут же взялись за дело — трудились вдохновенно, как на коммунистическом субботнике. К концу дня на улице были поставлены две колонки: одна напротив посольства, другая близ резиденции президента республики аль-Арьяни. Когда поздним вечером из них пошла вода, улица оказалась запруженной толпами людей, радость и благодарность которых не знала предела. В тот же вечерний час и наутро радио Саны несколько раз передало

информацию об этом, характеризуя его как гуманный шаг советского посольства, облегчивший положение населения.

Очень острую нужду в воде испытывали горбд Ходейда и прилегающие к нему районы. Достаточно, очевидно, сказать, что корабли, швартовавшиеся в Ходейде, прежде заправлялись водой в суданских и других портах. Но после того, как за дело взялись советские специалисты, проблема стала решаться ускоренными темпами. При техническом содействии Советского Союза были пробурены артезианские скважины, построены водозаборные сооружения и проложены водопроводные магистрали не только в порт Ходейда, но и в Баджилль, где сдавался в эксплуатацию цементный завод.

На протяжении многих лет Советский Союз оказывал помощь и в подготовке кадров, особенно военных; составивших затем ядро республиканской армии. В первый период революции некоторые западные журналисты делили страну на три зоны влияния: Санский округ называли прокитайским, Таиззский — проамериканским, Ходейдский — прорусским. В их «классификации» не находилось место самим йеменцам. Они исходили из того, что подавляющее большинство специалистов были иностранцами, причем, в основном из капиталистических стран. Лечебно-профилактические учреждения, например, целиком находились в их руках. Многие из них, пытаясь по наущению своих правителей подорвать республиканский режим, занимались саботажем и вредительством или покидали страну. Но и подобные маневры реакции не увенчались успехом, ибо на помощь пришли советские люди — по приглашению правительства республики приехали инженеры и техники, строители, геологи, врачи, педагоги и другие специалисты. В скором времени наша страна подготовила столько местных кадров, что они смогли занять почти все ключевые посты во всех областях экономики и культуры.

Так, сперва в Ходейде, затем в Таиззе и Сане йеменские врачи и средний медицинский персонал, обучавшиеся в наших учебных заведениях, постепенно вытесняли всех иностранцев. Советские врачи работали только в качестве консультантов — по просьбе своих учеников.

Много было подготовлено и инженеров-строителей и

ригаторов, геологов и топографов, агрономов и ветеринарных врачей, педагогов... Все они неплохо говорят по-русски, большинство считают русский язык родным, и некоторая часть даже женаты на русских или на гражданках из социалистических стран, тоже учившихся у нас. Помню, как беседовал с группой врачей, в том числе с главным врачом ходейдской больницы, Абдуджамилем Мекки, у которого жена немка, выпускница Ленинградского медицинского института. Мекки не знает немецкого языка.

— Как же вы объяснялись в любви? — шутливо спросил я.

Он и его жена засмеялись, в один голос воскликнули:

— Конечно, по-русски!...

Наше посольство уделяло большое внимание работе с выпускниками советских вузов и средних специальных учебных заведений, мы часто встречались с ними. Встречи с советским послом проводили по округам: в Сане, в Ходейде, Таиззе, — и они неизменно превращались в демонстрацию советско-йеменской дружбы. Иногда в них участвовали и руководители страны, как гости посла. Выпускники говорили не только о своих чувствах и достижениях, но и о том, что им мешает в работе, и ставили перед своими руководителями вопросы, от решения которых, как они подчеркивали, зависят дальнейшие успехи.

На одной из встреч в Сане присутствовало около 200 выпускников советских учебных заведений, и среди них 92 офицера вооруженных сил ЙАР, 32 врача, 22 инженера. В тот вечер нашими гостями были премьер-министр Мухаммад Нуман, его заместитель Абдель Салем Сабра, заместитель главнокомандующего Мухаммад Арьяни и начальник генерального штаба Мисвари. Я выступил с информацией об итогах XXIV съезда КПСС, и сразу же после этого слово взял премьер-министр ЙАР Нуман и сказал, что он счастлив присутствовать на такой встрече. Отметив большую бескорыстную помощь СССР Йемену, он широко развел руки, словно стараясь обхватить всех присутствующих, и воскликнул:

— Вот живое воплощение этой помощи! — а потом добавил, что к сожалению, прежде недостаточно был

осведомлен о ее размерах и условиях, но вот теперь, увидев своими глазами, воздает должное Советскому Союзу.

Следует учесть, что Нуман являлся одним из лидеров консервативного крыла республиканцев, был прозападной ориентации и не очень дружелюбно относился к нашей стране. Но логика жизни, развитие событий произвели эволюцию в его взглядах, он совершенно изменился и отказался от многих своих предубеждений.

В своих выступлениях на встрече выпускники советских учебных заведений с искренней теплотой и взволнованно говорили о нашей стране и наших людях. Выпускник Киевского государственного университета Абдель Кадер Санабани сказал, что все восемь лет учебы он не чувствовал одиночества и оторванности от родной земли, ему казалось — живет и трудится в большой дружной семье, окруженный постоянной заботой братьев. «Советский Союз,— темпераментно воскликнул он,— я считаю своей второй родиной!»

Командующий Ходейским военным округом Умеш подчеркнул, что выпускники военных училищ получили отличную подготовку, причем не только специальную, а и общеобразовательную и общеполитическую. Они умеют мыслить широко, как стратегически, так и тактически, умеют реально и объективно оценивать ход событий и в своей стране и во всем мире. Умеш сказал:

— Почти в каждом подразделении есть йеменцы, обучавшиеся в СССР, и они много рассказывают о советской действительности, благодаря чему в армии и народе постоянно растет число друзей СССР. Если сегодня йеменский народ может с гордостью говорить, что он имеет свою армию, способную отстаивать идеалы революции и республики, то это во многом благодаря бескорыстной помощи и самоотверженной работе советских людей.

Столь же высоко оценивали роль нашей страны и наших специалистов и командующий военно-морскими силами Карим, топограф Анеш Хебе, директор департамента здравоохранения Ходейды Мухаммад Муфтах, агроном из Вади-Сурдуда Исмаил Хадад и другие ораторы. Хадад, например, очень темпераментно рассказал о том, как с помощью советских друзей стали возделывать хлопчатник. «Мы всем доказали, что в пустынях

Аравии можно добывать белое золото!» — воскликнул он.

— А мы, — говорил Мухаммад Муфтах, — с помощью советских специалистов ведем священную войну с болезнями, которые на протяжении многих веков были бичом гордого и славного народа.

Советский Союз построил на свои средства и передал в дар йеменскому народу крупный, оснащенный самым современным медицинским оборудованием госпиталь с поликлиникой, а также три здания средней политехнической школы — в Сане, Ходейде и Таиззе. Если сказать коротко, — мы делом, повседневной работой, любым своим поступком доказывали, что нет для ас цели большей, чем бескорыстная дружба и равноправное сотрудничество во имя справедливости, прогресса и мира. Поэтому и завоевали симпатии самых различных слоев населения и в самых разных странах.

Приведу высказывание американского публициста Альберта Кюи, характеризующее советских людей. Он писал:

«Советское общество создало новый тип человека — вот что поражает меня больше всего... Советские люди добрые, но и сильные, они уверенные, скромные. Им присущ глубокий патриотизм и в то же время они проникнуты духом братского отношения к людям. Они считают труд благородным делом».

Когда я прочитал эти строки в «Правде» (29 августа 1977 года), я не мог не вспомнить и то, как наши советские люди работали в ЙАР. Среди них были представители почти 35 национальностей, в том числе русские, украинцы, белорусы, узбеки, казахи, азербайджанцы, грузины. Это был дружный, тесно сплоченный, единый боевой коллектив, каждый член которого на своем посту активно способствовал благородному делу укрепления и расширения советско-йеменских связей и в конечном счете неуклонно поднимал авторитет нашей Родины.

Йеменцы видели, что советские люди — это настоящие друзья, не только прекрасные специалисты, но и просто хорошие люди, чуткие и отзывчивые, верные в товариществе, скромные и веселые, умеющие по настоящему работать и отдыхать, увлекать личным примером, заражать, несмотря на трудности, оптимизмом. Видели йеменцы и то, что мы сильны постоянно забо-

той родной партии и правительства, которые много делали для создания благоприятных условий для работы и жизни, не оставляли в опасностях, выделяя на все эти цели необходимые средства и ресурсы. За каждым из нас стояла великая и могучая Родина-мать, каждый из нас чувствовал ее любовь и ласку и поэтому уверенно, с полным правом ощущал себя ее кровным сыном и ее полномочным представителем.

Я уже рассказывал, как осуществляли перевод посольства из Таизза в Сану. Советское правительство, учитывая просьбу руководителей дружественной страны и исходя из политического значения этого акта, выделило необходимые — и, кстати, немалые — финансовые и материально-технические ресурсы, в том числе транспортные средства. Они позволили нам в краткие сроки приобрести и осуществить реконструкцию рабочего здания, построить новое здание посольства и жилой дом с клубом, специальными помещениями для школы и других культурно-бытовых нужд, со спортивными, детскими площадками и бассейном во дворе, огражденном вместо прежнего глинобитного дувала кирпичной стеной. Территория посольства была превращена в зеленый тенистый сад, в котором журчали арыки.

Но советские люди и там, за рубежом, не забывали, что деньги наши народные, и проявляли себя рачительными хозяевами, боролись за усиление режима экономии. Много было сделано на общественных началах, в дни субботников. Когда в конце мая — начале июня 1969 года посольство стало переезжать в Сану, мы не имели еще здания для резиденции посла, пригодного для приемов и других представительских нужд. Подыскали один дом, который могли бы снять в аренду, хозяин запросил 350 английских фунтов стерлингов в месяц. При этом он подчеркнул, что плата умеренная — только для советского посла. Он, конечно, лукавил, ибо 350 фунтов стерлингов — деньги большие: ведь среднегодовой доход на душу населения в ЙАР, как уже отмечал, составлял лишь 200 долларов, то есть даже меньше (если перевести фунты на доллары), чем мы должны платить ежемесячно.

Одним словом, я посчитал, что не имею морального права пойти на такой расход, и так и сказал товарищам. В те дни у меня в Ходейде состоялась встреча с активом наших специалистов-строителей. Они спросили:

— Мирзо Рахматович, это точно, что посольство переводится в Сану? — Я подтвердил и поделился рядом соображений, направленных на то, чтобы осуществить перевод с минимальными затратами. Товарищи тут же заверили, что помогут транспортом и людьми.

— За это спасибо,— сказал я и полушутливо добавил: — А вот послу пока негде жить и проводить представительские мероприятия.

— Как так?

Я объяснил ситуацию. После небольшой паузы один за другим выступили двое молодых специалистов-архитекторов. Они предложили свои услуги, сказали, что если согласны, то уже к вечеру принесут проект и даже некоторые чертежи.

— Вы говорили, что собираетесь в отпуск,— прибавил, поддержав идею ребят, руководитель строительства дороги Ходейда — Таизз Петров-Семячев.— Не волнуйтесь, спокойно отдыхайте, к вашему возвращению из Союза резиденция будет.

Эти выступления поддержали все присутствующие. В тот же вечер Петров-Семичев и архитекторы вместе с руководителем строительства цементного завода А. С. Чередниченко и сотрудником аппарата экономического советника С. П. Масловым показали мне два проекта. Остановились на более скромном варианте, и уже через три дня были готовы все чертежи, на четвертый приступили к строительству, заложив до моего отъезда на родину фундамент. Когда возвратился из отпуска встречавшие товарищи привезли меня с аэродрома в действительно готовую резиденцию — двухэтажный дом со всеми удобствами, с двумя залами для представительских мероприятий и специальным кинозалом. Особо должен подчеркнуть, что это здание, украсившее территорию посольства, было построено в основном силами советских специалистов вне рабочего времени, в том числе за счет выходных дней. Как мне сказали, трудились все — инженеры и строители, военные специалисты, их командиры, сотрудники посольства.

С таким же энтузиазмом работали все наши товарищи над благоустройством территории посольства. Ее планировкой, посадкой деревьев, прокладкой арыков занимались даже члены семей. Каждый советский человек считал это дело своим личным, родным. Сажены были привезены из разных стран, некоторые виды —

из нашей. Разбили также несколько больших цветочных клумб. Субботники, которые мы устраивали, вызывали удивление не только йеменцев, но и представителей других стран, особенно западных, где имеют самые смутные представления о радостях коллективного и тем более безвозмездного труда.

На всю жизнь каждому из нас запомнился субботник в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина. Он состоялся 18 апреля 1970 года. Коллектив начал собираться в посольстве к шести часам утра. Когда шли с лопатами и другими инструментами военные специалисты, врачи и педагоги, удивленные йеменцы спрашивали: «Куда? — и, услышав ответ, многие тут же присоединялись к своим наставникам и друзьям, работали вместе с нами весь день.

В субботнике принял участие даже первый заместитель премьер-министра ЙАР Абдель Салем Сабра. Он жил, как я уже говорил, по соседству, и заслышав музыку, пришел вместе с сыном, взял лопату и работал рядом со мной до конца. Можно сказать, субботник превратился в настоящую демонстрацию интернациональной дружбы и, думаю, вполне закономерно, что он завершился открытием памятника нашему великому вождю и учителю В. И. Ленину.

Мы установили мраморный бюст Владимира Ильича на краснокаменном постаменте прямо напротив ворот, и как только люди входят на территорию посольства, тут же видят его. У памятника всегда пламенеют цветы.

Йеменцы восторгались тем, как мы умели работать и дружить, не скрывали своей зависти. На одном из приемов в посольстве премьер-министр аль-Айни, обойдя наш сад, сказал, что территория стала одним из самых прекрасных цветущих микрорайонов столицы, и воскликнул:

— Вот что могут сделать руки человека! Вы действительно преобразователи!.. — Потом, после небольшой паузы, он задумчиво произнес: — Остается только позавидовать духу коллективизма, которым пронизана ваша жизнь и ваши дела.

Не скрою, в тот момент я испытал великое чувство гордости за себя и своих товарищей. Я подумал: «Таковыми нас воспитала наша родная партия. Мы живем

по принципу: «Человек человеку товарищ, друг, все за одного, один за всех».

Должен сказать, что партийная организация и руководство посольства уделяло большое внимание вопросам повышения идейно-теоретического и профессионального уровня сотрудников. В сети партийно-политического просвещения глубоко изучались труды классиков марксизма-ленинизма, выступления руководителей партии и правительства, решения партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС. Идейная закалка кадров проверялась, как говорится, на деле — в постоянном общении с гражданами страны пребывания, в коллективных и индивидуальных встречах с ними, которые способствовали постоянному росту авторитета нашей страны.

Можно гордиться тем, что многие молодые дипломаты, которых я знаю как по работе в ЙАР, так и по последующей работе в Мавритании, о которой расскажу в следующей главе, выдвинулись как опытные идейно-закаленные профессионалы. Р. Ш. Турдиев, например, начинал в Йемене переводчиком, а стал советником; советниками стали и В. Г. Иващенко, В. К. Посувалюк, прежде они исполняли обязанности атташе. Из культурного центра пришел Авди Кулиев, быстро освоил работу, стал атташе, третьим секретарем, а затем, после окончания Дипломатической академии, — первым секретарем. Из молодых товарищей, работавших в Мавритании, назову референта В. Федоровского, ставшего затем вторым секретарем, а также У. Юлдашева, который приехал из Таджикистана, по существу не имея опыта дипломатической работы, и вырос до второго секретаря, а затем учился в Дипломатической академии, работал советником, в настоящее время заведующий отделом ЦК Компартии Таджикистана.

Большую помощь в работе оказывали тесные взаимосвязи с советскими послами в соседних с ЙАР странами, особенно с послами в Египте Сергеем Александровичем Виноградовым и Владимиром Михайловичем Виноградовым, Сергея Александровича я знал со времен его работы послом СССР во Франции. Это профессиональный дипломат с большим опытом, замечательный коммунист, прекрасный человек. Под стать ему и его однофамилец — Владимир Михайлович Виноградов, с которым я подружился еще в конце 50-х

годов, в бытность его заместителем министра иностранных дел СССР. Он приезжал в Йемен, знакомился с нашей работой, с коллективом. Оба они достаточно хорошо были осведомлены о положении дел не только в ИАР, но и со всеми международными хитросплетениями. Они глубоко разбирались в событиях и явлениях и анализировали то, что за ними стоит. В ходе практической работы между нами сложились хорошие товарищеские отношения, мы часто встречались, обменивались информацией. Не раз от них слышал по своему адресу приятные, лестные слова.

Хорошие контакты были у нас и с послом СССР в Народной Демократической Республике Йемен В. И. Старцевым. Кстати сказать, впоследствии Владимир Иванович сменил меня на посту посла в Мавритании.

Более шести лет проработал я в Йеменской Арабской Республике и вспоминаю эти годы как одни из лучших в моей жизни. Они были трудными, может быть, лично для меня самыми тяжелыми, но говорил и повторяю: все огромные трудности облегчались тем, что работал в замечательном коллективе советских людей, глубоко сознававших свою великую интернациональную миссию.

На прием, который был устроен 18 мая 1972 года по случаю отъезда посла из ИАР на родину, пришли, как говорится, все, кто мог, а не только приглашенные государственные и общественные деятели во главе с премьер-министром Мухсином аль-Айни. Огромная территория была буквально заполнена людьми, многие стояли — не хватало мест. Мы показали документальный кинофильм, посвященный визиту аль-Арьяни и аль-Айни в нашу страну, затем я по поручению Президиума Верховного Совета СССР вручил аль-Айни памятную медаль, выпущенную в связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина.

А потом произошло то, что, честно говоря, я не ожидал и что растрогало меня до глубины души. Поблагодарив за внимание, оказанное ему Советским правительством, Мухсин аль-Айни сказал, что он имеет приятное поручение президента республики и зачитал следующий указ:

«Председатель Республиканского Совета Его Величество Абдаррахман аль-Арьяни наградил господина Мирзо Рахматова орденом Мариба первой степени.

оценивая его заслуги в развитии и укреплении существующих прочных дружественных отношений между народами и правительствами Йеменской Арабской Республики и Союза Советских Социалистических Республик.

С настоящей даты господин Мирзо Рахматов имеет право носить этот высокий орден».

Аль-Айни тут же вручил мне награду, сказав, что я второй иностранец, получающий этот высший орден Йемена.

На следующий день, когда состоялся прощальный вечер с советским коллективом, мы вновь увиделись с ним. Пришли и Абдусалом Сабр с семьей, и некоторые другие йеменские деятели. Вечер вновь превратился в демонстрацию советско-йеменской дружбы.

Поднимаясь по трапу в самолет, я на минуту остановился, взглянул на провожающих — наших советских людей и йеменцев, стоявших плечом к плечу, — и подумал: «Уезжаю со светлыми чувствами, веря в то, что труды не пропали даром, что дружественные отношения, которые мы, советские, установили с гражданами ИАР, будут крепнуть и развиваться».

Я не тешил себя иллюзиями, знал, что республике предстоит еще долгий и трудный путь — у нее много внешних и внутренних врагов, много нерешенных проблем. Но столь же твердо я знал, что йеменский народ, как и другие народы Азии и Африки, в конце концов добьется прогресса и увидят настоящее свое счастье.

А еще я думал о том, что потому мы и имеем в мире много друзей, что опираемся на великую правду исторического развития и боремся за самые высокие идеалы, противопоставляя коварной изощренной деятельности империалистов непоколебимую сплоченность, идейное единство своих рядов, глубокую убежденность и подлинный интернационализм — все то, что воспитала в нас партия Ленина.

ПРАВДА СОЛНЦУ ПОДОБНА

Мой отъезд из Йемена был вызван переводом в другую арабскую страну, расположенную на северо-западе Африки, — в Исламскую республику Мавритания. Ког-

да в начале 1972 года ответственные работники Международного отдела ЦК КПСС и руководители Министерства иностранных дел СССР запросили, как я отношусь к подобной перспективе, я ответил, что являюсь членом партии, ее солдатом и готов выполнить любое задание. Меня предупредили о всех без исключения трудностях, с которыми придется столкнуться, в том числе о тяжелых климатических условиях, но я расценивал это еще одним проявлением чуткости и заботы о кадрах. Когда осознаешь, что тебе оказывается высокое доверие, на условия не смотришь, тобою владеет только одна мысль: быть достойным этого доверия, оправдать его!...

Вернувшись на родину и побывав в отпуске, я стал готовиться к работе на новом месте. При этом много времени уделял чтению материалов о Мавритании, в которых освещалась ее история, экономика, культура и анализировались ее внутренние и внешние проблемы. Одну из первых так сказать, справок я получил еще в Сане, на прощальной аудиенции у аль-Арьяни. Он заинтересовался, куда меня переводят, и, услышав ответ, сказал, что большая часть мавританцев — потомки выходцев из Йемена, и тепло отозвался о некоторых государственных деятелях Мавритании, с которыми был знаком лично.

По своим размерам Мавритания — крупнейшая африканская страна на побережье Атлантики. Ее территория занимает свыше одного миллиона квадратных километров, что в 3—5 раз больше территории Ганы, Гвинеи, Берега Слоновой кости и Сенегала. Береговая линия протянулась вдоль Атлантического океана более чем на 700 километров.

Но это и чуть ли не самая малонаселенная страна в мире, ибо большую часть ее площади занимает безводная песчаная пустыня. Население около 1,5 миллиона человек, то есть на один квадратный километр приходится в среднем немногим больше одного человека.

Пустыня коварна и опасна, ориентироваться в ней можно разве только по солнцу и поэтому легко заблудиться. В информационном бюллетене, издававшемся в свое время в Наушоте, нередко публиковались сообщения о связанных с этим несчастьях и призывы соблюдать осторожность. Помню, как в начале сентября

1974 года погибла большая группа туристов из ФРГ и Италии, ставшая жертвами собственного легкомыслия. Положившись только на нанятого проводника, эти туристы двинулись в глубь пустыни на автомобилях и сбились с пути, кружились, пока не кончился бензин. Никто не знал о их поездке, поэтому не мог поспешить на выручку. Они бросили машины, пошли пешком и умирали от жажды и голода. В живых остался лишь проводник — мавританец, с трудом, из последних сил, буквально ползком добравшийся до какой-то деревушки, и, если мне не изменяет память, вскоре тоже скончавшийся. Найденные в результате организованных поисков останки туристов были обглоданы хищниками, лишь некоторых определили по кое-каким уцелевшим деталям одежды и предметам туалета или быта. Среди погибших, сказали нам, — две девушки, совсем юные.

Огромные пространства изучены еще крайне слабо, но уже и то, что исследовано, дает все основания говорить о несметных природных ресурсах, которых можно поставить на службу народу, прозябающему пока в нищете. По официальным данным, в 1962 году, то есть на первом начальном этапе независимого существования (Мавритания почти 100 лет была колонией Франции), доход на душу населения составлял 101—102 доллара, а в сельской местности колебался от 16-ти до 25 долларов. Зато колоссальные прибыли извлекали международные монополии, особенно специализирующиеся на добыче полезных ископаемых.

Недра Мавритании богаты железно-медными рудами, фосфоритами, гипсом, каменной солью, рядом редких металлов и строительных материалов. Разведанные запасы только железной руды составляют почти два миллиарда тонн, причем высокого качества, с выходом чистого железного концентрата в размерах, превышающих 60 процентов. Специалисты единодушны во мнении, что подобный выход — редкое явление. Добыча руды составляла в 1972—1974 годах 10—12 миллионов тонн. Почти вся она шла на мировой капиталистический рынок. Ее добычу осуществляла крупная международная компания «Миферма», держателями акций которой были монополисты Франции, Англии, США и Голландии. Мавритании, добившейся независимости, выделили всего лишь пять процентов акций.

Аналогичное положение было и с добычей медной

руды, которую осуществляла тоже международная компания «Сомима». Поэтому национализация рудников явилась, безусловно, весьма важным и крупным шагом на пути укрепления суверенитета и независимости страны. Об этом свидетельствует и тот факт, что доля добывающей промышленности в стоимостном выражении национального продукта в 1972 году превысила 84 процента.

Вместе с тем, если учесть, что в 1968 году она составляла 35 процентов, то нельзя не сказать о крайне одностороннем развитии экономики. Добывающая отрасль промышленности выросла явно в ущерб другим отраслям народного хозяйства, и это, конечно же, результат маневров неокolonизаторов, которые всячески тормозят процесс достижения и укрепления экономической независимости в некогда подвластных им странах с тем, чтобы как можно дольше удерживать их в зависимости от бывших метрополий. Суть этой политики современных колонизаторов в свое время очень точно сформулировал французский журнал «Политик этранжер», выразив ее в трех словах: «Уйти, чтобы остаться!».

В результате ее, надо сказать, энергичного и хитроумного проведения в жизнь многие слаборазвитые страны, в том числе и Мавритания, все еще остаются серьезными придатками крупнейших капиталистических держав: они по-прежнему экспортируют сырье и импортируют готовые промышленные изделия. Мавритания до сих пор не имеет ни одного металлургического и тем более металлообрабатывающего предприятия, и вся добываемая железно-медная руда поставляется на мировой рынок, главным образом — повторяю — на капиталистический, а завозятся, не говоря уже о машинах и оборудовании, даже швейные иголки. Неокolonизализм упорно защищает свое господство над рынками подобных стран, где сбываются западные товары, завозимые в большом количестве даже в самые отдаленные деревни. Это я видел в Йемене, увидел и в Мавритании.

В этой связи небезынтересно отметить, что даже сами буржуазные экономисты вынуждены признавать некоторые факты, свидетельствующие скорее о грабеже слаборазвитых стран, нежели о равноправной торговле и равноправном сотрудничестве с ними. Достаточно, очевидно, сказать, что слаборазвитые страны все еще

больше покупают, чем продают, и что цены на товары их экспорта растут значительно медленнее, чем на товары импорта. Так, по подсчетам опять-таки буржуазных специалистов, к началу 60-годов цены на готовые промышленные изделия, ввозимые Западной Европой в страны Африки, выросли по сравнению с 50-ми годами на 42 процента, а цены на африканские сельскохозяйственные продукты увеличились только на 11 процентов. Тут и непосвященному ясно, что такая торговля есть ни что иное, как выколачивание капитала, отнюдь не способствующее прогрессу отсталых стран. Кстати сказать, вывоз капиталов из этих стран в форме дивидендов, то есть прибыли, в 1964 году достиг суммы почти в пять миллиардов, а вложения — частные прямые и портфельные инвестиции — составили немногим более 1,5 миллиарда долларов. Следовательно, каждый доллар принес свыше трех долларов прибыли.

По образному слову товарища Али Ята, генерального секретаря Партии прогресса и социализма, действующей в соседней с Мавританией арабской стране — Марокко, «неоколониализм является той формой, с помощью которой империализм надеется увековечить свой строй в своем сузившемся мире»¹. Однако, как бы не камуфлировались его истинные цели, правда пробивается, как солнце сквозь тучи.

Мавритания еще в 1963 году приступила к созданию национального государственного сектора экономики. Наблюдается стремление поставить народное хозяйство страны на плановую основу развития. Первый четырехлетний план экономического и социального развития был разработан в том же 1963 году, второй и третий последовали с 1970 года. Однако, если в промышленности основные наметки претворялись в жизнь, то в сельском хозяйстве по существу срывались, что объясняется не столько засухой, терзавшей страну пять лет подряд, сколько господством феодальных отношений и частной собственностью на средства и орудия производства.

Как известно, отступая под ударами национально-освободительного движения, французский империализм,

¹ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий». Москва, 1969 г. Издательство «Мир и социализм», Прага, 1969 г. С. 682—683.

таточно, однако они полностью зависят от погодных условий: будут дожди — будут корма. Была намечена широкая программа обводнения пастбищ за счет использования подземных вод, но претворение ее в жизнь сталкивалось с трудностями, вызванными частнособственническими отношениями. Помещики и крупные скотовладельцы саботировали и мероприятия по упорядочению учета и отчета, воспринимали их как попытку подорвать основы своего господства.

Раз речь зашла о феодалах, то сразу скажу, что они имеют тесную связь с духовенством, нередко сами являются шейхами и прочими духовными сановниками и нещадно эксплуатируют крестьянские массы, которые составляют подавляющее большинство населения и до сих пор живут в условиях чудовищной нищеты и бесправия. Государству трудно преодолеть архаичную социальную структуру общества, ибо феодалы цепко держатся за свои привилегии. В описываемый период немало их представителей занимали важные посты в государственном аппарате и в правящей партии Мавританского народа и оказывали давление на правительство, добивались нужных им решений. Мне приходилось встречаться с одним таким деятелем, живущим в районе северо-западного побережья. Он, как говорится, «делает погоду» не только на месте, но и в столице — через своих людей, действующих на манер вашингтонских лобби в конгрессе США. Следует отметить, что эти силы внутренней реакции пользуются широкой поддержкой империалистических кругов, в том числе США; их используют ЦРУ и его филиалы.

После завоевания независимости и в результате осуществления мер, направленных на создание и развитие национальной экономики, стала все активнее выходить на арену общественно-политической жизни и местная, компрадорская буржуазия. Пока ее представители, особенно из мелких слоев, выступают носителями прогрессивных идей и тенденций. Однако, как показывает опыт, лишь незначительная часть становится на позиции трудящихся масс, большинство же руководствуется в проведении и внутренней и внешней политики четким классовым подходом, хотя нередко и маскирует это лозунгами, в которых склоняются на все лады слова «народ», «демократия» и даже «социализм». Подобное все отчетливее проявлялось и в Мавритании.

о чем, вероятно, говорит и тот факт, что силы, руководствующиеся действительно народными интересами и выступающие с подлинно прогрессивных позиций, были загнаны в глубокое подполье и до сих пор вынуждены работать в тяжелых условиях; связанных со смертельным риском.

В стране тогда была разрешена только одна партия, которую назвали партией Мавританского народа. Ее создали, так сказать, сверху и в ее рамках, под ее контролем существовали и работали женские, молодежные, профсоюзные и другие организации, призванные правительством. Рассматривая деятельность этой правившей страной партии диалектически, с учетом всех сложных процессов разносторонней политической и социальной борьбы, следует признать, что для национальной революции — завоевания и упрочения суверенитета и независимости — она сделала немало. Ныне ее распустили, тем не менее, несмотря на все происки реакции, Мавритания и сейчас стоит на позициях неприсоединения, выступает против колониализма и неоколониализма, за равноправное сотрудничество стран и народов, решительно осуждает агрессивные действия Израиля, поддерживает справедливую борьбу арабского народа Палестины, и, подобно подавляющему большинству мусульманских государств, отвергла капитулянтскую сделку тогдашних правителей Египта с монополистами США и израильскими экспансионистами.

Что касается внутренней политики, то, как уже отмечалось, проводится курс на преодоление экономической зависимости от бывшей метрополии и международных монополий. Создается национальная экономика, включая собственную промышленность, и прилагаются усилия для повышения жизненного уровня народа. С этой целью ускоренными, можно сказать и опережающими темпами развивается пищевая промышленность, вводятся в действие и мощности по переработке животноводческой продукции. В столице республики Накшоте был сооружен молочный комбинат и началось строительство бойни и мясоконсервного завода. Большой мясоконсервный комбинат начали строить в районе города Казди, где еще в 1969 году была сдана в эксплуатацию бойня с холодильником.

Земледелие развито слабее, чем животноводство,—

только в долине реки Сенегал, весьма плодородной, и в оазисах, то есть там, где есть вода, и целиком зависит от погодных условий. Если кому-то выпадает удача, мавританцы говорят: «Он увидел зеленый свет». Зеленый в их представлении синоним счастливого, даже святого, ибо радугу, которая украшает небо по весне, в период кратковременных дождей, и в которой преобладают зеленые тона, они, как глубоко верующие люди, считают светом аллаха, а все, что зеленеет, цветет, плодоносит, — даром аллаха. Если же обратиться к статистике, то она скажет, что на пустынные и целинные земли приходится 46 процентов, почти половина территории страны, а обрабатывается лишь 24 процента земель. Из каждых 9 феллахов 7 занимаются скотоводством, только двое — земледелием.

Основные сельскохозяйственные культуры — африканское просо, называемое манго, и сорго, пшеница и ячмень, финики и овощи. В урожайные, незасушливые годы производится по 100—110 тысяч тонн проса, до 250 тысяч тонн пшеницы и ячменя, по 12—13 тысяч тонн фиников. Поля, пашни и сады являются собственностью крупных помещиков, заинтересованных, как уже говорил, в сохранении феодальных и даже дофеодальных отношений в деревне. Единственным государственным сельскохозяйственным предприятием была в описываемые времена рисоводческая фирма «М. Пурье» близ города Росо.

Правительство предпринимало меры по созданию сети сельскохозяйственных кооперативов на базе освоения новых земель в районах Боге, Гаргола и Каэди, что позволило бы увеличить производство зерновых культур и овощей, а также обеспечить сырьем сахарный завод, построенный в те годы в Наукшоте. Но длительная засуха вынудила отказаться от осуществления ряда проектов и направить средства на дополнительные меры по решению продовольственной проблемы и улучшению водоснабжения населения.

Страна делилась на 12 областей, каждая из которых носила порядковый номер, а не название, скажем, административного центра, долины или горного хребта, как это принято в других странах. Столица — город Наукшот — входила в особый округ. Городом она стала по существу недавно, раньше была обыкновенным французским портовым поселением с рядом благоу-

роенных зданий и обязательной церковью. Место здесь ветреное, мавританцы говорили нам, что Наукшот и означает «ветреное место». Ветер дует здесь постоянно, то влажный, достающий с океанского простора, то знойный, обжигающий, несущий, как наш «афганец», тонны пыли — из пустыни. Тем не менее, провозгласив независимость, глава правительства предложил объявить столицей республики именно Наукшот и призвал построить новый город как символ новой жизни; учитывалось, разумеется, и выгодное географическое положение.

Теперь Наукшот стал крупным политическим и научно-техническим центром страны. Здесь функционирует научно-исследовательский центр по проблемам производительных сил, открыты педагогический институт и женские курсы, две библиотеки, работает национальная радиостанция, издаются газеты и официальные бюллетени. Население приближается к 150 тысячам, Застраивается город по-современному, растет и хорошеет на глазах. Одним из лучших сооружений, украсивших, по единодушному признанию мавританских друзей, их столицу, стал посольский комплекс СССР, построенный по решению Советского правительства в 1974—1975 годах. Наукшотом заинтересовались многие зарубежные капиталистические фирмы, ставшие скупать здесь с целью наживы земельные участки для строительства туристических гостиниц и пансионатов.

Вторым по численности населения (20 тысяч) и, пожалуй, первым по экономическому значению является портовый город Нуадибу, административный центр восьмой области. Сюда заходят океанские суда, здесь грузятся на корабли и отправляются за границу железная руда и другие полезные ископаемые, тут имеются крупные промышленные предприятия, в том числе электростанция, химический завод, который производит кислород и ацетилен, рыбконсервный завод с мощным холодильником, а также международный аэропорт, принимающий любые современные самолеты.

Следует, очевидно, сказать и о том, что на линии Наукшот — Нуадибу, вдоль побережья, открыты богатейшие залежи фосфоритов и гипса. Кроме того, в области, как и в других районах страны, геологическое строение которых сходно с нефтеносными районами Алжира и Ливии, ведутся широкие поисковые работы

на нефть. В случае успеха в Нуадибу будет построен крупный нефтеперегонный завод.

Железная дорога связывает Нуадибу с Форт-Зенком, центром добычи железной руды. Здесь она пересекается с магистральным шоссе Нуакшт — Айн бен Тили. По численности населения (18 тысяч) Форт-Зенн третий город страны; он входит в седьмую область, административным центром которой является город Атар, где проживает 10 тысяч человек. Упомяну также города Каэди и Росо, расположенные на реке Сенегал — одной из крупнейших водных магистралей Западной Африки, давшей название пограничному с Мавританией государству.

Каждой областью управляет губернатор, назначаемый центральным правительством, во главе которого стоит президент. Он избирается всеобщим голосованием сроком на 5 лет, причем, в соответствии с конституцией, кандидатом мог быть выдвинут только представитель правящей партии Мавританского народа. На 5 лет избиралось и Национальное собрание, состоявшее из 40 депутатов. Президент, он же главнокомандующий вооруженными силами, осуществлял законодательную власть, подписывал и ратифицировал международные договоры и соглашения, формировал правительство, назначал и смещал министров, которым принадлежала исполнительная власть.

Все, о чем рассказано выше, как и приведенные справочные данные, я почерпнул не только из официальных материалов, которые тщательно изучил перед тем, как приступить к работе, но и из собственной практики, из того, что увидел и узнал, о чем размышлял в течение почти трех лет пребывания на посту Чрезвычайного и Полномочного посла СССР и Исламской республики Мавритания. Все это я постарался обобщить, чтобы дать читателю несколько цельное представление о стране и стоящих перед нею проблемах и чтобы затем, так сказать, не отвлекаться — не нарушать последовательности повествования.

Прибыл я в Мавританию 20 сентября 1972 года, ехал до Парижа поездом, оттуда полетел самолетом. Товарищи, работающие в советском посольстве во Франции, неплохо знали мавританских руководителей и поделились со мной своими соображениями, дали несколько добрых советов, которые я принял с благодар-

ностью, зная, как они помогут в предстоящей работе. Сразу скажу, что в Нуакшоте был тесно спаянный, дружный коллектив сотрудников, истинных тружеников, патриотов и интернационалистов, много сделавших и делающих для всестороннего развития советско-мавританских отношений вопреки коварным проискам империалистических кругов и некоторых недружелюбных приспешников. С теплыми чувствами, сердечной признательностью и благодарностью вспоминаю советников посольства П. И. Мусиенко и И. Ф. Дружинина, первого секретаря И. Шевченко, молодых и энергичных сотрудников В. Пяткина, Н. Иванова, Н. Н. Филипова, В. Федоровского, Карима Юлдашева, супругов В. С. и Т. А. Подколзиных и других товарищей, достойно представляющих нашу великую и любимую Родину.

Церемония вручения верительных грамот — до этого посол не имеет официального статуса — состоялась 22 сентября, в самом начале рабочего дня президента республики. В президентский дворец я отправился в сопровождении ответственных сотрудников нашего посольства и заведующего протоколом президента, который приехал за мной на «мерседесе» под мавританским и советским флагами. Президент встретил меня у входа в свой кабинет. Обменявшись рукопожатиями, мы сели, и пока подавали фруктовый сок, я вручил ему верительные грамоты, после чего состоялась короткая беседа, носившая протокольный характер. Я уже знал от заведующего протоколом, что вечером президент даст обед в честь советского посла, на котором будут присутствовать министр иностранных дел и его заместитель, носящий ранг государственного секретаря министерства.

Во время обеда мы разговаривали более непринужденно, и беседа приняла дружественный, располагающий друг к другу оборот. Я передал президенту приветствие Председателя Президиума Верховного Совета СССР, которое он принял с благодарностью. Он сказал, что еще до личного знакомства имел представление о советском после по рассказам президента ЙАР эль-Арьяни, с которым недавно встречался. Затем президент подчеркнул, что ему хорошо известны роль и значение Советского Союза на международной арене,

в том числе в деле поддержки национально-освободительного движения народов, и добавил:

— Моя страна стремится расширять и укреплять советско-мавританские связи. Для этого у нас есть все возможности и условия.

Одновременно он намекнул на свое желание посетить Советский Союз с дружественным официальным визитом, а, прощаясь, выразил надежду, что наша следующая встреча не затянется, произойдет в скором времени.

— Уверен, мы подружимся,— сказал президент.

Последующие дни были заполнены протокольными визитами министрам и другим государственным деятелям страны, высшим должностным лицам партии Мавританского народа, коллегам по дипломатическому корпусу. Эти визиты давали возможность завязать личные знакомства, острее почувствовать, так сказать, политическую температуру, чтобы шире анализировать обстановку и глубже обосновывать выводы. Кроме того, в ходе бесед решались и некоторые практические вопросы.

Еще в бытность мою в Москве, накануне отъезда, стало известно, что мавританские власти задержали два торговых судна Германской Демократической Республики, якобы допустивших нарушение их территориальных вод. Надо сказать, что мавританцы очень болезненно относятся к подобным фактам, рассматривают их как покушение на свой суверенитет. Определив свои морские границы и установив 50-ти мильную зону, они ведут усиленную охрану и строго наказывают за малейшее нарушение, не взирая на флаги судов, налагают крупные денежные штрафы. Положение капитанов немецких кораблей осложнялось тем, что ГДР не имела тогда дипломатических отношений с Мавританией. Ее официальные органы избрали посредниками нас, просили разобраться в случившемся и оказать содействие. Дело поручили мне.

Нанеся протокольный визит министру иностранных дел, я завел разговор об этом. Он внимательно выслушал меня, затем, после долгой паузы, начал красноречиво объяснять, чем вызваны строгие законы по охране территориальных вод. С болью в голосе он сказал, что стране и народу пришлось много страдать. Колониальное иго слишком еще памятно, поэтому мавритан-

цы так остро реагируют на любую допущенную по отношению к ним несправедливость. Им свойственны обостренные чувства гордости и самолюбия. Главное, подчеркнул министр — это то, что мы сейчас говорим твердо. «Дело ваше трудное, однако я постараюсь помочь», — сказал он.

Слово свое министр сдержал. Он внес вопрос на рассмотрение Совета Министров и, как только было принято решение, тут же позвонил мне и попросил приехать в правительственную резиденцию, где шло заседание. Я приехал, министр вышел из зала и сказал, что Совет Министров республики делает подарок советскому послу и освобождает торговые суда ГДР без всяких условий. Мне осталось только поблагодарить его, что я и сделал.

Многие государственные и партийные деятели республики, в частности министры иностранных дел, экономики и планирования являлись людьми практичными. Они стремились добиться решения проблем Мавритании и искренне высказывались за расширение дружественных связей с нашей страной. Вместе с тем среди партийных и государственных деятелей имелись довольно внушительные группы, зараженные антикоммунизмом и антисоветизмом, или тесно связанные с правящими кругами западных капиталистических стран и империалистическими монополиями, или защищающие свои узкоклассовые интересы. Влияние их было весьма значительным. Представители таких феодально-буржуазных бюрократических групп при встречах вида, конечно, не подавали, вежливо, по протоколу, улыбались, но своими действиями, строя всевозможные козни, раскрывали истинное лицо.

Не обошлось без неприятностей и во время визитов к коллегам дипломатам. В соответствии с дипломатической практикой вновь прибывающий представитель любой страны должен первым нанести визит дуайэну (старшине) дипкорпуса. В то время постоянным дуайэном был посол Франции. Говорю «постоянным», так как французские позиции оставались все еще довольно-таки прочными. Франция по-прежнему держала в своих руках решение многих внутренних и внешних проблем Мавритании, ее советники и чиновники работали в канцелярии президента и во всех министерствах. Французские послы считали себя верховными комисса-

рами или, точнее, наместниками, имели большое влияние, поэтому западные представители, которых было большинство, и избирали постоянно дуайэном дипкорпуса главу французского посольства.

С ним договорились о моем визите, назначили день и час. Я подъехал что называется, минута в минуту, но меня никто не встретил. Это было грубым нарушением дипломатического этикета, я имел полное моральное право повернуть назад и ждать извинений. Однако Франция—дружественная нам страна, усилия, предпринятые главами двух наших государств, немало способствовали делу международной разрядки, оздоровлению политического климата в Европе. Исходя из этого, я со своим помощником, который бывал во французском посольстве не раз, все-таки решил войти. Посол оказался на месте. Он был скопфужен, беседу повел радушно. Тем не менее я откровенно сказал ему, что мог бы отказаться от визита, но не сделал этого только из глубокого уважения к его стране. Он принес извинения, красноречиво объясняя, что просто-напросто, забыл. Видимо, о его проступке стало известно в Париже и он получил соответствующее внушение, ибо в дальнейшем был всегда предупредительно любезен, оказывал всяческие знаки внимания. У нас с ним и с его преемником установились неплохие деловые контакты.

Западные дипломаты и все более смыкавшиеся с ними пекинские лидеры были обеспокоены, проявляли нервозность, ибо не желали развития советско-мавританских отношений, к чему явно склонялись руководители страны. В конце сентября, то есть буквально через несколько дней после вручения верительных грамот, в нашем посольстве раздался звонок от заведующего протоколом президента. Нам сообщили, что президент намерен вновь встретиться с советским послом и приглашает его на беседу, которая состоялась в тот же день.

Эта беседа была интересной во всех отношениях. Президент откровенно сказал, что его не удовлетворяет состояние мавритано-советских связей, он намерен предпринять шаги для их дальнейшего расширения и укрепления. Он видит возможности по всем линиям — государственным, межпартийным, экономическим, научно-техническим и культурным,— в связи с чем просит передать руководителям моей страны о его намерении

посетить Советский Союз во главе партийно-правительственной делегации.

— Я немедленно свяжусь со своим правительством, — ответил я.

Забегая несколько вперед, скажу, что в тот же вечер отправил в Москву депешу и вскоре получил ответ о положительном отношении к намерению президента Мавритании. Большинство мавританских деятелей встретили это сообщение тепло и развернули широкую подготовку к предстоящему визиту, время которого предстояло согласовать несколько позднее, так, чтобы оно было удобным для обеих сторон.

В той же беседе, состоявшейся по инициативе президента, была достигнута договоренность о приглашении в Мавританию советских экспертов по вопросам подготовки соглашения о морском рыболовстве. Мы решили, что после того, как будут подготовлены необходимые документы, мавританское правительство пригласит для их подписания министра рыбного хозяйства СССР.

Затем президент сказал, что он просил помочь наладить киноаппаратуру в Доме партии, которая в свое время была подарена советским правительством, и я обещал договориться о направлении специалистов. Тогда он попросил, если возможно, предоставлять ему советские кинокартины, которые он смотрел бы в часы отдыха в домашней обстановке, в кругу своей семьи.

— У вас в доме есть киноустановка? — спросил я.

Президент смущенно улыбнулся и развел руками, из чего следовало, что просить киноустановку он не решился. Встретившись взглядами, мы рассмеялись.

На мое приглашение посещать мероприятия, проводимые советским послом в своей резиденции, президент ответил, что, к сожалению, лично бывать не имеет возможности, однако во всех мероприятиях будут принимать обязательное участие другие приглашенные деятели партии и государства. Произнося эти слова, он взглянул на министра иностранных дел и одного из секретарей партии Мавританского народа.

— Обязательно! — подтвердил министр.

В этом я смог вскоре убедиться: на приеме, устроенном посольством в честь 55-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, присутствовали почти все партийные, государственные и общест-

венные деятели страны. Так бывало и в дальнейшем. Наши отношения в целом складывались довольно-таки неплохо.

Советское правительство с пониманием отнеслось к пожеланиям мавританцев. Были срочно направлены специалисты, которые в кратчайший срок привели в полный порядок всю киноаппаратуру, установленную в Доме партии. В конце октября приехали советские эксперты по рыбным вопросам, несколько позже — специалисты — эксперты по проблемам экономического и научно-технического сотрудничества. В свою очередь Мавритания направила представительную делегацию, во главе с секретарем партии и министром иностранных дел Хамди Мукнасом на празднование 50-летия образования СССР.

Все это не могло не волновать явных и тайных врагов наций Родины, не гнушавшихся распространять самую низкопробную клевету и идти на гнусные провокации. Когда наши эксперты по рыбным вопросам в ноябре 1972 года приехали по делам службы в Наудибу, находившиеся там французские чиновники встретили их с неприкрытой злобой, оскорбляли и прямо заявляли, что не дадут работать, что в будущем, если советско-мавританское соглашение о рыболовстве будет все-таки заключено, станут мешать его осуществлению и сделают все для того, чтобы мавританцы вышвырнули советских людей из страны. В выражениях они не стеснялись. Эта грубая вылазка французских неоклоналистов вызвала глубокое возмущение всей мавританской общественности и многих государственных деятелей страны. Министр иностранных дел охарактеризовал ее как недопустимое вмешательство во внутренние дела Мавритании.

Усердствовали, разжигая антисоветизм, и американские официальные представители. Послом США оказался, как говорится, старый знакомец — Дин Мор, в свое время занимавший такой же пост в Саудовской Аравии. Он активно проводил политику разжигания гражданской войны и осуществления кровавой интервенции в Йеменскую Арабскую республику, вел враждебную деятельность против Советского Союза. Наши дипломаты в ИАР знали все это. Теперь мы встретились в Нуакшоте. Когда-нибудь придет время и можно будет многое порассказать о Дине Море, пока же

ограничусь этим. Добавлю лишь, что дипломат он опытный, ловкий и красноречивый, защищать интересы своих хозяев умеет; видать, поэтому и перевели его в одну из прифронтовых стран Ближнего Востока.

Я приехал в трудное для Мавритании время, когда почти вся страна была охвачена страхом. Из-за систематически повторяющейся в течение пяти лет засухи по республике бродил призрак голодной смерти. Он вселял ужас, сгонял с обжитых мест массы людей. Покинули традиционные пастбища и кочевники, скопились в долине Сенегала и вокруг больших городов, в том числе Нуакшота. В связи с этим возникли громадные экономические трудности и резко обострилась проблема обеспечения населения продовольствием.

Для борьбы с грозными последствиями засухи был создан специальный национальный комитет. С 1972 года правительство осуществляло, по словам мавританских деятелей, «срочное вмешательство в экономику», цель которого — помочь продовольственными товарами населению, пострадавшему от стихийного бедствия. Из государственных ресурсов выделялись пшеница, рис, просо, сахар и другие продукты питания. Была организована закупка излишков сельхозпродукции в глубинных районах и создан правительственный орган для контроля над ценами на зерновые, которые продавались населению. В конце года президент страны в сопровождении ряда министров посетил многие районы, пострадавшие от засухи, интересовался, насколько правильно распределяется продовольственная помощь и как строго соблюдаются цены. По рассказам очевидцев, он вскрыл ряд злоупотреблений и на месте принял оперативные меры. В стране это вызвало положительный резонанс.

В борьбе с последствиями засухи Мавритании оказывали большую помощь многие международные организации и зарубежные государства, в том числе Советский Союз и другие социалистические страны.

Ознакомившись с положением в стране и установив контакты с ее лидерами, сделав кое-какие предварительные выводы, в конце декабря 1972 года я приехал в Москву для консультаций. Вызов был сделан по моей просьбе, докладывал непосредственно министру иностранных дел СССР товарищу Громыко А. А. Андрей Андреевич выслушал меня и сказал:

— Вам, товарищ Рахматов, следует рассказать все это на коллегии. Пусть товарищи разберутся поглубже, тогда и проблемы будем решать эффективнее.

Он тут же вызвал товарища И. Н. Земского, тогдашнего генерального секретаря МИДа, затем заместителя министра, и поручил подготовить вопрос о мавританских делах для рассмотрения на коллегии.

Заседание коллегии министерства состоялось 3 января 1973 года, я выступил с информацией. После детального обсуждения коллегия приняла постановление, которым определялись основные направления деятельности посольства в конкретных условиях Мавритании. Это была большая помощь. Решение коллегии, равно как и внимание, оказанное руководителями министерства и товарищами А. А. Громыко и В. В. Кузнецовым, партийная организация посольства, все сотрудники восприняли как новое проявление отеческой заботы родной партии и Советского правительства.

Мы с удвоенной энергией взялись за работу. В тот период я совершил немало поездок по стране, расширяя свои познания о ней, углубляя контакты и знакомство со многими государственными и партийными деятелями, отношения с которыми строились на основе глубокой заинтересованности в развитии советско-мавританских отношений и нередко были отмечены взаимными симпатиями, доверительной откровенностью. Ряд министров и ответственных работников партийных органов Мавритании не только участвовали в мероприятиях нашего посольства, но часто, выбрав свободное время, приходили просто так, вне всякого протокола, как приходят в гости к хорошим приятелям, и бывали рады видеть нас у себя.

Мавританские деятели, как, разумеется, и мы, были довольны тем, что отношения между нашими странами получили новые импульсы и развиваются по восходящей. Вскоре после моего возвращения из Москвы состоялся обмен делегациями по партийной и государственной линии. В том же году в Советском Союзе побывала делегация мавританских сторонников мира, которая познакомилась с жизнью нашего народа, занятого мирным созидательным трудом.

Большую роль в расширении взаимовыгодного сотрудничества сыграл визит в Москву министра экономики и планирования. Он был принят членом Полит-

бюро ЦК КПСС, тогдашним первым заместителем Председателя Совета Министров СССР товарищем К. Т. Мазуровым и заместителем Председателя Совета Министров СССР, Председателем Госплана СССР товарищем Н. Я. Байковым. По существу впервые после освобождения от колониального ига Мавритания заключила равноправные соглашения и контракты. Среди них — соглашения о развитии политических и культурных связей, о морском рыболовстве и контракты по привлечению советских специалистов для работы в области геологии и медицины.

В соответствии с соглашением о морском рыболовстве наша страна развернула в Мавритании строительство океанографического научно-исследовательского центра, обязавшись оснастить его современным оборудованием и подготовить необходимые кадры. Кроме того, была осуществлена поставка нескольких сторожевых катеров, в которых Мавритания нуждалась для усиления охраны своих территориальных вод. Соглашение, как и было оговорено с президентом, подписали за Союз Советских Социалистических Республик министр рыбного хозяйства СССР А. А. Ишков, за Исламскую республику Мавритания — министр экономики и планирования Сиди Абдаллахи.

Накануне отъезда из Наукшота в Москву нашего министра я пригласил его встретиться с сотрудниками посольства и выступить перед ними, а затем поужинать в неофициальной обстановке у меня в резиденции с некоторыми мавританскими государственными деятелями, принимавшими участие в разработке и подписании упомянутого соглашения. Однако оказалось, что на тот же вечер назначен прием во французском посольстве. Нельзя было не принять в нем участия ни нам, ни тем более мавританским деятелям. Но мы получили приглашение с опозданием, поэтому не могли отменить или перенести свое мероприятие. Советский министр улетал на рассвете, а коллектив ждал встречи с ним, для сотрудников она была равносильна свиданию с Родиной. Это не выразить никакими словами — как горячо встречают советские работники за рубежом приезжающих товарищей, как жадно интересуются новостями, с каким вниманием слушают!...

Короче говоря, я договорился с мавританскими деятелями встретиться во Французском посольстве, а что

делать дальше, идти к нам или нет,—это на усмотрение каждого, в зависимости от обстоятельств. Побывав около получаса на приеме, я деликатно объяснил французскому послу, почему не могу задержаться, попрощался с ним и уехал к себе. Сотрудники уже собрались, заняли места. Только стал представлять слово министру, вижу в дверях стоит постоянный секретарь партии Мавританского народа Абдул Азиз Саль и улыбается. Пригласили его в президиум; посадили рядом с нашим министром, и я вернулся к прерванной мысли, но тут появился министр экономики и планирования, за ним, буквально через 5—6 минут министр иностранных дел. В общем, вечер по единодушному мнению присутствующих, удался.

Бывал в гостях у мавританских деятелей и я. Однажды Хамди Мукнас и Сиди Абдаллахи пригласили меня с женой на загородную прогулку. Их супруги по состоянию здоровья поехать не могли, поэтому с нами оказалась родственница Абдаллахи, которую звали Бухара. Так же звали и жену Абдуллахи. Несколько позже мне рассказали — и не один человек, — что в этом большом семействе кто-то из предков выходец из нашей Бухары и поэтому в память о нем многих новорожденных, особенно женского пола, нарекают именами, в основе которых лежит название славного, известного во всем мире, древнего города. Когда я спросил самого Абдаллахи, так ли это, он ответил арабской поговоркой, соответствующей нашей «нет дыма без огня», затем добавил:

— Члены моей семьи убеждены в этом и мечтают побывать на родине предка.

Об этой мечте говорила моей жене Александре Алексеевне, подружившись с ней, и его родственница Бухара.

Загородная прогулка доставила всем удовольствие, обогатила новыми впечатлениями, дала возможность еще раз убедиться в искреннем гостеприимстве мавританцев. Мы поехали по пустыне, которая, если уметь наблюдать, не такая уж безжизненная, и отдыхали в юртах, используемых состоятельными горожанами, применительно к нашим представлениям, как дачные домики. Впрочем, юрты можно увидеть и в самом Нуакште, во дворах и садах, окружающих дома и дворцы.

Мавританцы говорят, что в них прохладнее, лучше отдыхается.

Вспоминается и поездка с министром внутренних дел в гости к советским морякам, стоявшим на Нуакшотском рейде. Министр спросил меня:

— А можно поехать с супругой?

— Желание гостя — закон для хозяина, — ответил я.

Наши моряки исключительно тепло, с подлинно советским радушием приняли высокопоставленных гостей, и мы провели на корабле почти целый день. К вечеру погода стала портиться, разгулялись волны, капитан сказал, что возможен шторм, и предложил переждать его в отведенных нам для отдыха каютах. Но супруга министра не захотела остаться, так как дома ждали маленькие дети. Полная, невысокая женщина, она, когда перебиралась на катер, с трудом спускалась по раскачиваемому ветром трапу, и, остушившись, чуть не упала. К счастью, ее вовремя поддержал один из моряков.

На катере тоже было беспокойно, он то зарывался в воду, то возносился на гребень волны. Супруга министра сидела бледная, прижав руки к груди и зажмурившись, готовая, кажется, распрощаться с жизнью. Когда мы, наконец, оказались на пирсе, она что-то сказала мужу, он кивнул головой и обратился к морякам со словами благодарности.

— Я и моя супруга восхищены вашим мужеством и умением справляться с трудностями, — сказал он и крепко пожал каждому руку.

Такие дружеские контакты и встречи, совместные поездки служили благородному делу укрепления взаимопонимания и взаимного уважения, углубляли доверие и помогали искать конструктивные решения и устранять препятствия на пути развития советско-мавританского сотрудничества.

Мавританцы горды и самолюбивы. Вспоминаю, когда стояла жестокая засуха и массы людей голодали и страдали, в отличие от других стран Арабистами и Африки в Мавритании — ни в Наукшоте, ни в других городах и поселениях — мы не видели просящего милостыню человека.

В конце июля 1973 года я побывал в городе Атар, куда съехались наблюдать предстоящее солнечное затмение ученые всех стран, в том числе и наши. Перед

закатом мы с помощником вышли пройтись по городу. Нам повстречалась группа бедно одетых людей, взиравших на небо. Мы поприветствовали их, в ответ они предложили нам закопченное стекло для наблюдения за небом. Ничем, иным, кроме денег, мы не могли отблагодарить их, и я сказал помощнику, чтобы он сделал это. Но они отреагировали болезненно, обиделись. Тогда я сам подошел к ним и, объяснив, чем вызвано наше желание, попросил не обижаться.

— Не примите за подаяние, — сказал я. — Мы и в мыслях не держали этого, наш жест — от чистого сердца. Мы ваши друзья.

— А откуда вы? — спросил кто-то.

Услышав ответ, люди стали наперебой извиняться, но не преминули подчеркнуть, что иные иностранные туристы суют им деньги или какие-нибудь тряпки и безделушки, против чего восстает все их существо. Засуха и прочие трудности, сказали они, не заставят их поступаться гордостью и идти на унижения.

Такая гордость восхищала нас. Но когда гордость и самолюбие трансформируются в тщеславие, это может привести человека к многочисленным пагубным ошибкам, сделать его игрушкой в руках тех, кто использует лесть и подхалимаж в своих корыстных целях. Пусть не обижаются друзья в Мавритании, я говорил им об этом прямо, ссылаясь на многочисленные примеры из их взаимоотношений с западными и представителями некоторых других стран.

Солнечное затмение, о котором я упомянул, началось утром, и на несколько минут все вокруг погрузилось во тьму. Зрелище, конечно, удивительное, я с удовольствием наблюдал его, но главная цель моей поездки в Атар состояла в том, чтобы помочь, если возникнет необходимость, нашим ученым в работе. Самыми многочисленными были советская, американская и французская группы, и наши ученые потом говорили, что их иностранные коллеги на факте моего появления в Атаре сделали нужные выводы, вповь убедившись в том, как Советское правительство окружает деятелей науки вниманием и заботой.

В тот же день я вернулся в Нуакшот вместе с корреспондентом ТАСС на его машине. Свою машину оставил помощнику, чтобы он оказал содействие нашим ученым в сборах и подготовке к возвращению на ро-

дину. Путь их лежал через столицу республики, они имели возможность задержаться на несколько дней, и я решил устроить в их честь прием. Появившись в посольстве прямо с дороги, дал указание подготовить прием на 3 августа и, немного отдохнув и переодевшись, поехал на прием по случаю Дня независимости Ливии в ее посольство.

Но что это? Почему, едва вошел, присутствующие устремили на меня любопытные, а иные и злорадные взгляды. Правда, тут же отводили глаза, отвечали на приветствия, но как бы через силу, подчиняясь этикету. Особенно неприятна была отчужденность дипломатических представителей арабских стран и мавританских деятелей, с которыми у меня установились хорошие дружественные отношения.

Никто из наших сотрудников не мог знать, что произошло. Было ясно: империалистические разведки в союзе с местной реакцией, усиленно проводившие в те дни антисоветскую кампанию, пустили в оборот какую-то сильно действующую клевету, но в чем она выражалась? Пока мы могли только строить догадки. А положение обострялось, в дипломатических кругах стали муссироваться слухи о том, что правительство Мавритании намерено объявить меня персоной нон грата, т. е. поставить вопрос о моем отзыве из страны. Однако, несмотря на все это, мы провели прием в честь советских ученых, тем более что президент республики наградил двоих из них — сотрудников знаменитой Пулковской обсерватории, что под Ленинградом, — мавританским орденом; в списках награжденных иностранных ученых они стояли первыми.

Причина резкого охлаждения, которое тогдашние руководители Мавритании продемонстрировали на приеме в ливийском посольстве, сильно обеспокоила меня.

Лишь на другой день, утром 4 августа, она стала известна. Охлаждение было вызвано гнусной антисоветской провокацией империалистических разведок, наводивших Мавританию и многие азиатские, африканские и даже европейские страны толстой книгой «Можно ли вернуть Корану?» Книга была издана на арабском и французском языках, автором ее является... Мирзо Рахматов.

Да, мое имя стояло на обложке, и буржуазная пропаганда стала трубить на все лады, пороча меня, как

чернителя ислама, оскорбившего религиозные чувства мавританцев и других мусульманских народов.

Я тут же связался по телефону с министром иностранных дел Мавритании. Он был холодно вежлив, но, как видно, учитывая роль нашей страны на международной арене, не мог отказать в личной встрече и назначил прием на 13 часов. Я явился точно в срок и едва войдя в кабинет министра, тут же увидел на его столе книги, оба издания — на арабском и французском языках, но сделал вид, что они меня не интересуют.

Встречу сознательно обставили протокольными церемониями, подчеркивая, что она является официальной. Следовательно, и держаться надо было соответственно, со всем достоинством, присущим полномочному представителю Советской страны. Министр, прежде называвший меня часто братом, сухо сказал:

— Господин посол, вот ваша книга, в которой вы оскорбляете нашу государственную религию и наш народ...

— Позвольте взглянуть, — перебил я.

— Здесь ваша фамилия, вы автор...

— Позвольте взглянуть — повторил я, вновь перебив.

Министр подал мне книгу. Беглого взгляда было достаточно, чтобы определить, как топорно сработала эта гнусная фальшивка, по обложке, клише, отсутствующим выходным данным и прочим особенностям, характерным для советских изданий. Я сказал об этом министру, привел некоторые доказательства, которые он признал убедительными, ибо при мне позвонил президенту и проинформировал его о нашем разговоре.

Президент дал указание выяснить, кого я подозреваю, и предложил мне устроить по этому поводу пресс-конференцию в посольстве, на которой я должен выступить с соответствующими объяснениями.

Я ответил министру:

— Вы сами поищите автора фальшивки — он является прежде всего вашим врагом, ибо стремится омрачить дружественные отношения Мавритании с Советским Союзом и тем самым нанести удар вашей борьбе за национальную независимость и суверенитет, которую мы поддерживаем как искренние и бескорыстные друзья. Что касается пресс-конференции, то устраивайте ее вы, а я готов выступить.

Снова посоветовавшись с президентом, министр заявил, что они согласны взять организацию пресс-конференции на себя.

Она состоялась в тот же день, началась в 16 часов. Собрались чуть ли не все иностранные корреспонденты, аккредитованные в Мавритании. В те дни в Нуакшоте находился приехавший из Дакара корреспондент «Правды» Л. Кузнецов, принявший активное участие в разоблачении происков империалистических разведок и антисоветской пропаганды; он тоже присутствовал на пресс-конференции. Выступив по просьбе мавританского правительства, я кратко охарактеризовал сложившуюся ситуацию, вызванную распространением в стране книгой «Можно ли верить Корану?», которую приписывают мне, и, разоблачая ее как грязную, грубо сработанную фальшивку, как и в беседе с министром иностранных дел, сделал упор на то, что провокация направлена прежде всего против мавританского народа. Нам близки и понятны ваши чаяния, сказал я. Мавританский народ пережил глубокую трагедию, попав под иго колонизаторов, принес немало жертв в борьбе за свободу. Но теперь, когда он добился ее, когда встал на путь прогресса, стремится добиться полной политической и экономической независимости, его бывшие угнетатели при поддержке всех неокOLONиалистических сил и в союзе с местной реакцией прилагают все усилия для того, чтобы оторвать народ от его естественных союзников — Советского Союза и других социалистических стран.

— У нас есть поговорка: «Правда подобна солнцу», — сказал я. Как не сдержат восход и заход солнца, так не удастся долго скрывать правду и маскироваться ложью. Но это не значит, что мы должны спокойно взирать на происки наших врагов. Нам вместе надо проявлять усиленную бдительность, уметь различать, кто является настоящим другом, кто фальшивым, а кто примазывается. Что касается религии, то у нас в стране свобода вероисповедания, оскорбление религиозных чувств карается законом, церковь отделена от государства.

Мне пришлось ответить на много вопросов и уже по тому, как менялся их характер, можно было понять, что аргументы оказывают действительное влияние, присут-

ствующие все больше убеждаются, что книга является фальшивкой.

Через несколько дней с разоблачениями антисоветских провокаций в Мавритании выступили газета «Правда» и «Известия». Статьи, опубликованные в них, произвели большое впечатление на мавританскую общественность. Мавританский правительственный бюллетень и радио Нуакшоты тоже дали материалы, в которых говорилось, что книга, приписанная советскому послу, — фальшивка и что она направлена против мавритано-советской дружбы.

Часто встречаясь после этой истории со многими партийными, государственными и общественными деятелями Мавритании, мы постепенно не только восстановили прежние неплохие отношения, но и еще больше расширили их и углубили. Мы не превращали наши беседы в казуистическую риторику, а всегда были откровенны и правдивы, что способствовало укреплению доверия и уважения.

Как известно, в июле 1978 года в Мавритании произошел государственный переворот, и новое правительство пересмотрело многие аспекты внутренней и внешней политики кабинета Моктара Ульд Дада, в частности, осудив его курс на вооруженный захват Западной Сахары, бывшим источником напряженности в этом районе многострадальной Африки. Когда мавританцы спрашивали наше мнение по западносахарской проблеме, мы откровенно отвечали, что выступаем за мирное урегулирование конфликта. Хорошо, что новое правительство положило ему конец. Что касается других вопросов, то, как говорится, покажет будущее. В любом случае, их решение — это дело самих мавританцев.

В своей практической работе сотрудники нашего посольства в Мавритании руководствовались, как и теперь, интересами расширения и укрепления советско-мавританской дружбы и сотрудничества на общеизвестных пезыблемых принципах внешней политики, сформулированных бессмертным Лениным. Исходя из них, много внимания уделялось делу ознакомления мавританцев с достижениями нашей великой Родины и задачами, которые советский народ решает в самоотверженной борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране. С этой целью мы регулярно организовывали приемы и встречи с дипкорпусом и с

представителями местной общественности и деловых кругов, устраивали для них просмотры кинокартин. Должен отметить, что особый интерес вызвали фильмы на историко-революционную тематику, о героических подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны. Всеобщее восхищение вызвали и такие художественные кинофильмы, как «Белое солнце пустыни» и таджикская лента «Рустам и Сухроб», снятая народным артистом республики Б. А. Кимягаровым по мотивам бессмертной поэмы Фирдоуси «Шах-наме». Подобные произведения искусства тоже способствуют укреплению дружбы и сотрудничества между народами, помогают торжеству правды.

В Мавритании я встретил свое 60-летие. Рано утром, едва встало солнце, дежурный сотрудник посольства принес сообщение о том, что в связи со знаменательным днем рождения коллегия Министерства иностранных дел СССР поздравляет меня и объявляет благодарность. Через несколько минут этот же сотрудник позвонил и сказал:

— Мирзо Рахматович, приходите скорее, есть еще кое-что для вас.

Когда я пришел в свой рабочий кабинет, он положил на стол телеграмму, подписанную А. А. Громыко и П. А. Абросимовым, в которой очень тепло поздравляли меня с юбилеем и высокой наградой Родины орденом «Дружба народов». Я был растроган до глубины души. Восприняв все это, как еще одно свидетельство постоянной заботы родной партии.

Я проработал в Мавритании около трех лет и покидал эту страну с теми же чувствами, которые волновали меня, когда прощался с Йеменом. Зная, что у мавританского народа долгий путь борьбы, я желал ему успехов, счастья и процветания...

Книга моя подошла к концу: Я пропелся по страницам памяти с одной лишь целью; показать на примере своей жизни и работы, которую мне доверяла родная партия, величие и торжество ленинских идей, их влияние на судьбу трудового человечества, на взаимоотношения между государствами и народами.

СОДЕРЖАНИЕ

«Счастливая Аравия»	5
Шквалы истории	26
В трудные дни ИАР	51
Мы — советские	86
Правда солнцу подобна	99

Рахматов Мирзо

НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПОСТУ

Редактор *Р. Александров*

Художественный редактор *В. Щелюбов*

Технический редактор *Е. Гуськова*

Корректор *Н. Калинина*

ИБ № 2450

Сдано в набор 05.11.90. Подписано в печать 20.12.90. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,035. Уч.-изд. л. 6,71, Тираж 1500, Заказ 4116,
Цена 15 коп.

Издательство «Ирфон», 734063. Душанбе, ул. Айни, 126.

Душанбинский полиграфкомбинат 734063. Душанбе, ул. Айни, 126.